

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2021. Том 19, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая и прикладная лингвистика

- Масевич А. Ц., Захаров В. П.* Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах 5
- Бочкарев А. Е.* К истолкованию метафор и образных сравнений в Псалтири: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi* 36
- Иванов А. В.* Ударение: диахронное и лексикографическое описание эволюции и обособления лингвистического термина 48
- Ткачева И. О.* Процесс адаптации междометия *вау* в русском языке сквозь призму современного толкового словаря: от жаргонного к разговорному, от разговорного к терминологическому 68
- Иванова И. Б.* Именные конструкции вертикального уровня в якутском языке 82
- Калашников А. В.* Мнемонические приемы в английском лингводидактическом дискурсе 93

Переводоведение

- Алексеева И. С., Антонова А. М.* Структура динамической образовательной среды матричного типа (на примере Санкт-Петербургской высшей школы перевода при РГПУ им. А. И. Герцена) 103
- Кашилева К. К.* Новый перевод первой авантюры «Песни о нибелунгах» на русский язык 117

Психолингвистика. Исследования языка и речи

<i>Шапошникова И. В.</i> Модус интенциональности русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики	135
<i>Алексеев А. Б.</i> О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика	151
<i>Дебрени М.</i> Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы	167
Информация для авторов	181

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2021. Volume 19, № 4

CONTENTS

Theoretical and Applied Linguistics

- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.* Diachronic Changes in the Frequency of Color Designation in Russian Poetic Texts 5
- Bochkarev, A. E.* On the Interpretation of Metaphors and Similes in the Psalms: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi* 36
- Ivanov, A. V.* *Udareniye*: Diachronic and Lexicographic Description of the Linguistic Term and its Breaking Away from the Greek and Church Slavonic Tradition 48
- Tkacheva, I. O.* The Adaptation of Loan Interjection *wow* in the Russian Language through the Prism of Modern Explanatory Dictionary: From Slang to Everyday Speech, from Everyday Speech to Terminology 68
- Ivanova, I. B.* Nominal Constructions of the Vertical Level in the Yakut Language 82
- Kalashnikov, A. V.* Mnemonic Aids in Linguodidactic Discourse 93

Translation and Translation Studies

- Alekseeva, I. S., Antonova, A. M.* An Innovative Dynamic Matrix-Type Learning Environment Based on the Example of the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen University, Russia 103
- Kashleva, K. K.* New Translation of the First *Nibelungenlied* Adventure into Russian 117

Psycholinguistics. Language and Discourse Studies

<i>Shaposhnikova, I. V.</i> The Mode of Intentionality of the Russian Language Personality through the Prism of Associative Grammar	135
<i>Alexeyev, A. B.</i> The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician	151
<i>Debrenne, M.</i> Image of Russia in French-Language Comics	167
Instructions to Contributors	181

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 81-13

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-5-35

Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах

Андрей Цезаревич Масевич¹

Виктор Павлович Захаров²

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ andmasev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1752-8915>

² v.zakharov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0522-7469>

Аннотация

С помощью методов корпусной лингвистики и с использованием семантической разметки Национального корпуса русского языка (НКРЯ) выявлены некоторые закономерности изменения частотности прилагательных-цветообозначений в поэтических текстах с 1750 по 1999 г. Попутно приводятся описание и характеристики поэтического корпуса НКРЯ (временной охват, число авторов, текстов, число словоупотреблений с разбивкой по десятилетиям), существенные для оценки его репрезентативности. В ходе исследования также выявлен существенный дефект семантической разметки НКРЯ – непоследовательность присвоения тега *цвет*. На взгляд авторов, этот дефект мог повлиять на частные результаты исследования, однако выявленные тенденции частотного поведения лексических единиц представляются достоверными. Методика исследования основывается на сравнении статистических показателей для каждого десятилетия в указанном диапазоне. Соответственно, графики строятся по средним значениям для диапазона, а не по точкам для каждого года с коэффициентом сглаживания, как в работе с инструментом «Графики» НКРЯ. Также показатели в поэтическом корпусе сравниваются с соответствующими данными в корпусе прозы. Кратко представлена обновленная по сравнению с предложенной в работе А. Ц. Масевича и В. П. Захарова «Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах» (Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48) классификация прилагательных, имеющих тег *цвет* семантической разметки в НКРЯ. Результаты исследования представлены в виде диаграмм изменения частотности единиц на протяжении XVIII, XIX и XX вв., построенных для повышения их надежности двумя методами. Достоверно установлено, что в поэтических текстах частотность цветообозначений выше, чем в прозе любого жанра независимо от того, к какой части речи относятся слова-цветообозначения. Самые высокие значения частоты (IPM) всех прилагательных, имеющих тег *цвет* семантической разметки НКРЯ, в поэтическом корпусе НКРЯ отмечаются в последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в. Частотное поведение прилагательных, относящихся к разным классам, существенно отличается в разные временные периоды. В поэзии XVIII в. преобладают аналоговые прилагательные (т. е. слова вторичной номинации, типа *золотой*, *янтарный* и т. п.), в текстах XIX в. – квазицвета (прилагательные типа *светлый*, *тёмный*, *бледный* и т. п.), а у поэтов XX в. – собственно прилагательные цвета. При ранжировании и анализе пятидесяти наиболее частотных прилагательных в каждом десятилетии выявлен существенный факт: в 28 случаях из 50 первые места занимают ахроматические цвета *чёрный* и *белый*.

Статья формулирует некоторые направления наших дальнейших исследований обозначения цвета в русском языке. Это прежде всего дальнейшая разработка классификации прилагательных цвета, статистические аспекты описания их полисемии и сопоставление частотности их употребления у отдельных авторов, что позволит в результате предложить целостный статистико-диахронический подход к описанию цветообозначений в русских поэтических текстах. Обозначены также некоторые другие важные направления, требующие историко-культурной и литературоведческой интерпретации статистической информации.

© Масевич А. Ц., Захаров В. П., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 5–35
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 5–35

Ключевые слова

цветообозначения, прилагательные цвета, диахронические исследования, статистика, поэтические тексты, частотность слов, поэтический корпус НКРЯ, семантическая разметка

Для цитирования

Масевич А. Ц., Захаров В. П. Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 5–35. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-5-35

Diachronic Changes in the Frequency of Color Designation in Russian Poetic Texts

Andrey Ts. Masevich¹, Victor P. Zakharov²

¹ St. Petersburg State Institute of Culture
St. Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ andmasev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1752-8915>

² v.zakharov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0522-7469>

Abstract

We propose a statistical-diachronic approach to the description of color designations in poetic texts in Russian. Methods of corpus linguistics and the semantic annotation of the Russian National Corpus (RNC) applied in the research have revealed certain patterns of change in the frequency of color designations in poetic texts from 1750 to 1999. A quantitative characteristic of the poetic corpus of the RNC is presented by decades of the period under study. We also provide a general description of its poetry corpus (number of texts, number of authors, searching techniques, the semantic annotation, etc.). Also presented is the authors' classification of adjectives with the color tag of the semantic annotation.

The study has revealed the RNC inconsistency in the assignment of color tags during the semantic annotation. In the authors' opinion, this defect could affect the results of the study; however, the spotted tendencies in frequency behavior of color adjectives seem to be reliable.

The research method is based on the comparison of statistical indicators for each decade in the specified range. Accordingly, the charts are plotted with reference to the average values for the range, unlike the RNC Charts tool, where a chart is based on the points for each year with a smoothing coefficient. Also, the indicators in the poetic corpus are compared with the corresponding data in the prose corpus. It has been reliably established that in the texts of the poetry corpus the frequency of color designations is higher than in the texts from basic, newspaper and oral corpora regardless of the part of speech the words belong to. The highest frequency (IPM) values of all adjectives that have the color tag of the RNC semantic annotation are observed in the last decades of the 19th - first decades of the 20th centuries. The frequency behavior of adjectives belonging to different classes differs significantly in different periods. In the texts of the 18th century, the analogous adjectives (or the adjectives of secondary nomination, such as *золотой* (golden), *янтарный* (amber), etc.) prevail. In the texts of the 19th century adjectives – quasi-colors, (such as *светлый* (light), *тёмный* (dark), *бледный* (pale), etc.) are most frequent whereas in the texts of the 20th century the color adjectives per se have the highest frequency. While ranking the data selected from all the periods in the descending order, the first 28 ranks were occupied by the adjectives denoting achromatic colors – black and white. The article also defines prospects for our further research of color designations in Russian: specifying classification of color adjectives, looking at statistical aspects of their polysemy, and comparison of their use frequency by individual authors.

Keywords

color designations, color adjectives, diachronic studies, statistics, poetic texts, word frequency, poetry corpus of the RNC, semantic annotation

For citation

Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. Diachronic Changes in the Frequency of Color Designation in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 5–35. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-5-35

Введение

Перспективная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы предложить схему статистико-диахронического описания цветообозначений в текстах различных типов на основе методов корпусной лингвистики.

Ранее нам уже удалось выявить некоторые важные закономерности в частотном поведении цветообозначений в русской поэзии [Захаров, Масевич, 2019; Масевич, Захаров, 2019а; 2019б; Masevich, Zakharov, 2019]. Было показано, что обозначение цвета в произведениях любого жанра реализуется в первую очередь за счет использования прилагательных. При этом частота встречаемости прилагательных цвета любого типа значительно выше в поэтических текстах, чем в текстах других жанров. Сравнение частотности прилагательных цвета по подкорпусам поэтических текстов разных авторов показывает большой разброс, причем в XX в. частотность прилагательных цвета выше, чем в другие периоды.

Разумеется, на данный момент нам удалось довольно подробно осветить лишь одну сторону этого явления, поскольку объект исследования ограничен поэзией и не включает тексты других функциональных типов. Выбор поэтических текстов обусловлен тем, что в них слова-цветообозначения в целом, в том числе и прилагательные цвета, употребленные в прямом или метафорическом значении, играют более значимую роль (для авторов иногда концептуальную), чем в каких-либо других литературных или речевых произведениях. Более подробно мы покажем это далее в данной статье, сравнив частоты цветообозначений в поэтических и прозаических текстах. При этом отметим, что частота нескольких отдельных прилагательных цвета в прозаических текстах художественной литературы несколько выше, чем в поэтических. Этот факт требует дополнительного исследования по конкретным прилагательным, в том числе с анализом контекстов употребления.

Частотное поведение прилагательных цвета рассматривается нами на значительном отрезке времени – с 1750 по 1999 г. В ходе исследования выявлен ряд статистико-диахронических фактов и закономерностей (паттернов), которые мы постарались представить как можно более полно. Вместе с тем их предметная интерпретация – литературоведческая, стилистическая, культурно-историческая – дело специалистов соответствующих областей, здесь мы ограничились осторожным предложением гипотез.

Поэтический корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ)

НКРЯ содержит 89 124 текста (документа), принадлежащих 951 автору с годами рождения с 1658 до 1967 г. (см. [Гришина и др., 2009]). В корпусе представлены тексты разных поэтических жанров, в том числе пьесы в стихах. Объем корпуса на 17 августа 2021 г. составляет 12 407 747 словоупотреблений.

Как видно на графиках (рис. 1, 2) в разрезе десятилетий наибольшие число текстов и их объем в корпусе относятся к 1910-м гг. (т. е. к Серебряному веку), при этом взрывной рост начинается в первой декаде XX в., а достигнутый уровень удерживается еще два-три десятилетия. Затем объем поэтического подкорпуса неуклонно снижается вплоть до конца 1990-х гг., опускаясь до уровня конца XVIII в. Еще один важный культурно-исторический факт: поэзия XX в. *по числу текстов* очень сильно превышает русскую поэзию XIX в.

Как видно из рис. 1 и 2, линейная зависимость между числом текстов и числом словоупотреблений отсутствует. Самыми «многословными» в истории русской поэзии оказались два десятилетия XX в. (1910–1919 и 1920–1929), затем идет культурно-исторический период первых лет советской власти, точнее, до 1959 г.

Выявленная динамика может быть обусловлена рядом внутри- и внелитературных факторов. Укажем на два из них – очевидных и взаимосвязанных: рост творческой активности в указанные периоды и / или расширение издательской деятельности в определенные исторические периоды. По-видимому, число словоупотреблений в поэтических текстах может свидетельствовать о творческой активности их авторов. Чем больше словоупотреблений, тем авторы активнее, тем больше создается поэтических произведений. Правда, нельзя утверждать, что суммарное число словоупотреблений указывает на качество или уровень поэзии периода. Произведения авторов Золотого века, безусловно, не ниже качеством, чем авторов Серебряного века.

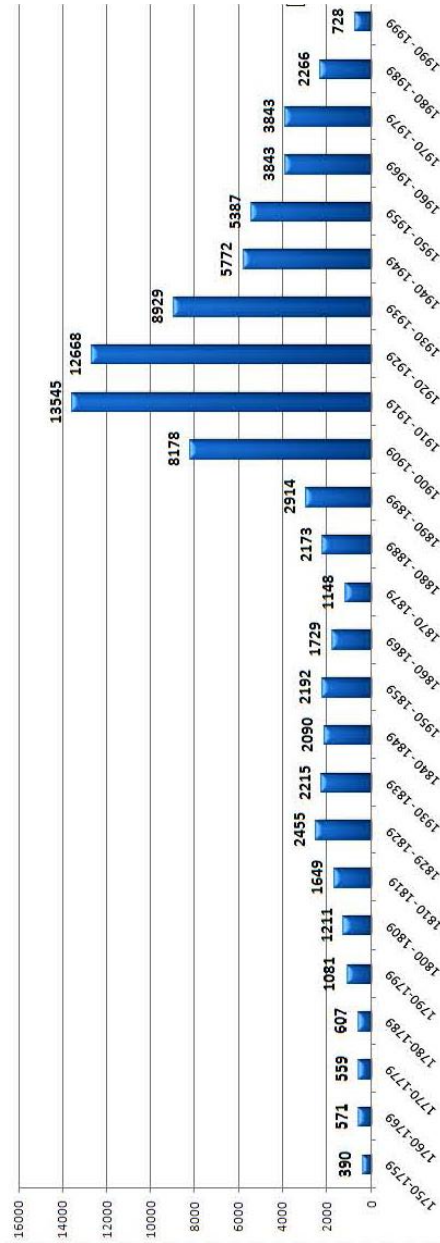

Рис. 1. Число текстов (документов) в ПК НКРЯ по десятилетиям с 1750 по 1999 г.
 Fig. 1. Number of texts (documents) in the RNC poetry corpus by decades from 1750 to 1999

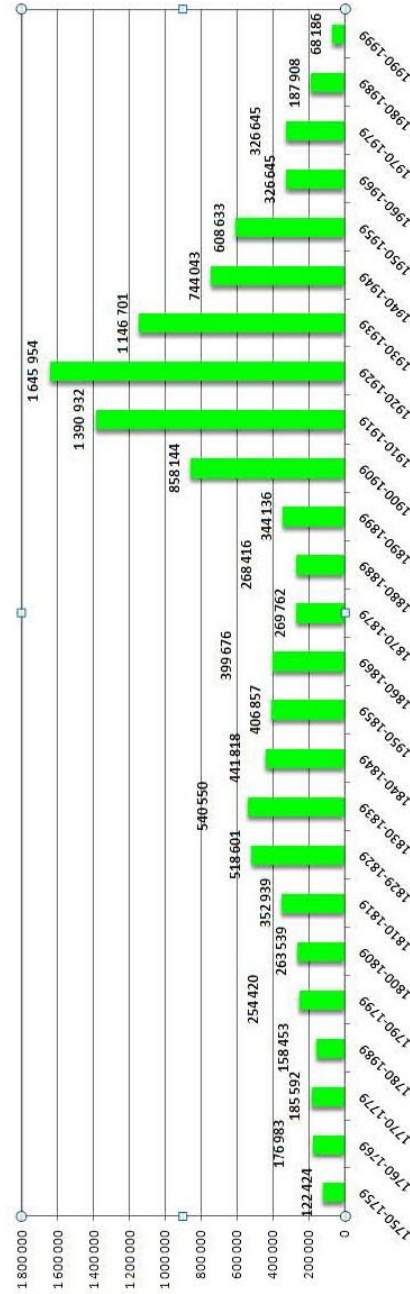

Рис. 2. Объемы подкорпусов (число словопотреблений) в ПК НКРЯ по десятилетиям с 1750 по 1999 г.
 Fig. 2. Sizes of the subcorpora (number of token) in the RNC poetry corpus by decades from 1750 to 1999

Наша статья готовилась в основном на основе старой версии НКРЯ. Перепроверка данных показала, что в новой версии число словоупотреблений в поэтическом корпусе в девятые годы значительно выросло – 332 166 против 68 186 по старой версии (рис. 3), равно как и в предшествующие десятилетия.

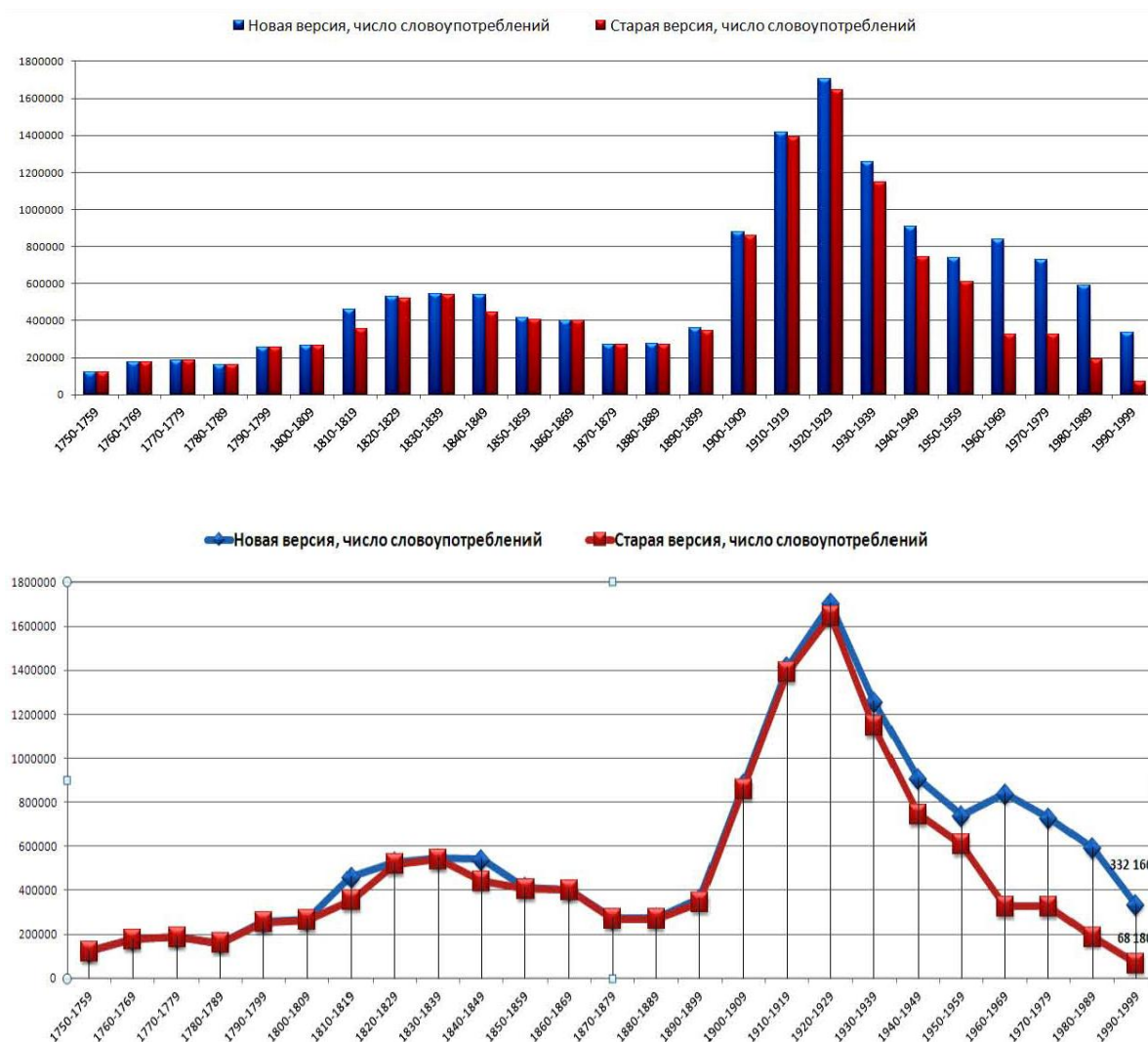

Рис. 3. Число словоупотреблений по декадам в старой и новой версиях ПК НКРЯ

Fig. 3. Number of tokens by decades in old and new versions of poetry corpus of RNC

Как видно на графиках, существенные различия между двумя версиями корпуса отмечаются только в последние четыре десятилетия XX в., что вполне логично – пополнение корпуса, по-видимому, осуществляется за счет более поздних изданий. Важно отметить, что в новой версии, в отличие от старой, отмечается рост числа словоупотреблений с 1960 по 1969 г.

Сопоставим наши подсчеты с данными других авторов [Lyashevskaya et al., 2018], представленными на рис. 4.

Сравним период 1960–1969 гг. с периодом 1950–1959 гг. (см. рис. 3) и период 1961–1970 гг. с периодом 1961–1970 гг. (см. рис. 4). Мы видим, что число словоупотреблений в поэтическом корпусе в 1960-е гг. выросло. Графики, представленные на рис. 3, с одной стороны, и на рис. 4, с другой, были построены независимо, различия состоят лишь в технике

и масштабах построения. Сопоставление собственно статистической информации показывает, что содержательно они практически полностью совпадают.

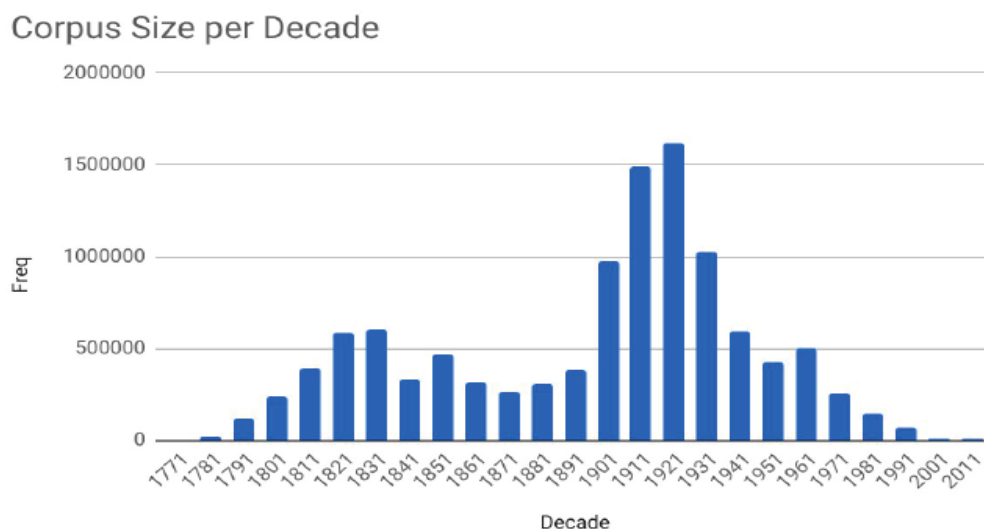

Рис. 4. Объемы подкорпусов (число словоупотреблений) в ПК НКРЯ с 1771 по 2011 г. по данным [Lyashevskaya et al., 2018]

Fig. 4. Sizes of the subcorpora (number of tokens) in the RNC poetry corpus by decades from 1771 to 2011 according to [Lyashevskaya et al., 2018]

При сравнении списков авторов старой и новой версий выявлено, что в старой версии отсутствовали такие имена, как Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Сергей Стратановский, Елена Шварц и ряд других, определявших поэзию шестидесятых годов прошлого века.

Однако и в новой версии по-прежнему отсутствуют тексты многих значимых для русской поэзии второй половины XX в. авторов, таких как Анри Волохонский, Владимир Высоцкий, Михаил Генделев, Глеб Горбовский, Борис Гребенщиков, Юлия Друнина, Игорь Иртеньев, Тимур Кибиров, Лев Лосев, Новелла Матвеева, Булат Окуджава, Дмитрий Пригов, Роберт Рождественский, Вероника Тушнова, Алексей Хвостенко и ряд других, что несколько снижает репрезентативность поэтического корпуса НКРЯ и, следовательно, его надежность как исследовательского инструмента.

Сделаем предположение, что рост «поэтической активности» в 1960-е гг. связан с общественно-политической активностью в период оттепели. В остальное время в обеих версиях отмечается снижение этого показателя. Особо примечателен показатель 1990–1999 гг., когда объем поэтического корпуса опустился на уровень начала XIX в. (см. рис. 3).

Основываясь на приведенных данных, можно предположить, что к концу XX в. наметился «коллапс» русской поэзии. Это вполне согласуется с имеющимися в литературе утверждениями об умирании поэзии да и литературы вообще. Так, например, Д. Уолкот обнаружил этот феномен во французской культуре: «В то время, когда французская поэзия находится при последнем издыхании, они начинают торговать всякой тухлятиной французского литературоведения...» (цит. по: [Фефелов, 2015, с. 67]). Кроме того, общеизвестные статистические данные свидетельствуют о падении тиражей художественной литературы, о снижении читательского интереса.

«Коллапс» поэзии может иметь, в числе прочих, следующие признаки:

- 1) значительное снижение творческой активности и числа авторов;
- 2) сокращение издательской деятельности;

- 3) уменьшение интереса к поэзии;
- 4) снижение художественного уровня поэтических текстов.

Однако достаточно взглянуть на статистику портала Стихи.ру (рис. 5), чтобы подвергнуть сомнению наличие сегодня первого и отчасти второго признаков.

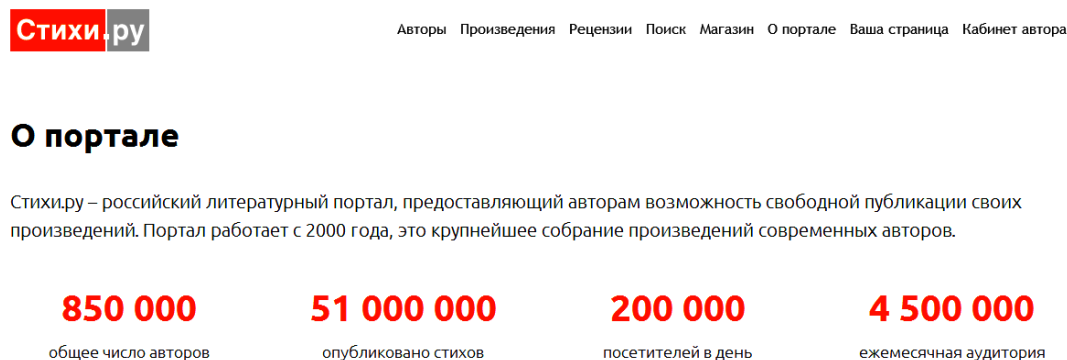

Рис. 5. Страничка портала Стихи.ру

Fig. 5. The page of the website stichi.ru

Другой вопрос – как оценить объем аудитории? Еще труднее оценить художественные достоинства опубликованных произведений. С большой вероятностью, однако, можно предположить размещение значительного числа произведений невысокого качества.

Таким образом, наши данные позволяют говорить о «коллапсе» поэзии лишь предположительно. Нам кажется, что сегодня следует говорить скорее о радикальном изменении форм бытования поэзии в современной коммуникационно-технологической среде.

Семантическая разметка

В НКРЯ мы имеем первый (или один из первых) в истории корпусной лингвистики опыт семантической разметки национального корпуса [Куцова и др., 2005]¹. Семантическая разметка НКРЯ – это еще один важный фактор, который влияет на обеспечение поиска лексических единиц, имеющих общие семантические признаки.

Каждое словоупотребление (включая цветообозначения) имеет в корпусе полное описание, содержащее грамматические, семантические и некоторые другие признаки, представленные в виде кодов (тегов). Каждое описание имеет области: лемма, грамматика, семантика основная, семантика дополнительная и дополнительные признаки. На примере лексемы *красный* оно представлено на рис. 6.

Семантические признаки в поисковом запросе задаются с помощью вкладок меню (рис. 7), которые раскрываются по ссылке в запросной форме *семант. признаки: выбрать*. Каждое меню соответствует определенной части речи. Существительным соответствуют три меню – *предметные*, *непредметные* и *собственные имена*. К сожалению, в семантических признаках глаголов признак *цвет* отсутствует.

¹ Детальное описание разметки имеется на сайте НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/new/corpora-sem.html>).

102. Б. А. Слудский. «Ткал ковры. И продавал — внарез...» (1970-1975) [омонимия не снята] [Все приме](#)

Нет, не должен. **Красное** и синее
вызывали чувства силь
Подходили!

[Б. А. Слудский. «Ткал ковры

103. Б. А. Слудский. Рассвет в муз

Как учат алфавиту: «А»
сначала альфу, а потом
твой **красный** полыхал
и твой зеленый обещал

[Б. А. Слудский. Рассвет в муз

Красное	
Лемма	красный (см. в словарях)
Грамматика	прил, с, ед, вин, полн, disamb прил, с, ед, им, полн, disamb
Семантика основная	r:qual, t:physq:color
Семантика дополнительная	der:shift, dt:physq:color, ev:posit, r:qual, r:rel, t:species
Доп. признаки	capital, first, словарн, numred, posred

[Сообщить об ошибке...](#)

Рис. 6. Описание словоформы *красное* в поэтическом корпусе НКРЯ

Fig. 6. Description of the word *красное* (red) in the RNC poetry corpus

www.ruscorpora.ru/reqsem.html

Имена: [предметные](#) | [непредметные](#) | [собственные](#) | [Прилагательные](#) | [Числительные](#) | [Местоимения](#) | [Глаголы](#) | [Наречия](#)

Прилагательные

Разряд

☐ качественные

☐ относительные

☐ приткательные

☐ неизменяемые

Такономия

☐ размер в том числе:

☐ большой ☐ малый

☐ абсолютный

☐ расстояние в том числе:

☐ большое ☐ малое

☐ количество в том числе:

☐ большое ☐ малое

☐ абсолютное

☐ место

☐ направление

☐ время в том числе:

☐ длительность в том числе:

☐ большая ☐ малая

☐ абсолютная

☐ возраст в том числе:

☐ большой ☐ малый

☐ абсолютный

☐ скорость в том числе:

☐ большая ☐ малая

☐ физические свойства в том числе:

☐ форма

☐ цвет

☐ вкус

☐ запах

☐ температура

☐ качества человека

☐ Оценка в том числе:

☐ положительная

☐ отрицательная

Словообразование

☐ диминутивы

☐ аугментативы

☐ аттенуативы

☐ хабитивы

☐ каритивы

☐ потенциальные в том числе:

☐ возможные

☐ невозможные

☐ отыменные прилагательные

в том числе образованные от имен со значением:

☐ лица

☐ животные

☐ растения

☐ вещества и материалы

☐ пространство и место

☐ здания и сооружения

☐ инструменты и приспособления

☐ еда и напитки

☐ тексты

☐ части тела и органы

☐ отлагательные прилагательные

☐ отадавербальные прилагательные

Рис. 7. Меню выбора семантических признаков для прилагательных

Fig. 7. The menu of semantic tags for adjectives

Результаты поиска сопровождаются статистическим описанием (рис. 8), в котором указывается объем поискового корпуса (подкорпуса), а именно число текстов (документов) и число словоупотреблений (слов), число текстов (документов), в которых найдено соответствие поисковому запросу, и число соответствий запросу (вхождений).

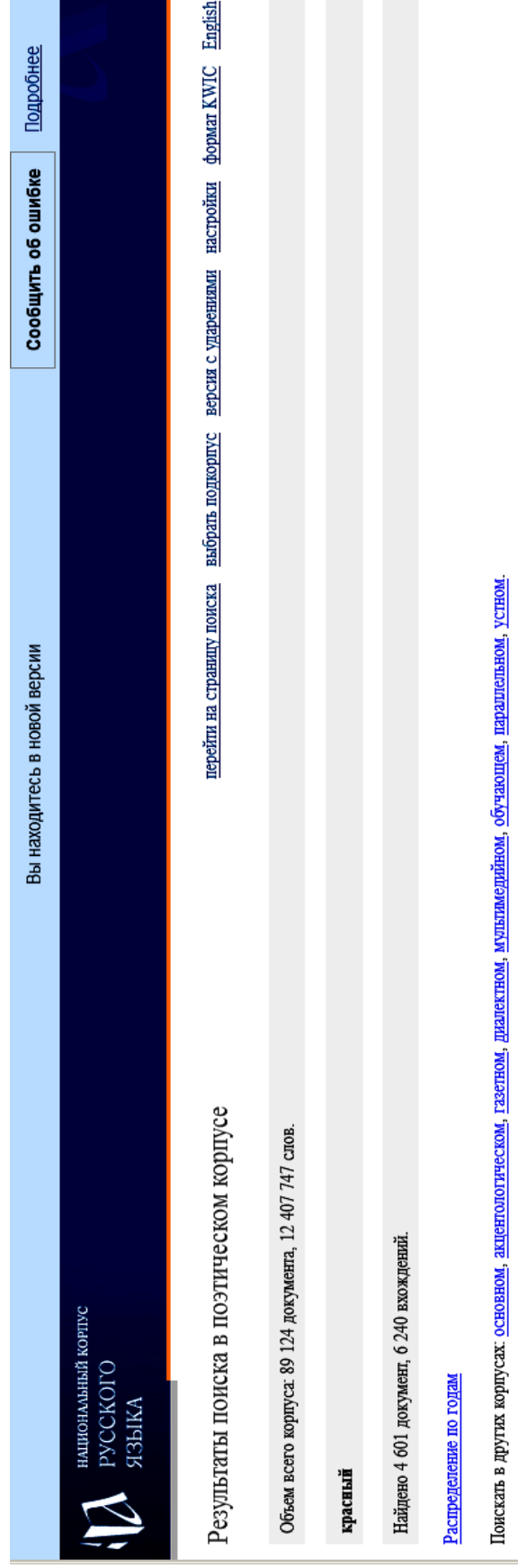

Рис. 8. Статистика результатов поиска по запросу *красный* в ПК НКРЯ
Fig. 8. Statistics of results of the search in the RNC poetry corpus

Методика исследования

Сначала для периода с 1750 по 1999 г. было создано 25 пользовательских поэтических подкорпусов, каждый из которых охватывал десятилетие. Средствами поиска по семантическому признаку из результатов поиска в каждом подкорпусе извлекался набор прилагательных цвета, после чего средствами MS Excel создавались таблицы для каждого периода и подсчитывалось значение IPM (instances per million) для каждой леммы. Далее, где необходимо, частные таблицы сливались в единую таблицу. Названия классов разработанной классификации (см. далее) вносились в таблицы вручную. Затем проводился анализ данных, и средствами MS Excel строились соответствующие графики.

Добавим к этому два существенных терминологических замечания. В нашем исследовании используются два базовых понятия: **обозначение цвета** и **частота**.

Для первого из них существует большое число альтернативных терминов, или квазитерминов: *цвет (цвета), оттенок цвета или цветов, обозначение цвета, цветообозначение* (как процесс и как номинация), *цветонаименование, колоративная лексика, колоратив, колороним, колоризм, имя цвета, цветовые прилагательные, цветные прилагательные* и т. п. Мы не будем вникать в сходства и различия между ними, но из стилистических соображений для понятия «цветообозначение» будем использовать следующие выражения, которые считаем синонимичными: *слова-цветообозначения; слова, обозначающие цвет; «цветные» слова / прилагательные, колоративы*.

Понятие «частота» может относиться к разным лингвистическим единицам, у нас это слова (иногда коллокации) или словоупотребления. В первом случае мы будем говорить о лексемах или леммах. Во втором используем термин «словоупотребление». Частота может быть абсолютная или относительная (нормированная), т. е. пересчитанная по отношению к объему корпуса или подкорпуса. Почти всегда наше исследование основывается на относительной частоте. Для обозначения этого понятия мы используем также сокращенный вариант «частота», иногда «частотность», а также единицу измерения, известную как IPM (ipm, instances per million). Значение IPM вычисляется как частное от деления абсолютной частоты на объем корпуса (выборки), умноженное на миллион.

Сопоставление частотности использования цветообозначений в поэтических и прозаических текстах

Цвета и цветовые оттенки обозначаются знаменательными словами, относящимися к разным частям речи – существительным, наречиям и глаголам, но основную функцию описания цвета выполняют прилагательные (рис. 9).

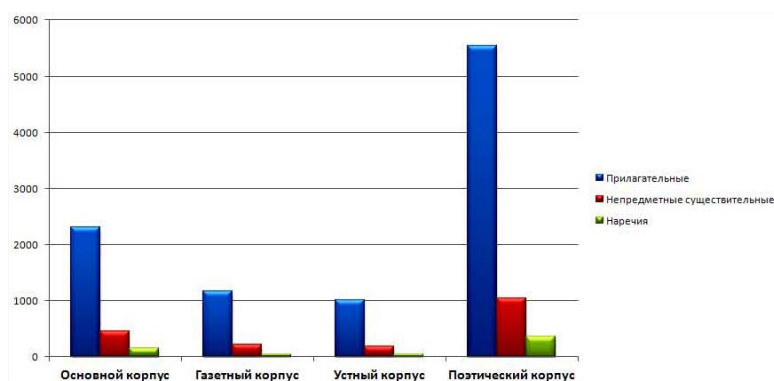

Рис. 9. Сопоставление относительной частоты (IPM) прилагательных, непредметных существительных и наречий, имеющих тег *цвет*, в четырех корпусах НКРЯ

Fig. 9. Comparison of IPM of adjectives in the Basic corpus, Newspaper corpus, Oral corpus and Poetry corpus

На рис. 9 видно, что: 1) ИРМ слов-цветообозначений, относящихся к прилагательным, выше, чем у существительных и наречий; 2) для всех трех частей речи ИРМ «цветных» слов в поэтическом корпусе значительно больше, чем в остальных трех корпусах.

Как уже говорилось, в НКРЯ у глаголов признак *цвет* отсутствует. Поэтому, чтобы подтвердить (или опровергнуть) вышеприведенные заключения для глаголов, мы провели дополнительное микроисследование, отобрав 13 наиболее характерных глаголов, содержащих в значении сему *цвет* и сравнив затем их частотные характеристики в тех же корпусах НКРЯ. Результаты поиска тринадцати глаголов-цветообозначений в четырех корпусах НКРЯ см. в табл. 1.

Таблица 1

Относительная частота глаголов, обозначающих цвет, в корпусах НКРЯ

Table 1

Relative frequency of verbs meaning colors in RNC corpora

Глагол (Verb)	ИРМ в корпусах НКРЯ (IPM in RNC corpora)			
	основной (Basic corpus)	газетный (Newspaper corpus)	устный (Oral corpus)	поэтический (Poetry corpus)
1) белеть	11,84	0,70	1,65	81,79
2) чернеть	10,47	0,59	0,50	66,84
3) краснеть	17,96	3,08	5,37	40,39
4) зеленеть	6,87	0,81	0,99	45,68
5) желтеть	4,77	0,59	0,99	28,72
6) синеть	6,78	0,78	0,25	63,01
7) сереть	2,00	0,27	0,08	11,22
8) розоветь	2,67	0,13	0,17	19,97
9) коричневеть	0,07	0,01	0,00	0,27
10) оранжеветь	0,01	0,00	0,00	0,09
11) буреть	0,52	0,18	0,25	0,64
12) алеть	2,64	0,23	0,91	30,73
13) лиловеть	0,35	0,00	0,00	4,10
Среднее значение ИРМ	5,15	0,57	0,86	30,27

Сопоставим теперь частотность 12-ти базовых прилагательных цвета в поэтических текстах (48 авторов) и в произведениях художественной прозы (18 авторов из основного корпуса НКРЯ) (рис. 10).

Отметим, что у трех из двенадцати прилагательных цвета *красный*, *серый* и *коричневый* ИРМ в текстах художественной прозы несколько выше, чем в поэтических. В остальных девяти случаях выше частотность прилагательных в поэтических текстах, при этом, однако, разница у прилагательных *жёлтый* и *розовый* очень небольшая, а у прилагательных *белый* и *чёрный* не столь значительна, как у *синий*, *голубой*, *зелёный*.

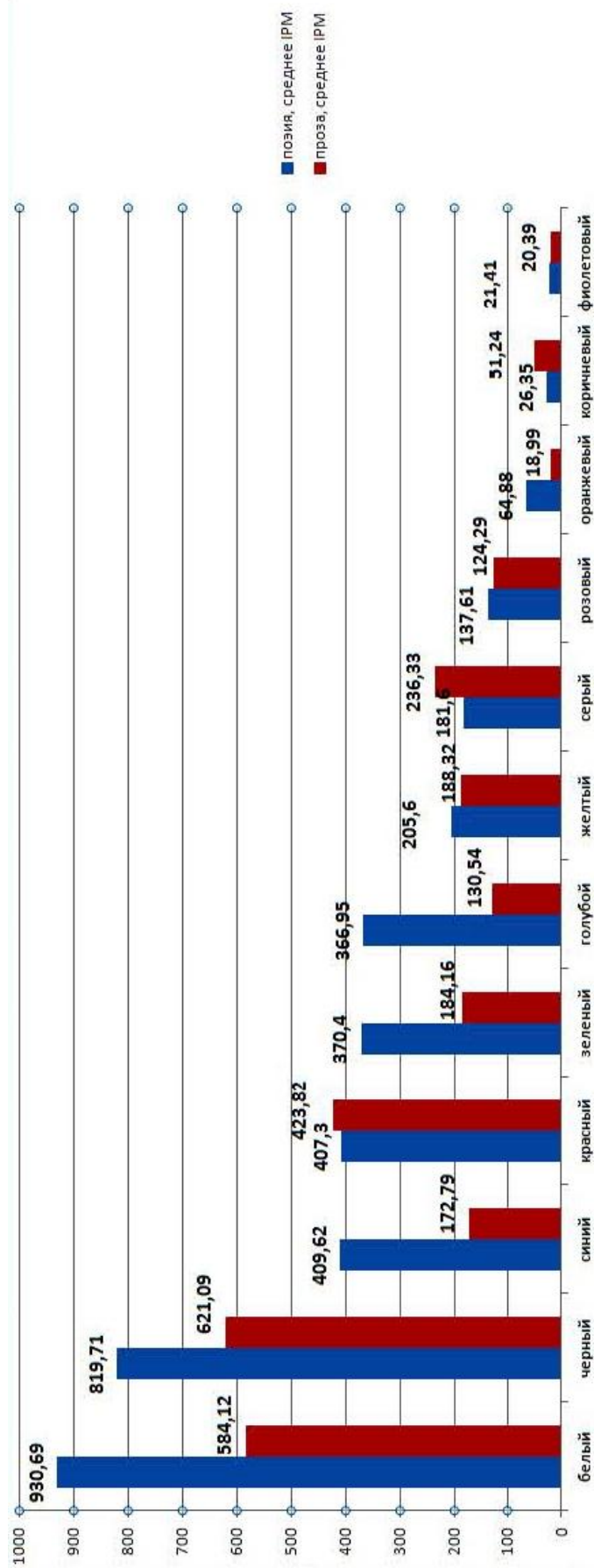

Рис. 10. Сравнение средней частоты двенадцати прилагательных цвета в поэтических текстах и в художественной прозе (сортировка по убыванию IPM)
 Fig. 10. Comparison of average values of frequency of color adjectives in the poetry texts and in the fiction texts

Закljučая этот раздел, зафиксируем следующие наблюдения. При сравнении числа цветообозначений по частям речи и типам текстов частота «цветных» прилагательных для всех типов текста выше, чем частота «цветных» слов других частей речи. Среднее ИРМ тринадцати глаголов, обозначающих цвет, в текстах поэтического корпуса также значительно выше, чем в текстах основного, газетного и устного корпусов (см. табл. 1).

ИРМ слов цветообозначений (т. е. имеющих тег *цвет* в НКРЯ) – прилагательных, существительных и наречий – в текстах поэтического корпуса значительно выше, чем в текстах основного, газетного и устного корпусов (см. рис. 9).

ИРМ двенадцати прилагательных цвета (отобраны слова, обозначающие основные цвета или базовые цветовые категории) в поэтических текстах 48 авторов за тремя исключениями (*красный, серый, коричневый*) выше, чем в текстах 18 авторов художественной прозы (см. рис. 10). Однако это превышение не столь выражено, как при сравнении частотности цветообозначений в поэтическом корпусе с частотностью в целом в основном, газетном и устном корпусах (см. рис. 9). Наши данные показывают близость лексики поэзии и лексики художественной прозы. Эти факты, однако, требуют дополнительного, уже содержательного, исследования контекстов употребления и, возможно, более представительных подкорпусов. Если говорить конкретнее, то предметом таких исследований может быть связь частотного поведения слов-цветообозначений и функционального стиля прозаических текстов.

Классификация прилагательных, имеющих тег семантической разметки *цвет* в НКРЯ

Отличие предлагаемой нами классификации от других состоит в том, что она составлена *a posteriori* и относится к прилагательным, имеющим тег *цвет* в НКРЯ, иначе говоря, к материалу, с которым мы работаем.

Всего в поэтическом корпусе НКРЯ 1 641 454 словоупотребления прилагательных, в том числе 102 817 словоупотреблений прилагательных, имеющих тег *цвет*, что составляет 6,3 % от всех словоупотреблений прилагательных.

Предлагаемая нами схема классификации, содержит семь классов².

1. Прилагательные собственно цвета.
2. Прилагательные квазицвета (*светлый, тёмный, бледный, пёстрый* и т. п.). Слова этой группы не означают цвета, а только характеризуют его, поэтому Р. М. Фрумкина [1984], например, не относит их к именам цвета. Тем не менее, значительная часть этих слов имеет в НКРЯ тег *цвет*, и поэтому они (не без оснований) включены в нашу классификацию.
3. Аналоговые прилагательные цвета (слова вторичной номинации), например *малиновый, вишнёвый, янтарный, золотой* и т. п.
4. Объектные прилагательные ограниченной сочетаемости (например, *гнедой, саврасый, пегий* и т. п.).
5. Диминутивы (*беленький, синенький* и т. п.)
6. Прилагательные подоби́я (неполноты качества): *розоватый, зеленоватый* и т. п.
7. Сложные (составные) прилагательные: *тёмно-синий, нежно-голубой* и т. п.

Приведенная классификация нам необходима, чтобы сопоставить частотное поведение различных групп прилагательных, семантически относящихся к цвету. На ее основе мы создавали и дифференцировали массивы лексики для диахронических исследований.

Эта классификация была описана нами ранее [Захаров, Масевич, 2019; Масевич, Захаров, 2019б], однако позднее мы сформулировали некоторые дополнительные основания и классификационные признаки, а также детализировали ряд классов. Новое описание классифика-

² Отметим, что позиции 5–7 могут рассматриваться как подклассы класса «дериваты». Однако в нашем исследовании при построении графиков такая двухуровневая детализация осложнила бы методику, не давая при этом какой-либо существенной информации.

ции будет дано в отдельной статье, здесь же мы используем уже введенные ранее классы, что достаточно для достоверного показа качественного изменения лексики русских поэтических текстов на протяжении трех веков.

Семантическая разметка НКРЯ, которая является одним из наиболее важных инструментов нашего исследования, имеет ряд существенных недостатков, в частности, непоследовательность присвоения тегов. Так, некоторые прилагательные, отнесенные нами к квазицветам (например, *светлый, тёмный, пёстрый, бледный, клетчатый* и др.), имеют тег *цвет*, а другие (например, *матовый, яркий, жухлый, радужный* и др.) его не имеют.

Такая же непоследовательность отмечается в разметке прилагательных вторичной номинации, которые мы назвали аналоговыми. Так, прилагательные *аметистовый, опаловый, дымчатый, малахитовый* имеют тег *цвет*, а *вишнёвый, малиновый, лимонный, горчичный* и др. этого тега не имеют.

Еще сложнее положение с составными прилагательными. В одних случаях система разметки НКРЯ рассматривает такое прилагательное как одну лексическую единицу, например *тёмно-синий*, и присваивает ему тег *цвет*, в других, например *ярко-красный*, трактует его как две отдельные лексические единицы.

Более или менее последовательно размечены лишь прилагательные собственно цвета.

Непоследовательность разметки, конечно же, в некоторой степени искажает приводимые здесь количественные показатели, но всё-таки не влияет на общую картину изменения частотности обозначений цвета в диахронии.

Количественные характеристики прилагательных цвета во временных периодах

Для исследования в поэтическом корпусе были созданы подкорпусы по датам написания текстов, причем каждый из подкорпусов охватывает десятилетие за период 1750 по 1999 г.

Число «цветных» лексем в поэтическом корпусе по десятилетиям в XIX в. (рис. 11) плавно растет и достигает некоторого пика в 1860-е гг., затем несколько снижется в 1870-е, и после этого снова отмечается рост с пиком уже в двадцатые годы XX в., после чего мы видим плавное снижение до конца заданного периода.

Отметим, что приведенные на рис. 1, 2, 12 графики отражают динамику абсолютных значений связанных между собой величин. Рассмотрим теперь относительные частоты (IPM) (рис. 13).

Интересно, что пик значений IPM на рис. 13 приходится на 1900-е гг., в то время как на других графиках (см. рис. 11, 12) он приходится на 1910-е или 1920-е гг. Это значит, что «цветная» лексика этого десятилетия отличается наибольшим богатством и разнообразием.

При сопоставлении динамики частот прилагательных цвета в поэтическом корпусе и в основном корпусе (рис. 14), мы видим:

- 1) во все временные периоды частота прилагательных, имеющих тег *цвет*, в поэтическом корпусе выше, чем в основном;
- 2) тенденции диахронического «поведения» прилагательных с тегом *цвет* в поэтическом и основном корпусах приблизительно сходны;
- 3) изменения в основном корпусе выражены значительно слабее, чем в поэтическом.

Сравнение частоты классов прилагательных с тегом *цвет* по десятилетиям с 1750 по 1999 г. (рис. 15) показывает следующее:

- 1) частотность прилагательных собственно цвета, квазицветов и аналоговых значительно выше, чем у объектных прилагательных (т. е. прилагательных ограниченной сочетаемости), диминутивов, прилагательных подобия (неполноты качества) и составных прилагательных;
- 2) аналоговые прилагательные более частотны в текстах XVIII в.;
- 3) квазицвета более частотны на протяжении всего XIX в.;
- 4) в XX в. частота прилагательных собственно цвета значительно выше, чем у других классов прилагательных.

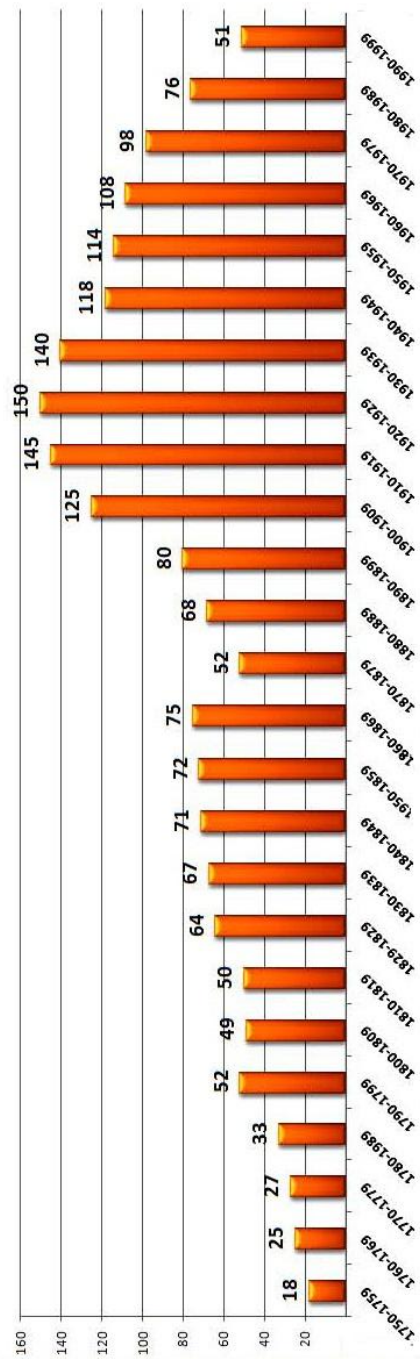

Рис. 11. Число лексем прилагательных с тегом *цвет* в текстах ПК НКРЯ по десятилетиям с 1750 по 1999 г.
 Fig. 11. Number of adjective lexemes with *color* tag in the texts of the RNC poetry corpus by decades from 1750 to 1999

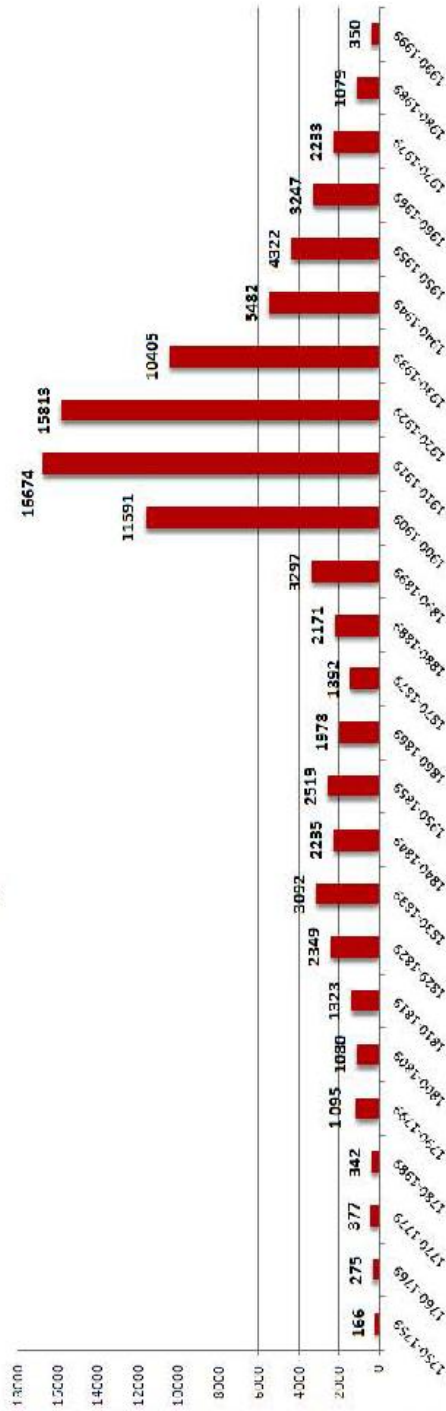

Рис. 12. Число словоупотреблений прилагательных с тегом *цвет* в подкорпусах НКРЯ по десятилетиям с 1750 по 1999 г.
 Fig. 12. Number of word usages with *color* tag in the texts of the RNC poetry corpus by decades from 1750 to 1999

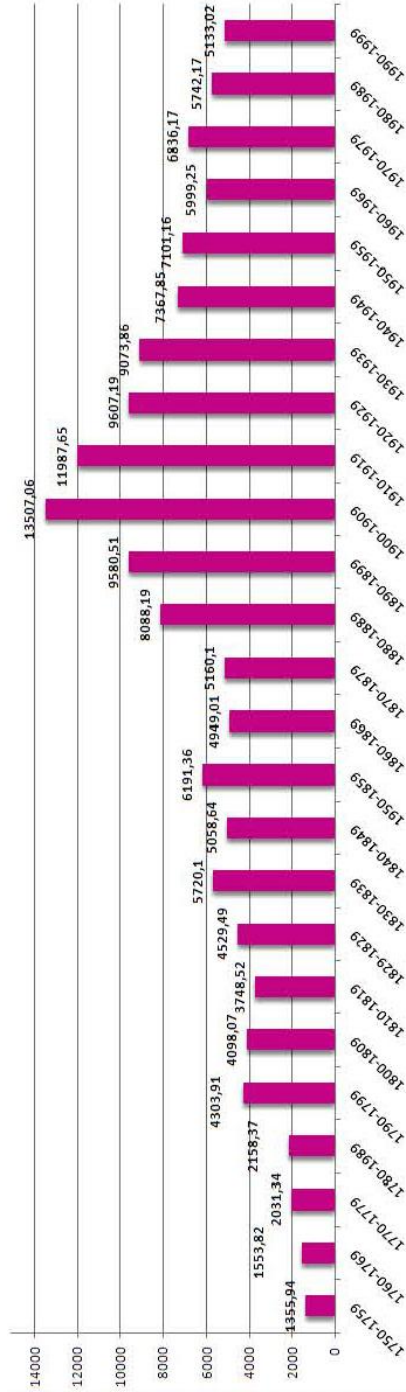

Рис. 13. IPM прилагательных с тегом *цвет* в ПК НКРЯ по десятилетиям с 1750 по 1999 г.

Fig. 13. IPM of adjectives with *color* tag in the texts of the RNC poetry corpus by decades from 1750 to 1999

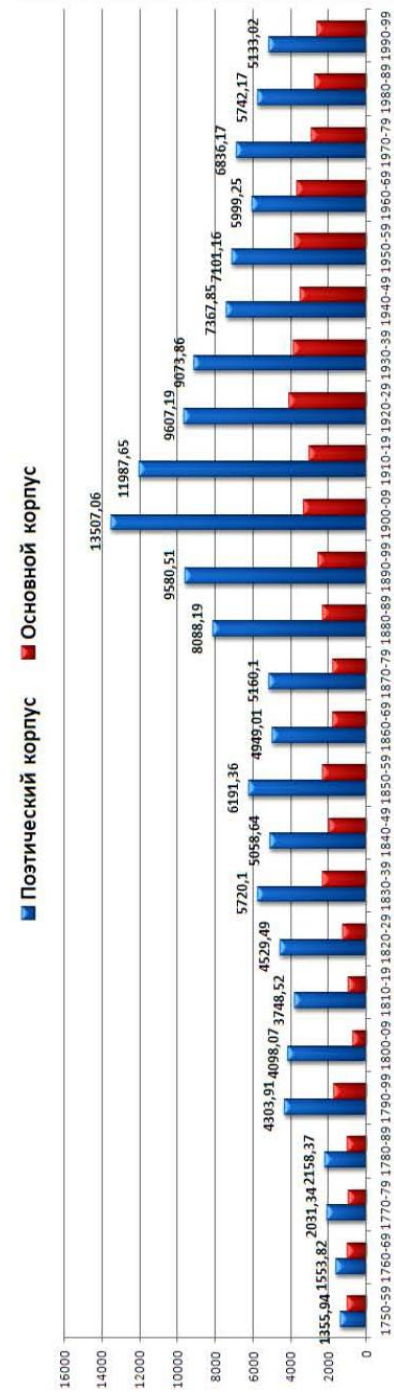

Рис. 14. Диакроническое сравнение частоты прилагательных с тегом *цвет* по десятилетиям в поэтическом и основном корпусах НКРЯ

Fig. 14. Diachronic comparison of frequency values of adjectives with *color* tag in the RNC poetry corpus and the RNC basic corpus

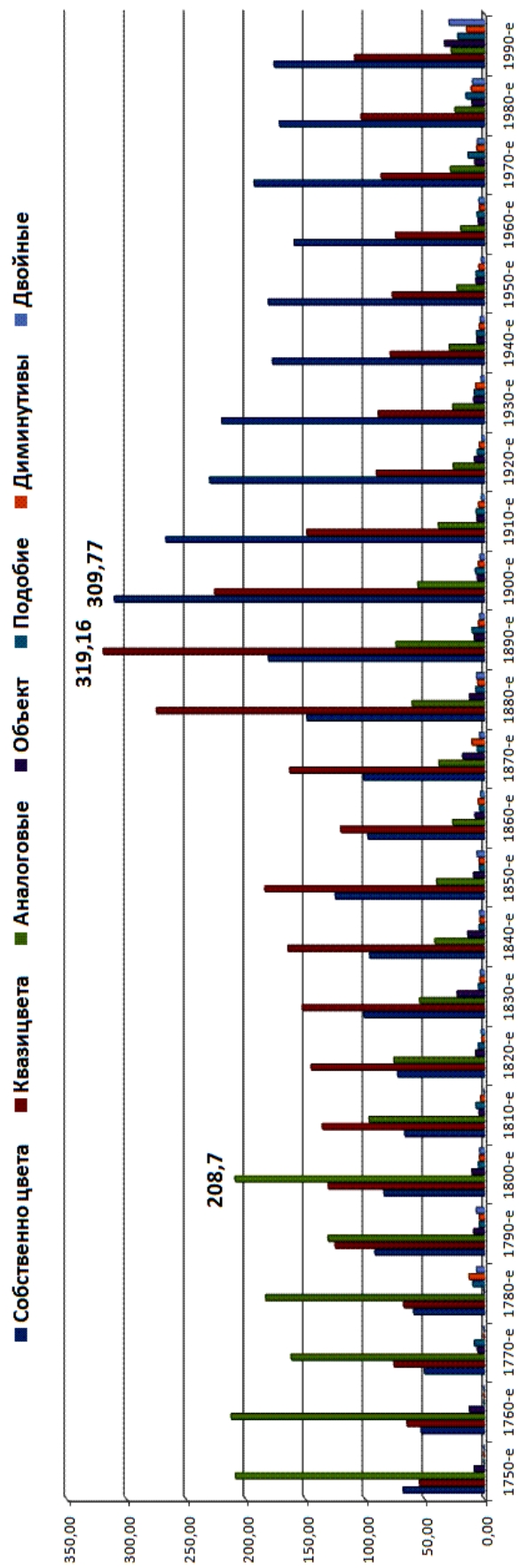

Рис. 15. Диахроническое сравнение среднего IPM классов прилагательных с тегом *цвет* по десятилетиям с 1750 по 1999 г.
 Fig. 15. Diachronic comparison of average IPM values of adjectives with color tags by decades from 1750 to 1999

При анализе графика на рис. 15 следует помнить отмеченные выше недостатки семантической разметки. Тем не менее, мы считаем, особенно учитывая надежность единиц измерения – относительной частоты, что наши данные отражают реальную динамику. Эта динамика, конечно, нуждается в объяснении, но на данный момент мы его не имеем, и это, видимо, задача будущих исследований.

Построим диаграммы, позволяющие увидеть частотное поведение различных прилагательных цвета отдельно по каждому веку (рис. 16–18).

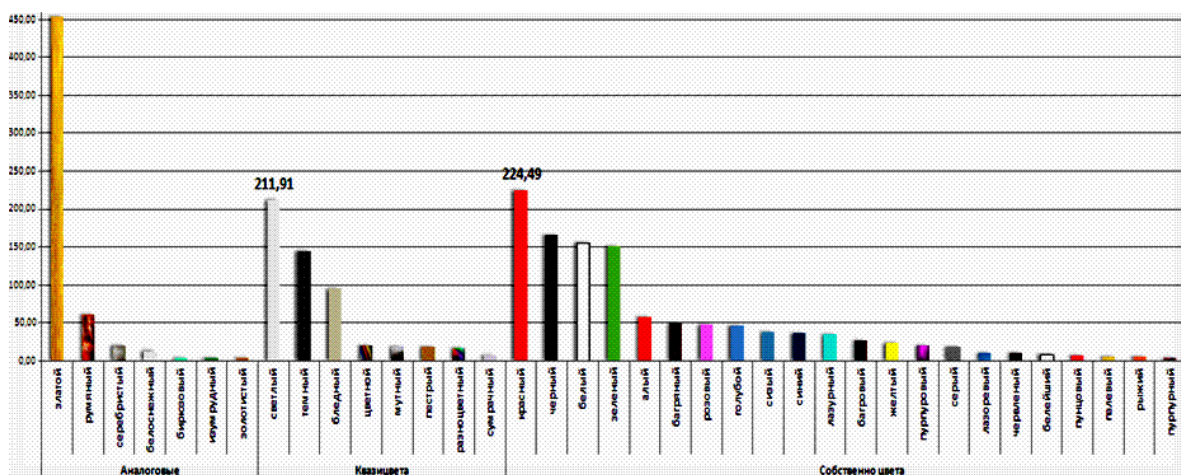

Рис. 16. IPM прилагательных с тегом *цвет* в поэтическом корпусе НКРЯ за период 1750–1799 гг.

Fig. 16. IPM of adjectives with color tag in the RNC poetry corpus within period 1750–1799

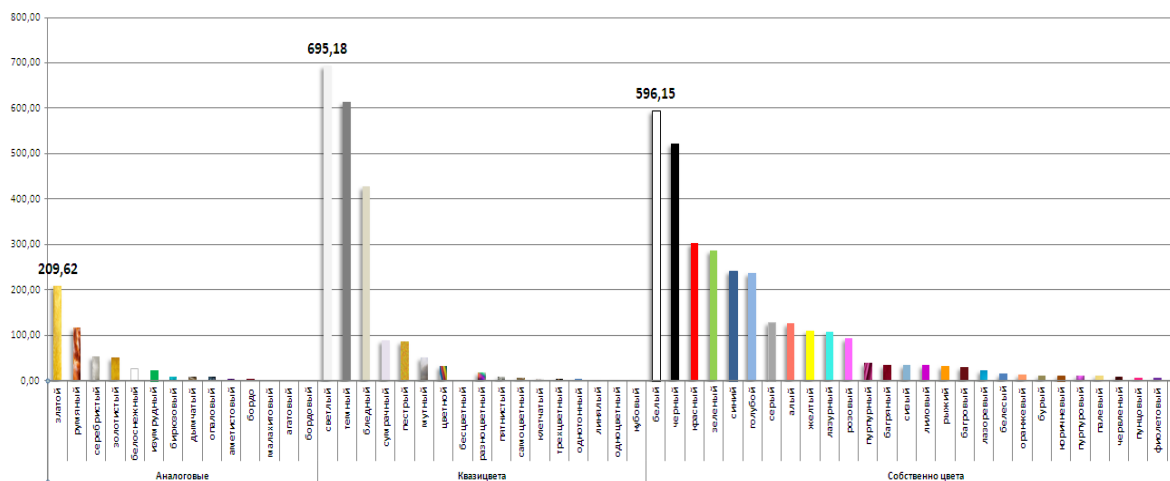

Рис. 17. IPM прилагательных с тегом *цвет* в поэтическом корпусе НКРЯ, за период 1800–1899 гг.

Fig. 17. IPM of adjectives with color tag in the RNC poetry corpus within period 1800–1899

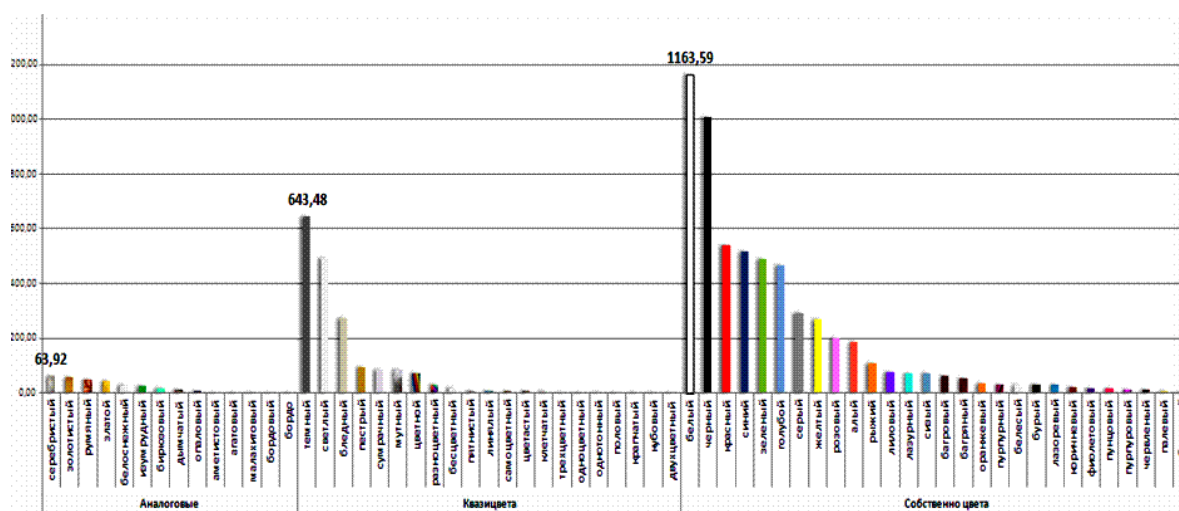

Рис. 18. IPM прилагательных с тегом *цвет* в поэтическом корпусе НКРЯ за период 1900–1999 гг.

Fig. 18. IPM of adjectives with color tag in the RNC poetry corpus within period 1900–1999

На рис. 16 видно, что высокая частотность аналоговых прилагательных обусловлена главным образом частотностью лексемы *золотой*. По-видимому, дело в многозначности этой лексемы. Помимо значения цвета, она, как это свойственно аналоговым прилагательным, означает *сделанный из золота*, а также имеет очень распространенное метафорическое значение *счастливый*. В XIX в., как видно на рис. 17, более высокий IPM отмечается у квазицветов, причем наиболее частотными оказываются три лексемы этого класса – *светлый*, *тёмный* и *бледный*. В XX в. наиболее высокий IPM у лексем *белый*, *чёрный*, означающих ахроматические цвета (см. рис. 18). Отметим также, что «лидеры» среди квазицветов лексемы *тёмный* и *светлый* по значению IPM выше или близки с лексемами *красный*, *синий*, *зелёный*, *голубой*.

Анализ частотного поведения четырех частотных прилагательных

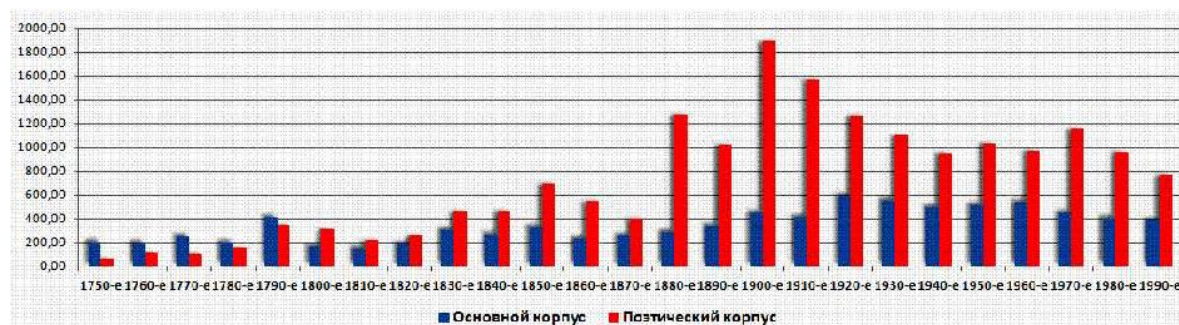
Сравним далее диахроническую динамику пар ахроматических прилагательных цвета и соответствующих им квазицветов (*белый* – *светлый* и *чёрный* – *тёмный*) в поэтическом и основном корпусах (рис. 19, 20).

В XVIII в. IPM прилагательного *белый* в основном корпусе выше, чем в поэтическом (см. рис. 19, а). В последующие периоды наблюдается обратное соотношение. При этом разница между IPM в основном и в поэтическом корпусах в XX в. выражена сильнее, чем в предыдущие периоды. Можно также отметить, что временные колебания значений IPM в текстах поэтического корпуса выражены значительно сильнее.

В отличие от прилагательного *белый* прилагательное *светлый* встречается чаще, и намного, в поэтическом корпусе на протяжении всего заданного периода (см. рис. 19, б).

Поведение лексемы *чёрный* (см. рис. 20, а) в значительной степени сходно с поведением лексемы *белый* как в основном, так и в поэтическом корпусе (см. рис. 19, а).

Поведение прилагательного *тёмный* (см. рис. 20, б), как можно наблюдать, сходно с поведением прилагательного *светлый*.

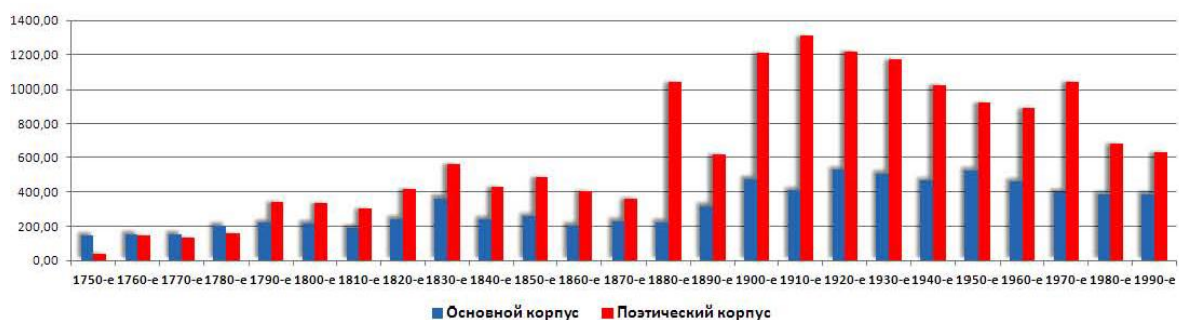

а

б

Рис. 19. Изменение значений IPM прилагательных *белый* (а) и *светлый* (б) по десятилетиям в поэтическом и основном корпусах НКРЯ
 Fig. 19. Changing of values of IPM of adjectives *белый* 'white' (a) and *светлый* 'light' (b) by decades in the RNC poetry corpus and RNC basic corpus

а

б

Рис. 20. Изменение значений IPM прилагательных *чёрный* (а) и *тёмный* (б) по десятилетиям в поэтическом и основном корпусах НКРЯ
 Fig. 20. Changing of values of IPM of adjectives *чёрный* 'black' (a) and *тёмный* 'dark' (b) by decades in the RNC poetry corpus and RNC basic corpus

Далее сравним средние значения частотности тех же четырех прилагательных в поэтическом и основном корпусах НКРЯ по векам написания текстов (рис. 21).

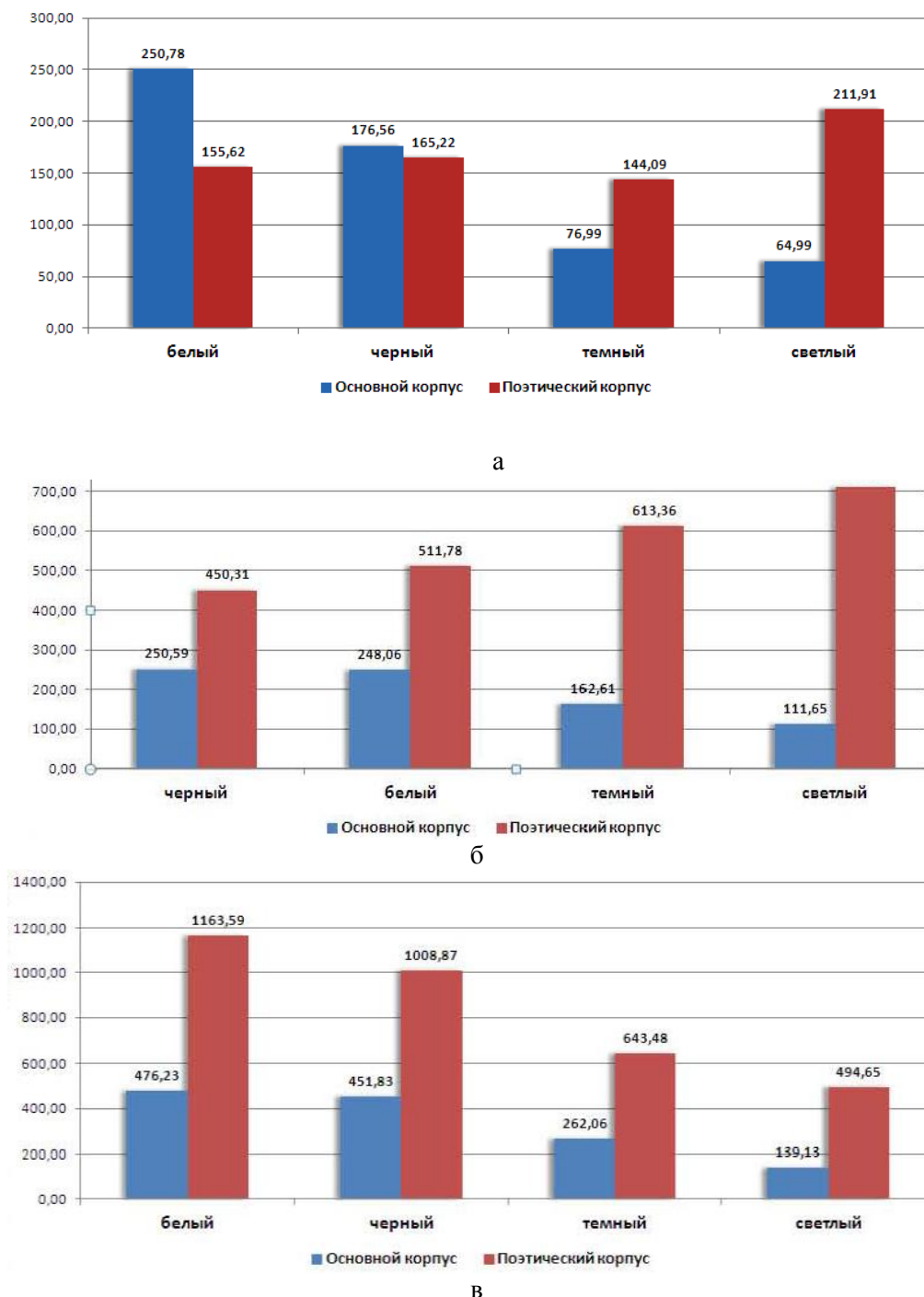

Рис. 21. Сравнение среднего значения ИРМ прилагательных *белый*, *чёрный*, *тёмный* и *светлый*:
 а – в текстах XVIII в. (с 1750 по 1799 г.); б – в текстах XIX в. (с 1800 по 1899 г.);
 в – в текстах XX в. (с 1900 по 1999 г.)

Fig. 21. Comparison of the average value of IPM of adjectives *белый* 'white', *чёрный* 'black', *тёмный* 'dark' and *светлый* 'light': а – in texts of 18th century (from 1750 to 1799);
 б – in texts of 19th century (from 1800 to 1899); в – in texts of 20th century (from 1900 to 1999)

На рис. 21, *а* отчетливо видны особенности частотного поведения четырех прилагательных в текстах второй половины XVIII в. ИРМ прилагательных *чёрный* и *белый*, т. е. прилагательных собственно цвета, в основном корпусе выше, чем в поэтическом, а ИРМ квазицветов *светлый* и *тёмный* выше в поэтическом корпусе.

В XIX в. (рис. 21, *б*) ИРМ прилагательных *белый*, *чёрный*, *тёмный*, *светлый* в поэтическом корпусе выше, чем в основном. При этом в поэтических текстах их частота друг относительно друга (в данном порядке) растет, в то время как в основном корпусе НКРЯ она уменьшается. Иначе говоря, в поэтическом корпусе мы видим более высокую частотность квазицветов, а в основном – выше частотность прилагательных собственно цвета.

В XX в. ИРМ всех четырех слов в поэтическом корпусе выше, чем в основном. В отличие от XIX в. в обоих корпусах частотность прилагательных собственно цвета выше частотности квазицветов. Выскажем здесь осторожную гипотезу: по-видимому, это один из признаков сближения языка поэзии и языка прозы в XX в.

Наиболее частотные прилагательные цвета в поэтических текстах

Таблицы частотности всех прилагательных по десятилетиям были слиты в единую таблицу за весь рассматриваемый период (ранг – лексема – ИРМ – десятилетие, всего 2 004 строки), которая была отсортирована по убыванию ИРМ. Естественно, одни и те же лексемы в сводной таблице повторяются, будучи представлены в разных десятилетиях с разной частотой.

Рассмотрим первые 50 строк с рангами от 1 до 50. Нетрудно догадаться, что это будут, как правило, одни и те же прилагательные, в первую очередь четыре вышеприведенные. Но интересно посмотреть на этот список по десятилетиям: какое из них представлено бóльшим числом разных прилагательных цвета с наиболее высокими значениями ИРМ. Сортировка таблицы по параметру «десятилетие» показывает, что это снова 1900-е гг. (см. рис. 13): из десяти высокочастотных прилагательных с рангом от 1 до 50 в этом десятилетии представлены девять лексем (*белый*, *бледный*, *голубой*, *зелёный*, *красный*, *светлый*, *синий*, *тёмный*, *чёрный*). В целом картина по десятилетиям в данном аспекте представлена в табл. 2. Эта таблица еще раз указывает на особый характер поэтического языка конца XIX – начала XX в.

Таблица 2

Число лексем с наиболее высоким ИРМ
по десятилетиям

Table 2

Number of lexemes with the highest IPM
within decades

Десятилетия (Decades)	Число лексем (Number of lexemes)	Десятилетия (Decades)	Число лексем (Number of lexemes)
1900-е гг.	9	1940-е гг.	2
1910-е гг.	6	1950-е гг.	2
1880-е гг.	4	1960-е гг.	2
1890-е гг.	4	1970-е гг.	2
1920-е гг.	4	1990-е гг.	2
1980-е гг.	4	1790-е гг.	1
1850-е гг.	3	1830-е гг.	1
1930-е гг.	3	1840-е гг.	1
Всего лексем 50			

Наконец, покажем 25 самых частотных прилагательных, в том числе находящихся за пределами ранга 50 в сводной таблице всех прилагательных, имеющих в поэтическом корпусе НКРЯ семантический тег *цвет* и встретившихся в нем хотя бы один раз (табл. 3). Отсортируем их в порядке возрастания рангов. Все эти слова, кроме прилагательных *златой* (1790-е гг.) и *пёстрый* (1850-е гг.), а также *рыжий* (1920-е гг.), имеют наибольшую частоту в конце XIX – начале XX в. (см. столбец «Десятилетие»).

Таблица 3

Прилагательные цвета с наиболее высокими значениями IPM
в поэтическом корпусе НКРЯ

Table 3

Adjectives of color with the highest values of IPM
in the RNC poetic corpus

Лексема (Lexeme)	Ранг первого появления лексемы в сводной таблице (The range of the first appearance)	Десятилетие (Decade)
1. белый	1	1900-е гг.
2. темный	3	1900-е гг.
3. черный	4	1910-е гг.
4. светлый	12	1890-е гг.
5. бледный	13	1890-е гг.
6. красный	29	1900-е гг.
7. синий	31	1900-е гг.
8. зеленый	34	1900-е гг.
9. златой	39	1790-е гг.
10. голубой	43	1900-е гг.
11. алый	68	1900-е гг.
12. серый	98	1910-е гг.
13. желтый	125	1900-е гг.
14. розовый	161	1900-е гг.
15. лазурный	181	1880-е гг.
16. румяный	210	1880-е гг.
17. сумрачный	224	1880-е гг.
18. рыжий	231	1920-е гг.
19. пестрый	238	1850-е гг.
20. золотистый	242	1900-е гг.
21. лиловый	275	1900-е гг.
22. сизый	276	1900-е гг.
23. серебристый	279	1900-е гг.
24. мутный	287	1910-е гг.
25. багряный	300	1900-е гг.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что в табл. 3 собраны 25 «любимых» цветов русской поэзии. Обратим внимание на то, что в списке нет нескольких прилагательных, означающих базовые цвета – *коричневый*, *оранжевый* и *фиолетовый*.

Золотой век и Серебряный век русской поэзии в зеркале статистики прилагательных цвета

В заключение сравним использование прилагательных цвета на протяжении двух периодов, которые в литературе получили название «Золотой век» и «Серебряный век» русской поэзии. Эти образные названия периодов в истории русской поэзии (и, шире, литературы) не имеют четко определенных хронологических рамок, но вместе с авторами статьи «Инструмент анализа данных в корпусе русской поэзии» [Lyashevskaya et al., 2018]³ мы будем относить Золотой век к 1811–1841 гг. и Серебряный век к 1901–1917 гг.

В указанной статье сравнивается частота прилагательных в поэтических текстах в двух исследуемых периодах, в частности приводится таблица с прилагательными, относительная частота которых в Серебряном веке больше, чем в Золотом веке. В этой таблице 54 прилагательных, из них 14 являются прилагательными цвета. Приведем эти прилагательные по статье О. Ляшевской и соавторов [Lyashevskaya et al., 2018] (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение частоты прилагательных цвета
в поэтических текстах Золотого и Серебряного века

Table 4

Comparison of the frequency of adjectives of color
in poetic texts of the Golden and Silver ages

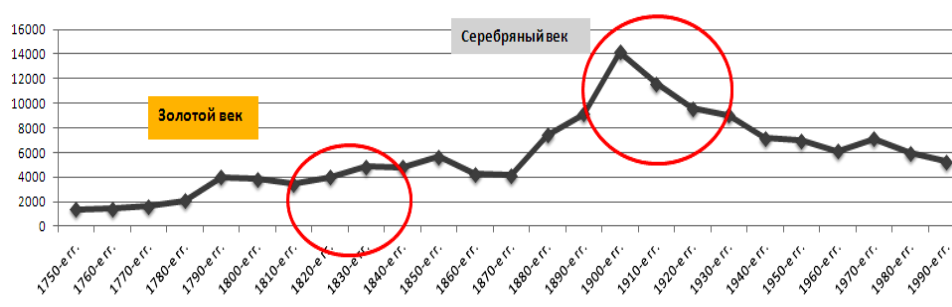
Прилагательное (Adjective)	Частота (Frequency)		F2/F1
	F1 (1811–1840)	F2 (1901–1917)	
серый	0,000615	0,003634	5,9
алый	0,000717	0,003747	5,2
розовый	0,000549	0,002124	3,9
белый	0,004053	0,014510	3,6
синий	0,001749	0,005925	3,4
тусклый	0,000388	0,001264	3,3
зелёный	0,001983	0,005704	2,9
красный	0,002275	0,006181	2,7
прозрачный	0,000885	0,002400	2,7
голубой	0,001836	0,004647	2,5
пёстрый	0,000571	0,001308	2,1
чёрный	0,004990	0,010419	2,1
тёмный	0,004968	0,010297	2,1
золотой	0,003702	0,007400	2,0

Из табл. 4 можно вывести, что частота прилагательных цвета в поэтических текстах первых двух десятилетий XX в. выше в среднем в 3,17 раза, чем в первой половине XIX в. В целом это соответствует нашим данным. Если посчитать число прилагательных цвета в указанных периодах (см. рис. 12), объем корпусов (см. рис. 2) и, соответственно, ИРМ, то, по нашим данным, $F2/F1 = 2,71$ ($12\,568 / 4\,645$). Это соотношение указывает, во сколько раз частота прилагательных цвета в поэтических текстах первых двух десятилетий XX в. выше соответствующего показателя за первые 40 лет XIX в. Небольшое расхождение между данными статьи О. Н. Ляшевской и нашими допустимо и объяснимо.

³ Статья О. Ляшевской с соавторами опубликована на английском языке, мы цитируем ее по-русски в нашем переводе.

Теперь сопоставим графики, построенные по нашей методике (назовем ее методика М1), и графики, построенные с помощью функции НКРЯ *Графики* (методика М2). Наша методика предполагает следующий порядок действий: поиск в подкорпусах ПК НКРЯ, сведение результатов поиска в электронной таблице и построение диаграмм по отдельным прилагательным по десятилетиям. Различия обусловлены тем, что система НКРЯ строит график по отдельным годам со степенью сглаживания⁴ (в данном случае она равна 8), и каждому году соответствует точка графика (М2). У нас же графики строились по декадам, и каждой декаде на оси ординат соответствует среднее значение частоты всех прилагательных цвета (или конкретного прилагательного) в этом десятилетии (М1).

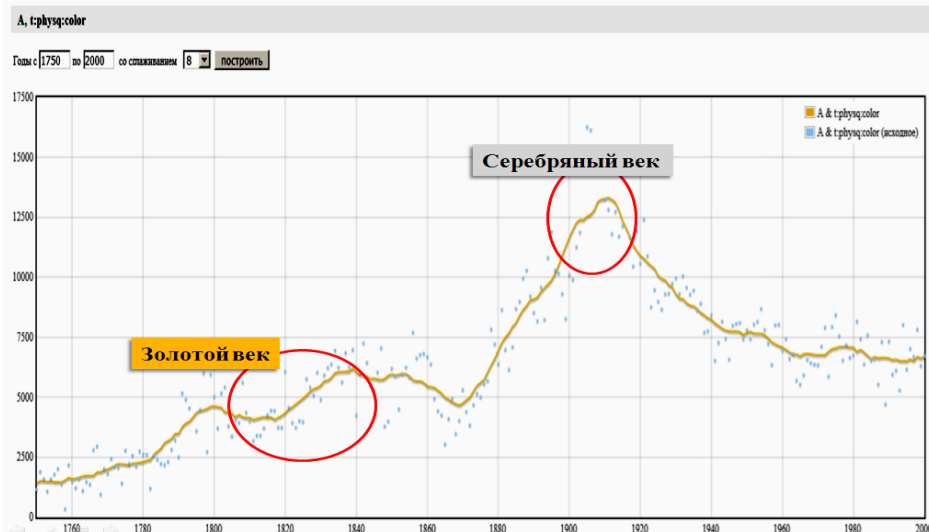
Покажем графики изменения частоты употребления во времени всех прилагательных цвета в соответствии с М1 (рис. 22, а) и М2 (рис. 22, б), а также для некоторых конкретных прилагательных (рис. 23–25). На всех графиках красными кружками обозначены сегменты, соответствующие Золотому веку и Серебряному веку.

а

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) с 1750 по 2000

[перейти на страницу поиска](#)

б

Рис. 22. Значения IPM прилагательных, имеющих тег *цвет*, в текстах ПК НКРЯ.

Графики построены по М1 (а) и М2 (б)

Fig. 22. Values of IPM of adjectives with color tag in texts of the RNC poetry corpus.

The charts are built according to М1 (а) and М2 (б)

⁴ «Сглаживание графиков позволяет увидеть общую тенденцию за случайными колебаниями частот. Например, сглаживание в 10 лет усредняет частоту слова с учетом предшествующих и последующих 5 лет» (<https://ruscorpora.ru/new/graphic.html>).

а

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) с 1750 по 2000

[перейти на страницу поиска](#)

б

Рис. 23. Изменение значений IPM прилагательного *чёрный* в текстах ПК НКРЯ.

Графики построены по M1 (а) и M2 (б)

Fig. 23. Changing of values of IPM of adjective *чёрный* 'black' in the RNC poetry corpus.

The charts are built according to M1 (a) and M2 (b)

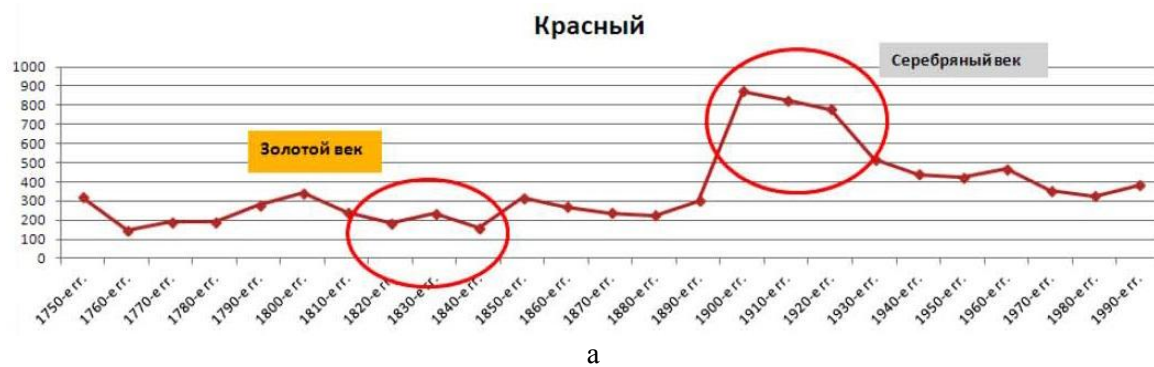

Рис. 24. График изменяемости IPM прилагательного *красный* в текстах ПК НКРЯ.

Графики построены по M1 (а) и M2 (б)

Fig. 24. Changing of values of IPM of adjective *красный* 'red' in the RNC poetry corpus.

The charts are built according to M1 (a) and M2 (b)

а

б

Рис. 25. График изменяемости ИРМ прилагательного *тёмный* в текстах ПК НКРЯ.

Графики построены по M1 (а) и M2 (б)

Fig. 25. Changing of values of IPM of adjective *тёмный* 'dark' in the the RNC poetry corpus.

The charts are built according to M1 (a) and M2 (b)

Мы наблюдаем, что при некоторых различиях в конфигурации кривых, построенных по разным методикам, графики изоморфны (небольшие отличия вряд ли существенны). Этот факт является дополнительным подтверждением достоверности наших данных. Обращает на себя внимание то, что в Золотом веке практически не наблюдается выраженных пиков частотности, тогда как в период Серебряного века пики частотности всех отобранных прилагательных цвета проявляются очень четко.

Выводы и заключение

В ходе исследования было обнаружено, что семантическая разметка слов-цветообозначений в НКРЯ в ряде случаев страдает неполнотой и непоследовательностью. В одном случае это нарушение логики разметки позволило нам выделить в его текстах целый класс специфичных прилагательных, которые мы назвали «квазицвета». В него входят прилагательные, относящиеся к цвету, но не обозначающие его. Этот класс позволил выявить существенные особенности функционирования цветообозначений.

Тем не менее, используя существующую семантическую разметку НКРЯ, мы выявили паттерны частотного поведения прилагательных цвета в русских поэтических текстах за период с 1750 по 1999 г. Сделаем некоторые выводы на их основе.

- В поэтических текстах наблюдается более высокая частотность словоупотреблений – обозначений цвета, чем в других типах текстов.

- При сравнении числа цветообозначений по частям речи и типам текстов частота цветообозначений-прилагательных во всех типах текстов выше частоты других частей речи.

- Графический паттерн частотного поведения определен как для всей совокупности прилагательных цвета (точнее, прилагательных, имеющих тег *цвет* в НКРЯ), так и для некоторых отдельных прилагательных.

- Выявленные нами тенденции частотного поведения совпадают с данными, представленными другими авторами.

- Самые высокие значения частоты всех прилагательных цвета мы видим в последнее десятилетие XIX – первые три десятилетия XX в.

- Для этого же периода характерно расширение словаря прилагательных цвета всех классов.

- Частотное поведение прилагательных, относящихся к разным классам, существенно отличается в разные временные периоды. С 1750 по 1809 г. преобладают аналоговые прилагательные (т. е. прилагательные вторичной номинации). Это обусловлено чрезвычайно высокой относительной частотой прилагательного *златой*, которое, по сути, маркирует всю эту эпоху.

- На протяжении практически всего XIX в., с 1810 по 1899 г., частота у прилагательных квазицвета выше, чем у прилагательных других классов.

- Начиная с первых лет XX в. и до его конца частота прилагательных собственно цвета (цвета как такового) значительно выше, чем у прилагательных других классов. При этом необходимо отметить, что частота прилагательных квазицвета *тёмный* и *светлый* в XX в. остается достаточно высокой.

- Наиболее частотными в нашем материале являются прилагательные, означающие ахроматические цвета *белый*, *чёрный* и квазицвета *светлый*, *тёмный* и *бледный*.

- Выявлены 25 наиболее частотных прилагательных цвета за весь исследуемый период («любимые» цвета русской поэзии). Их наибольшая концентрация пришлась на первые десять лет XX в. (1900–1909), что, видимо, не случайно. Это десятилетие находится в середине периода очень высокой творческой активности в русской поэзии, так называемой эпохи Серебряного века.

Динамика частотности прилагательных цвета определяется множеством факторов, влияющих на развитие языка. Выявление этих факторов и, соответственно, интерпретация наших данных требует отдельных историко-культурных и литературоведческих исследований. В одной из предыдущих публикаций [Масевич, Захаров 2019а, с. 24–28] мы отметили некоторую корреляцию частотного поведения прилагательных цвета с эволюционной моделью Берлина – Кея [Berlin, Kay, 1969; Kay, McDaniel, 1978]. Теперь предстоит понять причины изменения частотности прилагательных цвета в русской поэзии.

Хочется надеяться, что наши подходы и результаты, прошлые и настоящие, добавят что-то новое в представления о цветообозначении в русском языке. Кажется бесспорным, что

использование лингвистических корпусов открывает новые горизонты в исследовании цветообозначений и других лингвистических явлений.

В частности интерес могут представлять статистико-диахронические исследования различных значений прилагательных цвета. Собственно говоря, мы уже выполнили такое исследование о прилагательном *красный* (в печати). В настоящее время в работе находится исследование об особенностях использования прилагательных цвета различными авторами поэтических текстов. Интересной, как указано выше, представляется перспектива исследования взаимосвязи между частотностью цветообозначений и функциональными стилями. Особенно привлекательным нам видится возможное использование наших данных и методик в историко-культурных и литературоведческих исследованиях. В числе прочего это обеспечивало бы сопоставимость получаемых результатов.

При этом необходимо учитывать, что создание корпусов осуществляется преимущественно в автоматическом режиме, и по этой причине вряд ли можно всегда обеспечить полную надежность данных. Из этого следует, что полученные результаты должны проверяться всеми возможными способами.

Список литературы

- Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
- Захаров В. П., Масевич А. Ц. Категоризация прилагательных цвета в русских поэтических текстах (корпусное исследование) // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 2019. № 21. С. 164–181.
- Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 155–174.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019а. Т. 17, № 1. С. 21–48. DOI 10.25205/1818-7935-2021-17-1-21-48
- Масевич А. Ц., Захаров В. П. Семантическое поле обозначений цвета в русском языке // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: Тр. XXII Междунар. объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. СПб.: ИТМО, 2019б. Вып. 3. С. 61–76.
- Фефелов А. Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 48–72.
- Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969, 178 p.
- Kay, P., McDaniel, Ch. K. The Linguistic Significance of Meanings of Basic Color Terms. *Language*, 1978, no. 54 (3), pp. 610–646.
- Lyashevskaya, O., Litvintseva, K., Vlasova, E., Sechina, E. A Data Analysis Tool for the Corpus of Russian Poetry. In: HSE Working papers WP BRP 77/LNG/2018, Moscow, National Research University Higher School of Economics Press, 2018. URL: <https://ideas.repec.org/p/hig/wpaper/77-lng-2018.html> (accessed 04.09.2021).
- Masevich, A., Zakharov, V. Quantitative Analyses of Using Adjectives of Color in Russian Poetic Texts. In: CEUR Workshop Proceedings, 2019, vol. 2552, pp. 121–139. (in Russ.) URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper11.pdf> (accessed 04.09.2021).

References

- Berlin, B., Kay, P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969, 178 p.
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: Pro and Contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 48–72. (in Russ.)
- Frumkina, R. M.** Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis. Moscow, Nauka, 1984, 175 p. (in Russ.)
- Grishina, E. A., Korchagin, K. M., Plungyan, V. A., Sichinava, D. V.** The Poetic Corpus within the Framework of the RNC: General Structure and Prospects of Use. In: National Corpus of the Russian Language: 2006–2008. New Results and Prospects. St. Petersburg, Nestor-History, 2009, pp. 71–113. (in Russ.)
- Kay, P., McDaniel, Ch. K.** The Linguistic Significance of Meanings of Basic Color Terms. *Language*, 1978, no. 54 (3), pp. 610–646.
- Kustova, G. I., Lyashevskaya, O. N., Paducheva, E. V., Rakhilina, E. V.** Semantic Markup of Vocabulary in the National Corpus of the Russian Language: Principles, Problems, Prospects. In: National Corpus of the Russian Language: 2003–2005. Results and Prospects. Moscow, Indrik, 2005, pp. 155–174. (in Russ.)
- Lyashevskaya, O., Litvintseva, K., Vlasova, E., Sechina, E.** A Data Analysis Tool for the Corpus of Russian Poetry. In: HSE Working papers WP BRP 77/LNG/2018, Moscow, National Research University Higher School of Economics Press, 2018. URL: <https://ideas.repec.org/p/hig/wpaper/77-lng-2018.html> (accessed 04.09.2021).
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Semantic Field of Color Designations in Russian. In: Computational Linguistics and Computational Ontologies: Proc. of the XXII International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society”, IMS-2019, St. Petersburg, June 19–22, 2019) St. Petersburg, ITMO Uni. Press, 2019, iss. 3, pp. 61–76. (in Russ.)
- Masevich, A., Zakharov, V.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 21–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-17-1-21-48
- Masevich, A., Zakharov, V.** Quantitative Analyses of Using Adjectives of Color in Russian Poetic Texts. In: CEUR Workshop Proceedings, 2019, vol. 2552, pp. 121–139. (in Russ.) URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper11.pdf> (accessed 04.09.2021).
- Zakharov V. P., Masevich A. Ts.** Categorization of Adjectives of Color in Russian Poetic Texts (Corpus Research). In: Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. Russian Academy of Sciences, 2019, no. 21, pp. 164–181. (in Russ.)

Информация об авторах

Масевич Андрей Цезаревич, старший преподаватель

Захаров Виктор Павлович, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Andrey Ts. Masevich, Lecturer

Victor P. Zakharov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.05.2021;

одобрена после рецензирования 01.07.2021; принята к публикации 01.07.2021

The article was submitted 07.05.2021;

approved after reviewing 01.07.2021; accepted for publication 01.07.2021

Научная статья

УДК 80/81

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47

К истолкованию метафор и образных сравнений в Псалтири: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi*

Андрей Евгеньевич Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Нижний Новгород, Россия

bochkarev.andrey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Аннотация

На примере святоотеческих толкований на Псалтирь рассматриваются многочисленные метафорические дескрипции с целью реконструировать операции и процедуры по извлечению сокровенного смысла из-под завесы буквального. Как свидетельствуют авторитетные толкования, используемые псалмопевцем метафоры и образные сравнения хотя и совпадают по семантическому механизму транспозиции и необходимости последующего их преобразования в толковании, но различаются по вкладываемому в них смыслу. Одни поэтически образно отражают душевный настрой Давида; другие исполнены, кроме того, глубинного сокровенного смысла. Различными становятся, как следствие, и инструкции по их истолкованию. В образно-символическом толковании, объясняющем условия выбора вспомогательного объекта, инструкцией интерпретации становится ближайший контекст, а за отсутствием такого контекста – презумпция подобия. В символическо-аллегорическом толковании, призванном истолковать проблемные высказывания на другом уровне представления, инструкцией интерпретации становится презумпция духовного смысла, раскрываемого по правилам библейской экзегезы как прообраз новозаветной истории (в прообразовательном прочтении), как норма морального поведения (в тропологическом значении) или как исполнение обетований (в анагогическом значении). Так реализуются основные установки герменевтики: *subtilitas intelligendi*, *subtilitas explicandi* и *subtilitas applicandi*.

Ключевые слова

Псалтирь, герменевтика, метафорические дескрипции, установка мнения, образно-символическое толкование, символическо-аллегорическое толкование, серийная аналогия

Для цитирования

Бочкарев А. Е. К истолкованию метафор и образных сравнений в Псалтири: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi* // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 36–47. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47

On the Interpretation of Metaphors and Similes in the Psalms: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi*

Andrey E. Bochkarev

National Research University “Higher School of Economics”

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

bochkarev.andrey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Abstract

Based on the example of sacred Psalter explanations, the article examines numerous metaphorical descriptions with the intention to reconstruct the procedures and operations for extracting the spiritual meaning from the veil of the literal. According to the authoritative explanations in question, metaphors and figurative comparisons (similes) used by

© Бочкарев А. Е., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 36–47

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–47

the psalm singer differ in their inherent meaning despite the coincidence in the semantic mechanism of transposition and the need for their subsequent transformation in interpretation. Some of them, in a poetic way, reflect David's state of mind; others are filled with a deeper spiritual meaning. As a consequence, instructions for their interpretation become different. In the figurative-symbolic interpretation, explaining conditions for the choice of an auxiliary object, it is the nearest linguistic context that becomes an explanatory instruction; and when there is no such context it is the presumption of similarity by which *X* can be linked to *Y* in expressions like "God, the horn of my salvation" that serves this function. In the symbolic-allegorical interpretation, designed to explain metaphorical expressions at a different level of understanding, it is the presumption of spiritual meaning that becomes the instruction explaining metaphorical expressions in accordance with the rules of the Christian exegesis as a prefiguration of the New Testament history (in the typological reading), as a norm of moral behavior (in the tropological reading), and as the fulfillment of promises (in the anagogic reading). The basics for hermeneutics are implemented in the following way: *subtilitas intelligendi*, *subtilitas explicanda*, and *subtilitas applicandi*.

Keywords

Psalter, hermeneutics, metaphorical descriptions, opinion, figurative-symbolic interpretation, symbolic-allegorical interpretation, serial analogy

For citation

Bochkarev, A. E. On the Interpretation of Metaphors and Similes in the Psalms: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47

Постановка проблемы

В ряду канонических книг Псалтирь занимает особое место. Причиной тому являются как вдохновенные и глубоко поэтичные описания душевного состояния Давида, ищущего опоры в Боге и уповающего на его помощь, так, собственно, и пророческий характер текста, пояснить который призваны многочисленные комментарии и толкования на Псалтирь. Привлекаемые для разбора разновременные толкования образуют тем более благодатный материал, что позволяют не только понять заключенный в Псалтири сокровенный смысл¹, но еще и реконструировать и соизмерить с большой степенью достоверности процедуры извлечения такого смысла в рамках сложившейся в средневековой патристике теории аллегоризма².

Особый интерес вызывают в этой связи толкования широко используемых песнопевцем метафор и образных сравнений как речений, заведомо противоречащих здравому смыслу и потому требующих особого к себе внимания.

В Псалтири таких мест действительно немало. **Господь** уподобляется пастырю (Пс. 22: 1), твердыне (Пс. 17: 3; 27: 1), каменной горе и ограде (Пс. 30: 4), щиту (Пс. 17: 3; 7: 11), крепости (Пс. 146: 5) и рогу спасения (Пс. 17: 3; 43: 6); **благоволение Господне** – щиту (Пс. 5: 13); **глас Господа** – молнии (Пс. 28: 7); Его **слова** – серебру (Пс. 11: 7), стрелам (Пс. 119: 4); **одежды** – смирне, алоэ и кассии (Пс. 44: 9); **язык** – мечу (Пс. 63: 4); **праведники** – древу зеленеющему и плодоносящему (Пс. 1: 3); **нечестивые** – праху (Пс. 1: 4; 34: 5), глиняному горшку (Пс. 2: 9) и овцам (Пс. 48: 15–16); **их сердца** – пагубе; **гортань** – открытому гробу (Пс. 5: 10); **грешники** – коням и лошадям (Пс. 31: 9); **враги** – льву, алчущему добычи (Пс. 7: 3; 9: 30; 21: 14; 34: 17), скопищу псов (Пс. 21: 17), пчелам и огню (117: 11–12), потоку, стремительной воде (Пс. 123: 3–5), водам глубоким (Пс. 143: 7), траве на кровлях (Пс. 128: 6–8), земной пыли (Пс. 34: 5), нестойкому к внешнему воздействию сосуду горшечника (Пс. 2: 9); **злодеи** – траве и зеленеющему злаку (Пс. 36: 1–2); проданные в рабство **еврейские пленники** – овцам (Пс. 43: 12); **наказания** – стрелам (Пс. 119: 4; 143: 6); **молитва** – фимиаму (Пс. 140: 1–2); **Давид** – червю (Пс. 21: 7) и сосуду разбитому (Пс. 30: 13), **язык пророка** –

¹ Ср. в этой связи деление псалмов на хвалебно-благодарственные, молитвенные, учительные и мессианские (Лопухин, 1907, с. 139).

² Отправным положением теории аллегоризма служат, как известно, слова св. Павла о двух женах и двух сыновьях Авраамовых, переосмысливаемых в апостольском толковании в отношении к Ветхому и Новому заветам (Гал., 4, 22–26). В рамках намеченного противопоставления Ветхий завет приобретает в отношении к Агари и Исаиу афферентные признаки 'рабство' и 'плоть', а Новый завет в отношении к Сарре и Исааку – 'свобода' и 'обетование'. В этом и заключается, по словам апостола Павла, иносказание.

трости скорописца (Пс. 44: 2); **слезы** – хлебу (Пс. 41: 4); **ярость** – змию (Пс. 57: 5); **душа** – птице (Пс. 10: 1) и земле (Пс. 142: 6); **солнце** – жениху (Пс. 18: 6); **проклятие и срам** – одеждам (Пс. 108: 18, 29); **горы** – овнам, **холмы** – ягнятам (Пс. 113: 4); **человек** – суете, а его **дни** – тени (Пс. 143: 4)³.

С точки зрения классической двузначной логики такие дескрипции не выдерживают проверки на соответствие реальному положению вещей, хотя и имеют, нельзя не признать, большую иллюкативную силу, чем простые утверждения вида (1) *Человек беззащитен и слаб*; (2) *Враги коварны и кровожадны*; (3) *Нечестивые не стремятся к истинному благу народа*.

Означает ли это, что метафорические определения вообще не поддаются истолкованию? Сократить эффект смысловой аномалии⁴ отчасти позволяют сопутствующие выражения в функции ограничителя – компаративные связки *как*, предикативы *подобно*, *похож* и т. п.⁵ Так, по сравнению с определением *горы – овны* перефразировка вида *горы, как овны* представляется если не более истинной, то хотя бы менее аномальной. Но и в этом случае, тем более в определениях вида *сердце их – пагуба*, *гортань их – открытый гроб*, в которых отношение подобия задается без участия «семантического оператора половинчатости» [Арутюнова, 1998, с. 830], нельзя не признать, что в двузначном логическом исчислении такие высказывания заведомо ложны, поскольку горы суть не овны, а часть земной поверхности, приподнятая над уровнем моря и прилегающих равнин; холмы суть не ягнята, а форма рельефа в виде небольшой возвышенности с пологими склонами и слабо выраженным подножием.

Во всех приведенных примерах подобие устанавливается поверх категориальных границ между объектами разных концептуальных областей: например, *горы* («ландшафт») ≈ *овны* («животные»), *праведник* («человек») ≈ *дерево* («растения»), *враг* («человек») ≈ *лев* («животное»), *злодеи* («человек») ≈ *трава* («растения»), *язык пророка* («орган речи») ≈ *трость скорописца* («инструмент для письма»). Притом понять, почему для оценочной характеристики псалмопевец избирает такой, а не какой-то другой вспомогательный объект, можно только по заданной в псалме установке мнения. В противном случае нельзя объяснить, почему горы определяются в отношении к овнам, холмы – в отношении к ягнятам, праведники – в отношении к дереву зеленеющему, язык пророка – в отношении к трости скорописца, Давид – в отношении к червю и сосуду разбитому, нечестивые – в отношении к праху, наказание – в отношении к стрелам, ярость – в отношении к змию, злодеи – в отношении к траве и злаку, враги – в отношении ко льву, пчелам и огню. Именно избираемый по случаю вспомогательный объект позволяет охарактеризовать определяемый объект по наиболее примечательному, на взгляд псалмопевца, свойству как в чем-то сходный червю и разбитому сосуду (Давид), трости скорописца (язык пророка), горам (овны) и холмам (ягнята), дереву зеленеющему (праведники), тьме (скорбь), траве и злаку (злодеи), льву, пчелам и огню (враги)⁶.

³ В отличие от тождества подобие асимметрично (поскольку не допускает инверсии), градуировано (поскольку ограничивается каким-то одним свойством) и преходяще (поскольку не распространяется на все прочие контексты употребления означенных выражений) (ср. [Арутюнова, 1998, с. 280, 357]).

⁴ В случае метафорической транспозиции, заметим попутно, эффект семантической аномалии возрастает, когда термы сравнения привлекаются случайным образом или, хуже того, находятся в разном оценочном пространстве, когда между объектами в отношении подобия затруднительно или нельзя вообще найти какое-либо вразумительное сходство.

⁵ О семантических операторах в функции ограничителя см.: [Lakoff, 1972; Zadeh, 1971; 1972; Растье, 2001, с. 175–177].

⁶ В известной степени тут можно провести параллель с созерцательными переживаниями в практике «умного делания», рассматриваемой, хотя и по другому поводу, в [Постовалова, 2014а; 2014б]. Нелишне, кроме того, отметить и собственно эпистемологический статус метафоры как особого инструмента познания. При условии, разумеется, если установленное посредством метафоры сходство вскрывает особо примечательные свойства характеризуемого объекта, а не просто случайно подмеченные соответствия. Ср. «По крайней мере, никто не станет сомневаться в том, что есть предметы, кои гораздо охотливее познаешь, если они представлены в подобиях, и что те истины вообще гораздо приятнее, коих открытие сопряжено с некоторою трудностью» [Августин, 1835, с. 76].

Истолковать такие высказывания – значит эксплицировать свойство, по которому *X* уподобляется в данном контексте мнению *Y*, а в пределе еще и установить иллюкутивную и прогностическую силу такой аналогии. В этом, собственно говоря, и состоит задача толкования внешне проблемных выражений в Псалтири.

Инструкции по преобразованию внешне проблемных выражений

Не претендуя на исчерпывающий обзор, рассмотрим на примере отдельно взятых случаев толкования, как преодолевается в авторитетных толкованиях на Псалтирь категориальный сдвиг и какие используются для этого процедуры интерпретации.

В известном смысле внешне несуразные-для-нас выражения, какими предстают по определению метафоры и образные сравнения, суть речения, построенные по типу иносказания или загадки, в которых говорится одно, а подразумевать следует другое. Недаром в Толковании на Псалтирь Иоанн Златоуст предостерегает понимать буквально слова пророка о рукоплещущих реках (Пс. 97: 8), скачущих горах и холмах (Пс. 113: 4), что «было бы крайне безрассудно», а предлагает воспринимать их скорее как образное выражение высшей степени радости⁷.

За невозможностью буквального понимания наипростейшей процедурой толкования внешне проблемных выражений становится перефразировка – преобразование трудных для понимания выражений в выражения понятные и доступные для разумения, когда некоторое исходное означаемое (*signatum*₁) переосмысливается по правилам символической транспозиции как означающее другого означаемого (*signatum*₂)⁸. Причем это относится не только к притчам, о которых говорится в псалме сорок восьмом: *Приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири загадку мою* (Пс. 48: 5), но и ко всем темным речениям, не удовлетворяющим требованиям ясности и потому кажущимся просто нелепыми. Так, во фразе *И сказал я: “Может быть, тьма сокроет меня?”* (Пс. 138: 12) *тьма* переосмысливается в перефразировке как скорбь от постигших Давида бедствий (Иоанн Златоуст); *теснота* во фразе *В тесноте моей я призвал Господа* (Пс. 17: 7) – как стесненные жизненные обстоятельства (Лопухин, 1907); *щит*, которому уподобляется Господь во фразе *Но ты, Господи, щит предо мною* (Пс. 3: 4) – как благоволение, благодать и милость Господа (Ириней, 1894); *жезл железный*, которым Господь поразит врагов, подобно сосуду горшечника (Пс. 2: 9) – как римское царство, которое Данилово пророчество в переносном смысле называет железным (Феодорит Киррский, 1905); *изошренные стрелы Сильного* (Пс. 119: 4) – как казнь, какая вскоре постигнет вавилонян (Афанасий Великий, 2011), как «меткие слова, которые, достигая сердца слушателей, поражают и уязвляют чувствительные души» (Василий Великий, 2000), как наказания (Иоанн Златоуст, 1899) или как скорость наказаний (Феодорит Киррский, 1905); *врата правды* (Пс. 117: 19) – как различные виды добродетели (Феодорит Киррский, 1905) или как преспеяние в добродетели (Афанасий Великий, 2011); *дерево, насажденное при источниках вод* (Пс. 1: 3) – как «от трудов собираемое духовное богатство» (Зигабен, 1907) или как внешнее благополучие и успех в делах (Лопухин, 1907); *правда, которой облечутся священники* (Пс. 131: 9) – как «священные обряды, священство, богослуже-

⁷ Подобным же образом высказывается Августин: «Ежели из слов, в собственном значении взятых, выходит смысл несообразный, то нужно вникнуть, не употреблен ли такой или другой троп в изречении, которого мы не понимаем. Этим способом объяснено много такого, что прежде казалось темным» [Августин, 1835, с. 211].

⁸ Августин по этому поводу говорит: «Собственное значение слов бывает тогда, когда ими означаются именно те предметы, для выражения которых они изобретены, так, например, мы говорим “вол” и разумеем под сим словом известное животное, которое так называют все, говорящие нашим языком (латинским). Переносное значение слов бывает тогда, когда самые предметы, выражаемые собственными словами, употребляются для означения чего-либо другого; так, под словом “вол” собственно мы разумеем известное животное, обыкновенно словом называемое; но можем разуместь и человека, занимающегося проповедью Слова Божия, которого сим именем назвало само Писание, по изъяснению Апостола, в следующем месте: “не заграждай рта у вола молотящего” (1 Кор. 9, 9)» [Августин, 1835, с. 86].

ние, жертвы, приношения, а вместе с тем и беспорочный образ жизни, которого особенно надобно требовать от священников» (Иоанн Златоуст, 1899); *окружившие Давида враги в образе псов* (Пс. 21: 17) – как язычники (Феодорит Киррский, 1905); *чертоги из слоновой кости* (Пс. 44: 9–10) – как «благославные и светлые церкви, какие князьями и царями воздвигнуты повсюду на суше и на море» (Феодорит Киррский, 1905); *трава и зеленеющий злак, которым уподобляются злодеи* (Пс. 36: 1–2) – как «краткость временного благополучия» (Ириней, 1894); *стремящийся к источнику олень* (Пс. 41: 2) – как противодействие злу и изображение чего-то лучшего (Василий Великий); *поток и вода* (Пс. 123: 3–5) – как невыразимый гнев врагов (Иоанн Златоуст, 1899); *многие воды* (Пс. 143: 7) – как множество врагов (Феодорит Киррский, 1905); *глубокие воды, от которых пророк просит Господа избавить его* (Пс. 143: 7) – как «беспорядочное, нестройное и стремительное нападение врагов» (Иоанн Златоуст, 1899); *прах, которому уподобляются нечестивые* (Пс. 1: 4) – как легко уносимая ветром пыль или мякина (Лопухин, 1907)⁹.

Ближайшее окружение в функции внутритекстового интерпретанта

Разумеется, установить свойство, по которому *X* уподобляется поверх категориальных границ *Y* в выражениях вида *X есть Y*, позволяет во многом ближайший лингвистический контекст, т. е. ближайшее лексическое окружение в функции инструкции по внутритекстовой интерпретации¹⁰. Например, за отсутствием контекста уподобить человека льву можно по коннотативному признаку 'отважный', которым традиционно наделяется в культуре лев¹¹, а в контексте «подстерегает в потаенном месте», «подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного», «хватает бедного, увлекая в сети свои» (Пс. 9: 30) – только по эксплицированным в контексте признакам 'коварный' и 'кровожадный'. Поэтому в толковании псалма в качестве основания сравнения комментатором избираются именно такие, а не какие-то другие свойства: «Сравнив выше человека коварного со львом по его коварству и как бы кровожадности, пророк и далее остается тверд при этом сравнении, давая тем понять, что подобному человеку именно свойственны действия льва» (Зигабен, 1907).

Аналогичным образом высказывание *Слова Господни – серебро* (Пс. 11: 7) можно истолковать вне контекста по афферентному признаку 'драгоценный' как слова особо ценимые, а в контексте «очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное» – единственно только по свойству чистоты как слова чистые и чуждые лжи. Поэтому Златоуст поясняет установленную в псалме аналогию с опорой на заявленные в тексте свойства серебра: «...слова Его чисты, чужды лжи. Как расплавленное серебро не имеет ничего чуждого и нечистого, так и слова Бога, какие бы Он ни сказал, должны непременно исполниться. Потому и говорит: "серебро расплавленное, испытанное в земле"» (Иоанн Златоуст, 1899). Так же и сравнение злодеев с травой и зеленеющим злаком проясняется и полностью оправдывается в контексте «скоро будут подкошены и <...> увянут» (Пс. 36: 2) по признаку 'отсутствие питательной среды', 'недолговременный' и 'скоропреходящий'. «Давид здесь излагает причину, по которой не должно подражать злым. Злые, говорит, как трава на кровле, скоро иссохнут, как не имеющие глубокого корня; и как цветущая зелень скоро повреждаются. Злаки зелени суть травы зеленые, расцветающие, или то, что происходит от рода зелени, ибо все таковые растения, скоро засыхая, падают и истлевают» (Зигабен, 1907).

⁹ О других многочисленных значениях лексемы *прах* в Библии см.: [Мошина, 2020, с. 131].

¹⁰ О роли контекста бл. Августин говорит: «Если же и после того обе части рассматриваемого места (или все его части, ежели их случится много) будут казаться неоднозначными и темными, в таком случае остается обратиться к связи (контексту) речи и рассмотреть предыдущие и последующие части текста, окружающие темное место. Тогда откроется, какое из представляющихся понятий ближе к тексту и удобнее может быть соединено с ним» [Августин, 1835, с. 163].

¹¹ Ср. в этой связи широко известную метафору *Ахилл – лев*, в которой Ахилл уподобляется льву по признаку 'отважный'.

Презумпция подобия

За отсутствием эксплицированного основания сравнения затруднительно сказать, каким является в оптимальном представлении свойство, по которому *X* можно уподобить наилучшим образом *Y*. Например, пытаясь понять фразу *Бог мой – рог спасения моего* (Пс. 17: 3), можно перебирать самые разнообразные решения, пока не исчерпаются все возможные варианты толкования. Между тем в определении прославленных экзегетов подобие устанавливается здесь по свойству ‘сила’: «...слово “рог” часто берется в значении силы, как то: “защититель мой, и рог спасения моего” (Пс. 17, 3)» (Василий Великий, 2000) или ‘оружие, направленное против врага’: «*Рог спасения*, т. е. оружие как для защиты от врага, так и для поражения его; ибо те животные, которые имеют рога, весьма сильно защищаются ими в борьбе со своим противником» (Зигабен, 1907); «Употребил же выражение: *рог спасения* в переносном смысле, заимствовав оное от животных, которые рогами отражают неприятелей» (Феодорит Киррский, 1905); «Сравнение взято с животных, у которых их рога служат средством защиты и через них проявляется сила животного. Как рога для животного, так Бог являлся орудием, защищавшим Давида от врагов (Лопухин, 1907).

Также и установленную песнопевцем аналогию между душой и птицей во фразе *как же вы говорите душе моей: “улетай на гору вау, как птица”*? (Пс. 10: 1) можно в первом приближении истолковать по общему для термов сравнения свойству ‘свободный’. Между тем, поясняет Иоанн Златоуст, подобие задается здесь по свойству ‘легко уловимая для всех’: «Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимой для всех. Таков – надеющийся на богатство. Как птица уловляется и детьми, и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами». Также и в аналогии, установленной между нечестивыми и овцами (Пс. 48: 15–16), основанием сравнения служит, как выясняется, не свойственная овцам кротость, а ‘легкость их гибели’, т. е. их природная слабость и незащищенность: «Не кротость выражает он здесь названием овец <...>, но легкость их гибели, скорость угрожающей им опасности, удобоуловимость их для врагов. <...> Так и мы имеем обыкновение говорить о людях, скоро погибающих: такой-то погиб, как овца» (Иоанн Златоуст, 1899).

Разумеется, в разных авторитетных толкованиях искомое свойство может определяться различным образом, как обстоит, например, в истолковании образного сравнения *Все одежды Твои, как смирна и алоэ и кассия* (Пс. 44: 9). В толковании Василия Великого *смирна* означает благоухание Христова и символ погребения, поскольку Иосиф Аримафейский при погребении употребил смирну и алоэ, кассия указывает на «крестное страдание, воспринятое в благодеяние всей твари»; в толковании Евфимия Зигавиноса *смирна* принимает в отношении тела и одежд Христовых «значение смерти и нетления», ибо «смирною помазываются мертвые тела для сбережения их от гниения и тления», *кассия* означает «благоухание тела Христова»; в толковании Феодорита Киррского под *смирной* пророк понимает страдание, «потому что смирна преимущественно приносится мертвым», под *кассией* – «благоухание страдания Христова»; в толковании Златоуста – это выражение благодати, которой были исполнены одежды Христовы: «Слова “от одежд Твоих” показывают, что и одежды Христовы были исполнены благодати»; тогда как в определении профессора А. П. Лопухина толкование ограничивается словарным значением, по которому *смирна*, *кассия* и *алоэ* суть не что иное, как «виды благовоний, которыми умащались знатные люди на Древнем Востоке».

Задавшись вопросом, какой из заявленных смыслов подходит наилучшим образом для понимания означенных выражений – буквальный или иносказательный, нельзя не сослаться на наставление Златоуста истолковывать слова песнопевца «не чувственно, а духовно»¹²:

¹² Также и Августин поучает новообращенных: «...если он услышит в Писании нечто звучащее по-плотски, то пусть он, хотя бы и не понимая, верит, что тут вложен некий духовный смысл, имеющий в виду будущую жизнь и добрую нравственность» [Августин, 1976, с. 51]. Так христианская экзегеза стремится не только прояснить

«...как слыша о луке, мече и подобных вещах, ты не разумеешь их чувственно, так и слыша о смирен и кассии, ты разумеи их не чувственно, а духовно». В этих словах кроется, по сути, инструкция по извлечению духовного смысла из-под завесы буквального в согласии со словами апостола Павла: «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор., 3, 6).

Символико-аллегорическое толкование

В отличие от образно-метафорического толкования, объясняющего семантический механизм образной дескрипции – щита как защиты и покровительства, рога животного как оружия, льва как врага, символико-аллегорическое толкование призвано раскрыть нечто большее, чем просто условия создания художественной образности¹³.

В символико-аллегорическом толковании недостаточно эксплицировать основание сравнения, т. е. свойство, признак или состояние, по которому определяемый объект уподобляется в образной дескрипции вспомогательному объекту, требуется раскрыть еще и сокрытый под покровом иносказательных выражений духовный смысл путем переосмысления элементов сравнения на другом уровне представления в соответствии со сложившейся в христианской экзегезе градацией духовного смысла¹⁴.

Показательным тому примером служит толкование слов Давида *Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе* (Пс. 21: 7). За невозможностью буквального понимания в первом приближении требуется установить свойство, по которому Давид уподобляется в самоуничижительной номинации червю в рамках псевдоидентификации вида *не X, а Y*. Таким свойством является, на что справедливо указывает Феодорит Киррский со ссылкой на слова *Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою* (Пс. 21: 8), ‘уничижение’, а также, поясняет А. П. Лопухин, бедственное положение Давида: «Давид изображает тяжесть своего положения. Над ним, как противником царя, издеваются; он беззащитен и слаб, как червь, которого легко раздавить». Притом понять, почему в качестве вспомогательного объекта избирается червь, а не что-то другое, позволяет, добавим попутно, такое весьма существенное обстоятельство, что, по мнению Давида, для изображения уничижительного положения человека не существует иного класса вспомогательных существ, кроме разве только представителей рода членистоногих.

В символико-аллегорическом толковании установленная в псалме аналогия переосмысливается на следующем витке осмысления по отношению к смиряющему и уничижающему Себя Господу. Основанием сравнения служит при этом не только намеченное ранее ‘уничижение’, но еще и ‘безсеменное рождение’: «...как червь рождается в земле без семени после дождя, так и Христос родился безсеменно после наития на Деву Святого Духа» (Зигабен, 1907), а также ‘возможность служить приманкой для диавола-кита’: «Христос называется

«темные» места, но еще и осмыслить толкуемый текст как духовный. Логическое исчисление становится в итоге теологическим, выводимый смысл – духовным.

¹³ О различии образно-метафорического и символико-аллегорического толкований священных текстов см. [Бычков, 1995].

¹⁴ Так, в буквальном (историческом) смысле псалмы повествуют о свершившихся делах и событиях, например: «Что касается смысла исторического, то кажется, что священникам и левитам по совершении ими своего дела давалось повеление помнить, что они должны приготовить к служению» (Василий Великий, 2000); в аллегорическом – содержат иносказание, например: «Под плодом древа разумеи правую веру» (Афанасий Великий, 2011); в тропологическом – предписывают правила нравственного поведения, например: «...псалом учит отложить гордое о себе мнение, смириться под крепкую руку Божию и не надеяться на силу свою, не хвалиться множеством богатства» (Василий Великий, 2000); в прообразовательном – предвосхищают грядущие события новозаветной истории, например: «В настоящем псалме предрекает пророк рождение Христа от семени Давида, царство Его и спасительное страдание, какое претерпел за нас» (Афанасий Великий, 2011); в анагогическом – указывают на исполнение обетований, например: «Тогда праведные удостоятся лицезрения Божия в радости, а грешники – в Суде, потому что всякий грех будет истреблен Праведным Судом Божиим» (Василий Великий, 2000). При этом различие между буквальным и духовным смыслом остается неизблемым, ибо разрабатываемая в христианской экзегезе теория покровов только уточняет это фундаментальное различие.

червем, потому что носил плоть как приманку для демонов, под которою скрывалась уда Божества. Как для рыб приманка червь, так и Христово человечество было приманкою для уловления великого и умственного кита – диавола, плавающего в море настоящей жизни. Ибо, проглотив сию приманку, иначе умертвив и пожрав Христово человечество, он уловлен удою Божества Его, скрывавшегося под человечеством; и таким образом все пожирающий растерзан и умерщвлен» (Зигабен, 1907).

Аналогичным образом переосмысливаются, нередко со ссылкой на параллельные места Священного Писания, и многие другие метафорические описания: *посаженное при потоках вод дерево* (Пс. 1: 3) – как Дерево исповедания и Христос (Афанасий Великий, 2011); *желез железный* (Пс. 2: 9) – как высочайшая власть Христова над Церковью и над всеми людьми (Ириней, 1894) или как крест, «ибо в нем, хотя вещество древа, но крепость железа» (Афанасий Великий, 2011); *трость скорописца* (Пс. 44: 2) – как Святой Дух (Зигабен, 1907); *щит благоволения* (Пс. 3: 4; 5: 13) – как крест (Зигабен, 1907); *молния* (Пс. 143) – как евангельская проповедь (Афанасий Великий, 2011); *врата правды* (Пс. 117: 19) – как врата небесные (Иоанн Златоуст, 1899); *высекающий пламень огня глас Господа* (Пс. 28: 7) – как обетование (Афанасий Великий, 2011), как пророчество о «пещи, которая приняла различных мучеников Христовых» или как приговор, который произнесет Христос в день суда (Зигабен, 1907); *орошающий землю дождь* (Пс. 71: 6) – как пришествие Христово (Иоанн Златоуст, 1899); *смирна и касия* (Пс. 44: 9) – как нетленная плоть Христа и «благовоение Господня тела Христова, которое, как безгрешнее, естественно имело приятный запах» (Зигабен, 1907), «символ погребения» и «крестное страдание, воспринятое в благодеяние всей твари» (Василий Великий, 2000); *камень, который строители отвергли и который стал главою угла* (Пс. 117: 22) – как Христос, который «из тех и других составил единую Церковь, подобно некоему углу, связующему и одну с другою взаимно совокупающему две сии стены» (Феодорит Киррский, 1905).

Особый эвристический интерес вызывает, кроме того, и нередко устанавливаемая в ходе символическо-аллегорического толкования серийная аналогия¹⁵, распространяющая операцию по извлечению прообразовательного смысла за пределы заявленного в тексте отношения подобия по модели вида $x_1 \rightarrow y_1, x_2 \rightarrow y_2, x_n \rightarrow y_n$, в которой каждая последующая транспозиция развивается в каком-то новом отношении предыдущую¹⁶.

Показательным тому примером является расширительное толкование образа посаженного при потоках вод дерева: *И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет* (Пс. 1: 3). В расширительном толковании установленное в контексте подобие распространяется по смежности на другие элементы описательной системы дерева, так что *листьям* уподобляются исполнение заповедей (Афанасий Великий, 2011) и согревающая праведника надежда спасения (Зигабен, 1907), *ветвям* – апостолы (Афанасий Великий, 2011), *плоду* – правая вера и спасаемые (Афанасий Великий, 2011); *потокам вод* – Божественные Писания (Афанасий Великий, 2011), Божественный Дух и учение Христово (Феодорит Киррский, 1905), *корню* – крещение (Афанасий Великий, 2011), земледельцу – Отец (Афанасий Великий, 2011).

В результате получаем пропорцию *дерево : Христос :: листья : исполнение заповедей :: ветви : апостолы :: плод : правая вера :: корень : крещение :: потоки вод : учение Христово :: земледельец : Отец*, по которой первый терм так относится ко второму, как третий к чет-

¹⁵ По правилам серийной аналогии строится, заметим попутно, и широко используемая в литературном обиходе развернутая метафора (ср. [Riffaterre, 1969]).

¹⁶ Символически пересечение разнородных семантических областей можно представить так:

$$A \cap B = \{x_1, x_2, x_n \in A \wedge y_1, y_2, y_n \in B\},$$

где A и B обозначают пересекающиеся семантические области, $\cap$ – частичное их пересечение в контексте, $\in$ – принадлежность области, $\wedge$ – конъюнкцию, а фигурные скобки – границы множества, образовавшегося в результате пересечения семантических областей.

вертому, пятый к шестому, седьмой к восьмому, девятый к десятому, одиннадцатый к двенадцатому.

Не вдаваясь в рассуждения, насколько допустимы установленные в расширительном толковании серийные отношения подобия, заметим только, что необходимым и достаточным тому условием является, конечно же, не сходство референциального впечатления, а заданная в качестве отправного ориентира первичная аналогия между Христом и древом исповедания. Приняв такую аналогию, нельзя не принять и производные от нее отношения подобия между листьями и исполнением заповедей, ветвями и апостолами, плодом и правой верой, корнем и крещением, потоками вод и учением Христовым, земледельцем и Отцом.

Вместо заключения

Авторитетные толкования на Псалтирь раскрывают с известной степенью полноты основные операции и процедуры по истолкованию метафор и образных сравнений¹⁷. За невозможностью буквального понимания наипростейшей процедурой толкования становится перифразировка – преобразование трудных для понимания выражений в выражения понятные и доступные для разума, переосмысление исходного означаемого (*signatum*₁) по правилам символической транспозиции как означающее другого означаемого (*signatum*₂). В образно-символическом толковании, поясняющем условия выбора вспомогательного объекта, инструкцией интерпретации становится, как правило, ближайший лингвистический контекст, а за отсутствием такого контекста – презумпция подобия: что может быть общего, например, между горами и овнами, холмами и ягнятами, языком пророка и тростью скорописца. В символично-аллегорическом толковании, призванном истолковать «проблемные» высказывания на другом уровне представления, инструкцией интерпретации становится презумпция сокрытого под покровом иносказательных выражений духовного смысла, раскрываемого по правилам библейской экзегезы как прообраз новозаветной истории (в прообразовательном прочтении), как норма морального поведения (в тропологическом значении) или как исполнение обетований (в анагогическом значении).

Так реализуются основные установки герменевтики: *subtilitas intelligendi* «искусство понимания», *subtilitas explicandi* «искусство истолкования» и *subtilitas applicandi* «искусство применения» (ср. [Гадамер, 1988]). Пониманию обычно подлежат вышедшие из обихода, устаревшие и потому малопонятные слова вроде *скудельника* в значении ‘горшечник’, *скимна* в значении ‘львенок’ (Пс. 16: 12), *смирны*, *кассия* и *алоэ* в значении ‘благовония, которыми умащались знатные люди на Древнем Востоке’ (Пс. 44: 9). Понимание переходит в истолкование, когда требуется уяснить, что же здесь сказано прикровенного и требующего особого внимания; что, например, означают в образно-символическом значении слова в дескрипциях вида как *сладки гортани моей слова Твоя! Слаще меда для уст моих* (Пс. 118: 103): «Сладки они, потому что в них заключено разумное наслаждение, сладки “паче меда”, потому что медом означает у людей всё приятное» (Афанасий Великий, 2011); «Не такую, говорит, сладость оставляет в гортани мед, какую в душе – исполнение заповедей» (Феофан Затворник, 1891). Толкование становится применением, как только подчиняется в согласии с вероучительным определением первейшему своему предназначению – истолковать слова Давида в духовном смысле как норму морального поведения, как прообраз новозаветной истории или как исполнение обетований: «...книга же псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. <...> Здесь есть совершенное богословие, предречение

¹⁷ Помимо указанных процедур по истолкованию метафор и образных сравнений весьма перспективным и полезным для изучения восприятия анализируемых выражений может быть и опыт теории риторической структуры, позволяющей обследовать на примере различных типов риторических отношений логико-когнитивную организацию текста. Подробнее см.: [Тимофеева, 2020].

о пришествии Христовом во плоти, угроза судом, надежда воскресения, страх наказания, обетования славы, откровения Таинств» (Василий Великий, 2000).

Эти установки взаимосвязаны, ибо без понимания невозможно истолкование, как и без истолкования нельзя помыслить применение. В последовательных переходах от одной операции к другой – от понимания к истолкованию, от истолкования к применению – реализуется в предельно развернутом выражении процедура интерпретации. Внутреннее единство указанных установок не исключает, впрочем, и случаи «сокращенной» интерпретации, ограничивающей толкование метафор и образных сравнений Псалтири одним из возможных аспектов, например экспликацией образа и связанных с ним представлений в символическо-аллегорическом толковании или профилированием какого-то одного значения духовного смысла в символическо-аллегорическом толковании¹⁸. Основной тому предпосылкой служит, очевидно, не только содержание привлекаемой для разбора дескрипции, но еще и целесообразность избираемой стратегии интерпретации.

Список литературы

- Августин.** Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1835 (репринт: Библиополис, 2007).
- Августин.** Об обучении оглашаемых // Богословские труды. 15. М.: Изд. Московской патриархии, 1976. С. 25–55.
- Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Бычков В. В.** AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 594 с.
- Гадамер Х.-Г.** Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Мошина Е. А.** Философско-религиозные проекции полисемантики лексемы *прах* в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 129–140. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-129-140
- Постовалова В. И.** Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014а. № 2. С. 127–148.
- Постовалова В. И.** Афонский спор об имени Божиим в контексте становления мирозерцания и духовной жизни России XX–XXI веков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014б. Т. 12, № 2. С. 50–65.
- Растье Ф.** Интерпретирующая семантика. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.
- Тимофеева М. К.** Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 28–45. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45
- Lakoff, G.** Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1972, pp. 183–228.
- Riffaterre, M.** La métaphore filée dans la poésie surréaliste. *Langue française*, 1969, no. 3, pp. 46–60.
- Zadeh, L. A.** Quantitative fuzzily semantics. *Information Sciences*, 1971, no. 3, pp. 159–176.
- Zadeh, L. A.** A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges. *Journal of Cybernetics*, 1972, no. 2, pp. 4–34.

¹⁸ Ср. «Путь от языкового значения слова в его общеупотребительном смысле к выражаемому в данном слове религиозному концепту может вообще не достигать глубинного духовного содержания такого концепта, если его реконструкция остановится только на чисто лингвистическом и даже лингвокультурологическом уровне» [Постовалова, 2014. С. 135].

Список источников

- Афанасий Великий.** Толкование на псалмы. М.: Благовест, 2011.
- Василий Великий.** Беседы на псалмы. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.
- Зигабен.** Толковая Псалтирь Евфимия Зигабена, греческого философа и монаха, изъясненная по свято-отеческим толкованиям. Издание третье. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1907.
- Златоуст Иоанн.** Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб.: Изд. С.-Петербург. Духовной Академии, 1899.
- Ириней.** Толкование на Псалтирь по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщанием и трудами Святейшего Правительствующего Синода члена, покойного архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского и Кавалера Иринья. Издание восьмое. М.: Синодальная типография, 1894.
- Лопухин А. П.** Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и нового Завета / Изд. преемников Лопухина. СПб.: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1907. Т. 4. С. 122–410.
- Феодорит Киррский.** Творения блаженного Феодорита, епископа Киррского. Часть вторая // Творения святых отцов, издаваемые при Московской духовной академии. Т. 27. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Собственная типография, 1905.
- Феофан Затворник.** Псалом Давида 118-й. Толкование беседовательное. 2-е изд. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 1891. (Репринт: М.: Правило веры, 2008)

References

- Augustine.** On Christian Doctrine, or the Foundations of the Sacred Hermeneutics and Church Eloquence. Kiev, Kiev-Pechersk Lavra printing house, 1835 (reprint: Bibliopolis, 2007). (in Russ.)
- Augustine.** On the Catechising of the Uninstructed. In: Theological works, 15. Moscow, Edition of the Moscow Patriarchate, 1976, pp. 25–55. (in Russ.)
- Arutyunova, N. D.** Language and Human World. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1998, 896 p. (in Russ.)
- Bychkov, V. V.** AESTHETICA PATRUM. Aesthetics of the Church Fathers. Apologists. Blessed Augustine. Moscow, Ladomir, 1995, 594 p. (in Russ.)
- Gadamer, H.-G.** Truth and Method. Moscow, Progress, 1988, 704 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1972, pp. 183–228.
- Moshina, E. A.** Philosophical and Religious Projections of the Polysemantic Lexeme *Dust* in the Russian Language Picture of the World. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 129–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-129-140
- Postovalova, V. I.** Religious Concepts in the Orthodox World Outlook (Experience of a Theolinguistic Analysis). *Critique and Semiotics*, 2014, no. 2, pp. 127–148. (in Russ.)
- Postovalova, V. I.** Athos dispute about the name of God in the context of the formation of world vision and the spiritual life of Russia of the 20th – 21st centuries. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 50–65. (in Russ.)
- Rastier, F.** Interpretative semantics. Nizhny Novgorod, DEKOM, 2001, 368 p. (in Russ.)
- Riffaterre, M.** La métaphore filée dans la poésie surréaliste. *Langue française*, 1969, no. 3, pp. 46–60.
- Timofeeva, M. K.** Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and In-*

tercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 28–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

Zadeh, L. A. Quantitative fuzzily semantics. *Information Sciences*, 1971, no. 3, pp. 159–176.

Zadeh, L. A. A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges. *Journal of Cybernetics*, 1972, no. 2, pp. 4–34.

List of Sources

Athanasius the Great. Explanation of the Psalms. Moscow, Blagovest, 2011. (in Russ.)

Basil the Great. The Psalm Commentaries. Moscow, Moscow Courtyard of the Trinity Lavra of St. Sergius, 2000. (in Russ.)

John Chrysostom. Creations of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, vol. 5, book 1–2. St. Petersburg, Edition of the St. Petersburg Spiritual Academy, 1899. (in Russ.)

Irenaeus. Interpretation on the Psalter according to the Hebrew and Greek text, interpreted by the care and labors of the most Holy governing Synod member, the deceased Archbishop of Pskov, Livonia and Courland and Cavalier Irenaeus. Edition Eight. Moscow, Synodal Printing House, 1894. (in Russ.)

Lopukhin, A. P. Explanatory Bible or commentary on all books of St. Scriptures of the Old and New Testaments. St. Petersburg, Free supplement to the journal “Strannik”, 1907, vol. 4. p. 122–410. (in Russ.)

Theodoret of Cyrus. Creations of the Blessed Theodoret, Bishop of Cyrus. Part two. The Trinity Lavra of St. Sergius, Own printing house, 1905. (in Russ.)

Theophan Zatvornik. Psalom Davida 118 [Psalm of David 118th]. 2nd ed. Moscow, Edition of the Russian St. Panteleimon monastery on mount Athos, 1891. (in Russ.)

Zigabenus. The Explanatory Psalter of Euthymius Zigabenus, Greek philosopher and monk, explained in the patristic interpretation. 3rd ed. Kiev, Printing house of the Kiev-Pechersk Lavra, 1907. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор филологических наук, профессор
SPIN 3213-6724

Information about the Author

Andrey E. Bochkarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor
SPIN 3213-6724

Статья поступила в редакцию 29.06.2021;

одобрена после рецензирования 01.08.2021; принята к публикации 01.08.2021

The article was submitted 29.06.2021;

approved after reviewing 01.08.2021; accepted for publication 01.08.2021

Научная статья

УДК 81'374; 81'342

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67

Ударение: диахронное и лексикографическое описание эволюции и обособления лингвистического термина

Андрей Владимирович Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
Ниžний Новгород, Россия

aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Аннотация

Статья посвящена исследованию русского термина «ударение» в историко-лингвистическом, этимологическом и лексикографическом аспектах. В настоящее время практически отсутствуют исследования, позволяющие проанализировать историю развития семантики термина и попытки его лексикографирования с опорой на изданные с конца XVI до конца XIX в. текстовые и лексикографические источники, благодаря которым можно было бы установить хронологию семантизации данного термина. В существующих исследованиях в основном затрагивается проблематика терминологий, разрабатываемых в авторских грамматиках, или описывается терминология грамматик, относящихся к некоторому ограниченному отрезку времени или к конкретной эпохе. Целью статьи является систематизация этимологической информации о термине «ударение», историко-лингвистический анализ его семантики по периодам, начиная с появления первых русских грамматик и лексиконов, с использованием методов сравнительно-сопоставительного, дефиниционного, этимологического, семантического и лексикографического анализа. Семантическая структура термина «ударение» с учетом его основных значений начинает складываться с момента первой его письменной фиксации в 1591 г. в *Адельфотисе* и формируется к 1830 г., когда грамматисты перестали связывать русское ударение с длительностью слога и модуляциями тона и сконцентрировали свое внимание на интенсивности (произносительной силе), которую и можно считать основным акустическим (фонетическим) признаком ударного слога в языках с динамическим ударением. К этому времени завершается эпоха типологизации русского ударения по греческому и церковно-славянскому образцам и некритических попыток формального переноса и зачастую грубых содержательных адаптаций терминологических номинаций из греческого языка в русский. Термин «ударение», вероятно, был впервые лексикографирован в первом своем значении Поликарповым-Орловым в начале XVIII в. Во втором значении термин встречается практически во всех обследованных текстовых источниках начиная с конца XVI в. (*Адельфотис*), поскольку письменная фиксация ударения опирается на греко-церковнославянскую традицию. Объектом лексикографирования во втором своем значении термин выступил в словаре Полетики в 1763 г.

Ключевые слова

ударение, фонетика, лингвистический термин, семантическая структура, лексикографический анализ, историко-лингвистический анализ, этимологический анализ

Для цитирования

Иванов А. В. Ударение: диахронное и лексикографическое описание эволюции и обособления лингвистического термина // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 48–67. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67

© Иванов А. В., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 48–67
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 48–67

Udareniye: Diachronic and Lexicographic Description of the Linguistic Term and its Breaking Away from the Greek and Church Slavonic Tradition

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Abstract

The article is devoted to the study of the Russian linguistic term “udareniye” (“stress” / “accent”) from the historico-linguistic, etymological and lexicographic viewpoints. Currently, there are hardly any studies analyzing the term’s semantic development or attempts to present its semantic structure in a dictionary, based on textual and lexicographic sources ranging from the end of the 16th to the end of the 19th century, that would make it possible to trace the semantic changes of the term in the course of time. The existing studies mainly address the issues of terminology developed in individual authors’ grammars, or describe the terminology of grammars related to a certain period of time or a specific epoch. The purpose of this article is to systematize etymological information about the term “udareniye”, to conduct an historico-linguistic analysis of its semantics, starting with the first Russian grammars and lexicons. The research uses comparative, definitional, etymological, semantic and lexicographic methods. The semantic structure of the term “udareniye”, when taking into account its two main meanings (emphasizing of some syllable in the word with voice and reflection of such an emphasis in writing by graphical means, e.g. diacritics), begins to take shape from its first written fixation in 1591 in *Adelphotes* and ends by 1830, when grammarians finally stopped associating the Russian accent, uniform by nature, with the sound length and modulations of the tone, and focused their attention on the study of intensity (pronouncing power), which can be regarded as the main acoustic feature of the stressed syllable in languages with dynamic stress. By this time, the type of the Russian stress stops being identified with the Greek and Church Slavonic patterns and the attempts to uncritically borrow the corresponding terminological nominations with their forms and meanings from Greek into Russian come to an end. The term “udareniye” got probably for the first time its lexicographic entry at the beginning of the 18th century due to Polikarpov-Orlov who described its meaning 1 in his dictionary. In its meaning 2 – based on the Greek-Church Slavonic tradition, – the term is found in almost all the text sources examined by the author, starting from *Adelphotes*, that is from the end of the 16th century. As for its first lexicographic fixation, it took place in 1763 in Poletika’s dictionary.

Keywords

stress, phonetics, linguistic term, semantic structure, lexicographic analysis, historical-linguistic analysis, etymological analysis

For citation

Ivanov, A. V. *Udareniye: Diachronic and Lexicographic Description of the Linguistic Term and its Breaking Away from the Greek and Church Slavonic Tradition*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 48–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67

Постановка проблемы, цель и методы исследования

Термин «ударение» в терминологии русской лингвистики известен с давних времен. Традиционно принято выделять в его семантической структуре два основных значения: 1) выделение одного из слогов в составе неодносложного слова, слова в составе синтагмы (речевого такта), синтагмы в составе фразы различными фонетическими средствами, к примеру усилением голоса, повышением тона в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости, и 2) графический знак, показывающий на письме такое выделение (см., к примеру, в [Ахманова, 2004, с. 482]). В обоих случаях термин «ударение» соотносится с соответствующими значениями термина «акцент», а также со значениями устаревшего и вышедшего из научно-лингвистического употребления термина «сила». В первом своем значении термин

«ударение» синонимичен еще и терминам «гласоударение»¹ и «словоударение»², которые также перешли в разряд устаревших. В настоящее время практически отсутствуют исследования, позволяющие проследить всю историю развития семантики термина и попытки его лексикографирования с опорой на изданные с конца XVI до конца XIX в. текстовые и лексикографические источники, благодаря которым можно установить полную хронологию и проследить процесс семантизации термина «ударение»³.

Автор ставит своей целью систематизировать этимологическую информацию о слове «ударение» и описать историю семантического развития термина «ударение» начиная со времени появления первых русских грамматик и лексиконов. В ходе исследования используются методы сравнительно-сопоставительного, дефиниционного, этимологического и семантического анализа.

Результаты анализа текстовых и лексикографических источников планируется в сокращенном виде положить в основу словарной статьи «Ударение» в историко-этимологическом словаре лингвистической терминологии, составление которого представляется необходимым в связи с отсутствием такого справочника в номенклатуре существующих справочных изданий.

1. Характеристика материала исследования

Языковой материал собран по примерно 300 текстовым и лексикографическим источникам на церковнославянском и русском языках включая одноязычные, двуязычные и многоязычные словари и глоссарии, этимологические словари, номенклатуры, справочники и грамматики. Время создания текстовых источников статьи охватывает период с 1591 г., когда в Лемберге (Львов) был издан *Adelphotes* – первая печатная греко-церковнославянская грамматика, составленная Арсением, архиепископом Элассонским, и его учениками, по 1885 г., когда увидела свет *Практическая славянская грамматика* Водовозова, и была опубликована работа *Русское правописание* Грота. Список изученных лексикографических источников открывает *Ле҃ѣко́нь треа́зычньѣ* Поликарпова-Орлова [1704] и заканчивает *Большой этимологический словарь русского языка* Багриновского [2020].

¹ Термин «гласоударение» в форме «гласаудареніе» как эквивалент лат. «accentus» и как синоним слова «припѣвъ» встречается, к примеру, в *Dictionarium Latino-Slavonicum* [DLS, 1700, p. 8] (РГБ. Ф. 173.1. Ед. хр. 335 (Ин. 2172).); позднее у Курганова [1769, с. 101; 1793, ч. 1, с. 106].

² Термин «словоударение» встречается в 1788 г. как синоним слова «просодия» у Барсова: «Словоудареніе, или собственно Просодія, есть наставленіе о томъ, какой должно дать въ выговорѣ тонъ или силу каждому складу, и оное въ потребномъ случаѣ на письмѣ означить принятыми для сего над//строчными знаками» [РГ, 1981, с. 78], как синоним слова «акцент» у Курганова: «Акцентъ, словоудареніе» [Курганов, 1793, ч. 2, с. 225], как синоним слова «просодия» у Кошанского: «Произносить, учить *Просодія* или *Словоудареніе*» [Кошанский, 1807, с. 3], как синоним слова «просодия» в сочинении *Начальныя Правила: «Произносить [учить], Просодія или Словоудареніе»* [НП, 1816, с. 3], как синоним слов «просодия» и «словопроизношение» у Пенинского: «Что же касается до Словопроизношенія или Словоударенія (Просодіи), <...> оное не имѣть мѣста въ Грамматикѣ Славянскаго языка» [Пенинский, 1825, с. 2], в *Россійской грамматикѣ* у Кряжева: «Словоудареніе учить, какіе слоги въ реченіяхъ произносить съ повышеніемъ и какіе съ пониженіемъ голоса» [Кряжев, 1834, с. 89], в 1852 г. в статье *Знакомство съ Державинымъ* у Аксакова: «...онъ приходилъ въ нетерпѣніе и управлялся уже съ языкомъ безъ всякаго уваженія: гнулъ на колѣно синтаксисъ, словоудареніе и самое словоупотребленіе» [Аксаков, 1886, с. 237]. Лексикографировано как синоним слова «акцент» у Яновского [1803, ч. 1, стб. 72–73], а также у Ушакова [ТСРЯ, 1996, т. 4, стб. 273]. Ушаков приводит ссылку на Аксакова, полагая, видимо, что первая письменная фиксация термина «словоударение» относится к статье Аксакова о Державине, опубликованной в 1852 г. На самом деле, более раннее словоупотребление относится как минимум к 1788 г.

³ В существующих исследованиях в основном затрагивается проблематика терминологий, разрабатываемых в авторских грамматиках, или описывается терминология грамматик, относящихся к некоторому ограниченному отрезку времени или к конкретной эпохе.

2. Результаты исследования и обсуждение

2.1. Историко-этимологический анализ

Слово «ударение» появилось в составе лексики русского языка как производное от глагола «ударять», который, в свою очередь, выступает в качестве производного от слова «удар», зафиксированного в словарном фонде языка еще в X в. [Багриновский, 2020, с. 962].

Слово «удар», равно как и его производные, обнаруживает, по данным этимологических словарей, общеславянское происхождение. Этимологи выделяют общеславянскую основу *dĕg-, *dŏg-, *dъg-, восходящую к ие. *dĕr-, *dŏr-, *derā- [Pokorný, 1959, Bd. 1, S. 206–208; Черных, 1993, т. 2, с. 284]; ср.: др.-инд. dag-: dāras ‘трещина’, ‘щель’, ‘дыра’, drñāmi, dṛñāti ‘раскалывает’. Рус. удар < ударять (связано с рус. дер|ý, дра|ть, раз|дѡр, за|дѡр, у|дѡр; по мнению Преображенского, «связь с “драть” не сознаётся» [Преображенский, 1949, т. 3, с. 41]) < ст.-слав. оударѣти < оударити (связано с ст.-слав. дѣрати, дѣрж); ц.-слав. оударити как эквивалент греч. ῥᾱλίζω (rhārizō) ‘ударять’, ‘бить’ [Востоков, 1861, т. 2, с. 247]; отсюда рус. ударение < ст.-слав. оударѣниѣ (оударениѣ); ц.-слав. оударкник как эквивалент греч. ῥάπισμα (rhāpisma) ‘удар’, ‘пощечина’ [Ibid.]; ср.: греч. дер-: δέρω, δέιρω, δорά, δέρμα, δῆρις, гот. taíran, ас. teran, англ. tear, двн. ziru, (fir-)zeran, нем. zehren, лит. diriùti, dirú, dirti, лтш. dīrāt, nu-daras, укр. у|дѡр, у|дѡр|ити, с.-хорв. дри|јѣти, дѣра|ти, дер|нути, дир|ати, дар|нути, словен. udariti, чеш. deru, drāti, drávati, dru dřiti, rozdíratí, díra, udeřiti, польск. drę, drzeć, darnać, zderzyć, rozdzierać [Miklosich, 1886, S. 41; Горяев, 1896, с. 96; Преображенский, 1910–1914, т. 1, с. 194; СС, 1994, с. 728; Фасмер, 1996, т. 4, с. 149; SJS, 1997, vol. 4, p. 605–606; Крылов, 2005, с. 120; Derksen, 2008, S. 103–104, 107, 135, 136, 507; Багриновский, 2020, с. 962].

Глагольная форма «ударять» в лингвистическом значении ‘произносить с ударением’, ‘ставить под ударение’ встречается в 1596 г. в сочинении *Граммати́ка словенска* у Зизания: «...Тѣ́каѡ ѣсть, ѡ́же тѣ́жкѡ тѡ́ритѣ ѡ́дѡраѣти на мѣ́стѣ на нѣ́мже ѣсть» [Зизаний, 1596]. У Смотрицкого в *Граммати́ки славенскія правильное свѣтагма* глагольное словоупотребление зафиксировано в 1638 г. («Орѡогра́фіѡ о́учиѣ пра́во писа́тъ ѡ́ гла́соѣ ѡ́ рече́нїѡѣ пра́мо о́удѡра́тъ [...] [1]») [Grammatiki, 1977, S. 1]) и десятью годами позднее [Смотрицкий, 1648, с. 45 об.]. Весьма часто глагольную форму в совершенном и несовершенном виде использует Тредиаковский в своих рассуждениях *Объ орѡографїѡ старї́ннѡѣ ѡ́ новѡѣ*, датированных 1748 г., имея в виду произношение с ударением, но не постановку знака ударения в слове: «Посему, въ латї́нскомѣ ꙗзы́кѣ сіѡ то́кмо надѡбно вѣ́дать, ко́гда должно на вторѡѣ, ѡ́ ко́гда на третїѡ складѣ сіѡю ударїть. <...> е́жели сло́во е́сть двусложное; то́ всегда на перѡѡй сло́гѣ отъ лѡѡѡѡѡ ру́кї сіѡю ударїть должно...» [Тредиаковский, 1849, т. 3, с. 161]. Между 1648 и 1748 гг. зияет лакуна, поскольку поиски соответствующего словоупотребления в обследованных источниках результата не дали. После 1748 г. употребление глагола «ударять» в лингвотерминологическом значении становится частотным.

Первую попытку лексикографирования глагольной формы в 1863 г. предпринял Даль, предложив дефиницию, в которой глагол «ударять» указывается не только как лемма, но и встречается в деепричастной форме в самом толковании слова: «УДА́РЯТЬ, *ударить* <...> Сказать что съ удареньемъ, ударяя голосомъ, придавая речи своей вѣ́сь, силу» [Даль, 1994, т. 4, с. 472].

2.2. Семантический анализ

и опыт лексикографирования термина «ударение»

Целесообразно рассмотреть процесс формирования семантической структуры термина «ударение» с учетом двух упомянутых выше значений.

2.2.1. Значение 1: способы его выражения в текстовых источниках

В первом значении слово «ударение» встречается в 1591 г. в львовском издании *Адельфотиса*: «**Есть оудареніе напряженіе, или ослабленіе или посредство слоговъ, блгогласіе имѣющее** [1786]» [Adelphotes, 1973, S. 206]. Трактат «Об ударении» является одной из заключительных частей Адельфотиса, входящих в раздел «О просодии» и, по мнению Студиньского [1895, с. 22], представляет собой сокращенное переложение соответствующего места из грамматики Ласкариса, при этом сохранившее авторскую дефиницию термина. В Адельфотисе ударение относится к просодии; она постулируется в количестве десяти видов, включая в себе не только такой звуковой признак как напряженность, но и количество (время), придыхательность (дух) и пр. Определение самого термина «ударение», хотя и содержит указание на ту или иную степень напряженности при произнесении звука, достигаемую путем ослабления или напряжения голоса, связывается, тем не менее, с понятием долго-ты и краткости звуков: с большим напряжением произносятся долгие звуки, с меньшим – краткие. Нечеткое и не всегда последовательное различие качественных и количественных признаков звука обусловлено, с одной стороны, сильным влиянием греческой грамматической традиции, с другой – может быть объяснено самим характером русского ударения, которое в период XII–XIV вв. [ИГРЯ, 2020, с. 86, 150] в результате постепенной утраты интонационных различий и совпадения в едином ударении акута и циркумфлекса становилось квантитативно-динамическим.

Смотрицкий в *Грамматіки Славенскія правильное сунтагма* [1619; 1648], следуя за Адельфотисом и используя греческую терминологию, систематизирует применительно к старославянскому языку три вида ударения и знаки, отображающие их на письме [Прокошина, 1966, с. 96]: «**Ѡ оударѣнїи. оударѣнїа просѡдїи соѣтъ трїи. ѡстраа. тѣжжаа. ѡбелѣеннаа**» [Смотрицкий, 1619; 1648, с. 60]. У него же в *Грамматіки или Письменница языка Словѣнскаго*, изданной в Кремьне в 1638 г., читаем: «**Ѡдаренїе есть, воношенїе, или ѡтисненїе, либо среѣство, слѡѣ [слѡѣ] блгогласїе имѣющее. Ѡдаренїа просѡдїа соѣтъ трїи.** [100]» [Grammatiki, 1977, S. 83]. Как видим, Смотрицкий почти дословно повторяет определение термина, предложенное в Адельфотисе. Иногда интерпретация авторских интенций в грамматике Смотрицкого затруднена тем, что в тексте смешиваются оба значения термина «ударение», под которым понимается не только собственно ударение, но и обозначающие его диакритические знаки – оксия, вария, обелеченная.

В искомом значении термин «ударение» обнаруживается в сочинении *Бжкварь* у Полоцкого: «**Просѡдїа вѣрхнаа или оударенїа гласа ѣже ѡупотребляють славяне**» [Полоцкий, 1679, с. 96], в сочинении *Грамматика славенская* у Максимова: «**Тѡни или оударенїа сътъ ...**» [Максимов, 1723, с. 172]; у него же находим: «**Реченїа единаслѡжна, коемѡлибо реченїю послѣдствующаа, не прїемлютъ оударенїа**» [Там же, с. 173], в 1725 г. у Поликарпова-Орлова: «**Чтѡ есть тѡнъ или Ѡдаренїе; есть воношенїе или ѡтисненїе слѡговъ блгогласїе имѣющее**» [Поликарпов-Орлов, 2000, с. 327]⁴; у него же: «**Чтѡ есть Ѡдаренїе; есть просѡдїинаа гласа храненїе**» [Там же, с. 334].

К середине XVIII в. терминология, связанная с ударением и передачей основных его признаков и видов, становится более нормализованной. К примеру, Шванвиц помещает информацию об ударении в просодический раздел своей грамматики, традиционно трактуя просодию в целом как учение о принципах и средствах членения речи и соединения расчлененных частей: «**Просодїа учить, какое ударенїе должно дать въ произношенїи всякому слѡву и, слѣдовательно, какимъ голосомъ всякой слогъ выговаривать, протяжнымъ или сокращеннымъ, тихимъ или скорымъ**» [Шванвиц, 1745, с. 437]. Как видим, основными признаками ударного слога Шванвиц считает его длительность, достигаемую за счет темпа произнесения,

⁴ Птрб. РНБ. Ф. НРСК 1921. 60.

и высоту тона (голоса). Отсюда возникает подразделение ударения на два вида: «Удареніе есть двоякое, тоническое и сложное» [Шванвиц, 1745, с. 437]. Под тоническим ударением (accentus tonicus) понимаются модуляции тона (голоса), а под сложным ударением (accentus syllabicus) – слоговое или словесное ударение, причем под последним имеется в виду главное ударение в слове, хотя падать оно, согласно Шванвицу, может не только на один, но и на несколько слогов внутри одного слова. Иначе говоря, Шванвиц, подобно многим грамматистам того времени, не делает различия между ударением в фонетическом аспекте и ударением по отношению к различным единицам языка.

В 1748 г. слово «ударение» появляется в сочинении Третьяковского *Къ читателю*: «...членъ Періода имѣть безразборныя ударенія слоговъ, а Стихъ опредѣленныя по извѣстнымъ мѣстамъ чрезъ одинъ, или чрезъ два слога неударяемый; что самое и составляетъ наши Стопы, изъ которыхъ иные удареніемъ начинаются...» [Третьяковский, 1849, т. 1, с. XXIII–XXIV]. В его определении выявляется связь ударения с метром и ритмом, свойственная поэтической речи, но не прозаической; иначе говоря, Третьяковский постулирует ритмическую функцию ударения в стихосложении.

У Ломоносова в *Россійской грамматике* 1755 г. читаем: «Разностію возвышенія и униженія составляется удареніе, когда въ реченіи одинъ складъ или два выше другихъ голосомъ восходятъ» [Ломоносов, 1755, с. 21]⁵. Несмотря на то что Ломоносов оперирует здесь лексикой, имеющей отношение только к высоте голоса («возвышение», «унижение»), не упоминая о других фонетических средствах выделения ударного гласного, для него, тем не менее, очевидно различие между высотой и длительностью звука. Так, он замечает: «Разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ Грековъ и Римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя по сему не такъ чувствительны были какъ протяженія» [Там же].

В искомом значении слово «ударение» обнаруживается и в других источниках, относящихся к XVIII в. В частности, оно встречается у Барсова: «Удареніе словъ состоитъ въ протяженіи или сокращеніи реченія» [Барсов, 1773, с. 2], который позднее, однако, несколько расширяет толкование слова: «Удареніе словъ учить каждое реченіе произносить правильно, то есть съ протяженіемъ, или съ сокращеніемъ гóлоса» [Барсов и др., 1784, с. 2]. Эту же мысль он повторяет в более пространном своем определении в Московском списке его *Россійской грамматики*: «Въ двусложномъ или многосложномъ реченіи не можно всѣхъ складовъ совершенно равнымъ голосомъ выговорить; <но> одинъ изъ нихъ произ<н>осится всегда нѣсколько выше, сильнѣе и протяжнѣе прочихъ... Сіе измѣненіе голоса называется *тономъ сілою* и *удареніемъ* складовъ или словъ» [РГБ, 1981, с. 78]. Ясно видно, что сущность этого фонетического явления Барсов связывает с манерой произнесения речевого высказывания, выделяя, подобно Третьяковскому, *но не называя* их, такие качества высказывания, как размеренность и ритмичность, достигаемые за счет чередования ударных и безударных слогов, произносимых с большей или меньшей длительностью.

Слово *ударение* встречается в сочинении *Сокращеніе вѣсѣхъ наукъ* у Зульцера в переводе Морозова: «Грамматика <...> разсматриваетъ также и то, что <...> въ разсужденіи ударенія примѣчать надлежитъ» [Зульцер, 1781, с. 17], в *Краткой Россійской грамматике* у Сырейщикова: «Голосъ возвышается въ произношеніи тѣхъ слоговъ, на коихъ находится удареніе» [Сырейщиков, 1787, с. 56], в сочинении *Писмовникъ* у Курганова: «Удареніе есть средство повышенія или пониженія голоса для указанія различія въ словахъ разнаго знаменованія, а одного выговора» [Курганов, 1793, т. 1, с. 4]. Курганов, как и Сырейщиков, с одной стороны, традиционно связывает ударение с модуляциями тона (голоса), с другой же стороны, говорит о произносительной силе («сила ударения»). В том же источнике у него обнаруживается второе определение ударения: «Удареніе есть возвышенія или утисненія либо униженія

⁵ Черных замечает, что Ломоносов предпочитал пользоваться словом «ударение» вместо слова «акцент» [Черных, 1993, т. 1, с. 36].

голоса въ письмѣ и въ чтеніи или говореніи хранимое измѣненіе» [Курганов, 1793, т. 1, с. 106–107]. В этой формулировке понятие «ударение» трактуется уже в более широком смысле, с акцентом не только на интонационно-просодической функции ударения, но и с упоминанием графических средств его обозначения.

В значении, аналогичном трактовке Барсова и его последователей, слово «ударение» находим у Байбакова: «Удареніе показываетъ въ каждомъ реченіи возвышеніе одного склада предъ прочими; такъ же мѣру и количество словъ къ сложенію стиховъ» [Байбаков, 1794, с. 1]; у Светова: «Удареніе словъ или Просодія научаетъ надлежащему произношенію и измѣренію реченій» [Светов, 1795, с. 10]; Модрю: «Голосъ возвышается въ произношеніи тѣхъ слоговъ на коихъ находится удареніе» [Модрю, 1808, с. 115]; Орнатовского: «Возвышеніе, или протяженіе голоса въ какомъ нибудь слогѣ реченія называется удареніемъ (accentus)» [Орнатовский, 1810, с. 264]; дважды у Греча: «Въ произношеніи цѣлыхъ словъ надлежитъ давать онымъ надлежащее удареніе, т. е. повышать голосъ на одномъ изъ слоговъ многосложнаго слова» [Греч, 1828, с. 123], и позднее: «Удареніе есть возвышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ многосложнаго слова...» [Греч, 1830, с. 90]; в сочинении Половцова *Тетрадь русской грамматики*: «При произношеніи двухсложныхъ, трехсложныхъ, четырехсложныхъ, и вообще многосложныхъ словъ, одинъ слогъ выговаривается обыкновенно съ бѣльшимъ противу другихъ повышеніемъ голоса, которое называется удареніемъ» [Половцов, 1835, с. 137].

В некоторых грамматиках конца XVIII – начала XIX в. слово «ударение» упоминается в связи с ударенностью различных частей речи, при этом полноценная дефиниция собственно термина «ударение» не приводится⁶. Таковы, к примеру, следующие высказывания, в которых он был зафиксирован. В сочинении *Лексиконъ* у Мефодия: «Средніе глаголы имѣющіе на послѣднемъ слогѣ удареніе склоняются какъ страдательные» [Мефодий, 1783, с. 22]; в 1788 и 1797 гг. в *Начальныя основанія...* Соколова находим: «Когдажъ удареніа на послѣднемъ складѣ нѣтъ, тогда вмѣсто *И* приемлется *Б...*» [Соколов, 1797, с. 125]; в сочинении *Начальныя основанія...* Померанцева: «Въ тѣхъ глаголахъ, кои удареніе имѣютъ надъ *ю*, въ предпослѣднемъ слогѣ пишется *е*, а не *ъ*. На пр. *клею, влею* и пр.» [Померанцев, 1813, с. 49]; наконец, в *Краткой Россійской Грамматике* Вербицкого: «Таковыя имена въ предложномъ падежѣ единств. числа, когда оный соединяется съ предлогомъ *въ* или *на*, удареніе имѣютъ надъ буквою *ю...*» [Вербицкий, 1813, с. 29].

Отвлекаясь на время от принятого в статье хронологического упоминания обследованных источников, приведем аналогичные примеры. Так, в *Грамматике* (без указания авторства) обнаруживаем: «Многія слова изъ сего правила исключаются, не взирая на то, что въ оныхъ надъ буквою *е* находится удареніе...» [ГР, 1822, с. 6]; в *Полной Россійской грамматике* у Меморского: «Нарѣчія, кончащіяся на *и*, имѣютъ удареніе на послѣднемъ складѣ...» [Меморский, 1823, с. 132]; у Тимаева: «Всякое слово въ Русскомъ языкѣ имѣетъ удареніе» [Тимаев, 1832, с. 95]; в *Грамматике языка славянскаго* у Добровского: «Русскіе ставятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ въ первомъ лицѣ глаголовъ...» [Добровский, 1834, с. 138]; в *Грамматике языка Русскаго* Калайдовича: «Въ многосложныхъ словахъ одна гласная, одинъ тонъ, имѣетъ на себѣ удареніе голоса» [Калайдович, 1834, с. 10]; и в *Россійской грамматике* у Кряжева: «Слова, при всѣхъ перемѣнахъ окончаній сохраняющія удареніе на одномъ слогѣ, называются словами съ неподвижнымъ удареніемъ...» [Кряжев, 1834, с. 89].

⁶ Сюда мы не относим опубликованные в XIX в. на русском языке многочисленные грамматики, в которых слово «ударение» упоминается в связи с особенностями акцентуации отдельных языков, таких как церковнославянский и греческий. В качестве примера приведем выдержки из *Греко-Россійской Азбуки*: «Греческой языкъ имѣетъ три ударенія...» [ГРА, 1820, с. 21], из *Грамматики церковно-словенскаго языка* Востокова: «... 63) строи, строити, покои, покоити, и другіе съ удареніемъ на коренной...» [Востоков, 1863, с. 67], из *Грамматики* Нидерле [1873]: «Удареніе или тонъ слова (просодія, accentus)» бываетъ въ греческомъ языкѣ всегда на одномъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ слова...» [Нидерле, 1879, с. 26].

Обобщая точки зрения на ударение как просодическое явление, следует обратить внимание на повторяющиеся метаязыковые формулировки «протяжение голоса», «сокращение голоса», «повышение голоса», «возвышение голоса» и т. д. Если первые две из них можно объяснить недостаточно четким различием длительности и силы, сопутствующих произнесению ударного слога, то частое употребление двух других заставляет нас вспомнить о двойственной природе ударения, описанной Брандтом: «Удареніе *по природѣ* различаютъ двоякое: 1) удареніе, состоящее въ повышеніи голоса и 2) удареніе, состоящее въ усиленіи голоса, которое впрочемъ неизбѣжно соединено съ нѣкоторымъ повышеніемъ его» [Брандт, 1880, с. 2]. Из этих двух свойств ударения Брандт выводит два вида ударения – мелодическое (хроматическое) и экспираторное (ритмическое). Из сказанного следует, что большинство авторов русских грамматик начала XVII – первой половины XIX в. связывали русское ударение прежде всего с длительностью и модуляциями тона (голоса), а не с интенсивностью (силой), которую можно считать основным признаком ударенного слога в языках с динамическим ударением.

Востоков в работе *Опытъ о русскомъ стихосложеніи* дает уже более полную дефиницию термина «ударение», соотнося его с франц. *l'accent* и нем. *der Ton*: «Удареніе или сила... есть повышеніе голоса въ каждомъ словѣ на одномъ или на нѣсколькихъ слогахъ, раждающееся необходимо отъ переводимаго дыханія при произнесеніи слова, и способствующее между тѣмъ внятности или явственному раздѣленію словъ въ произношеніи» [Востоков, 1817, с. 95]. Помимо уже выявленной ранее традиционной связи ударения с модуляциями тона (голоса) Востоков концентрирует внимание на физиологических особенностях акцентуации, имплицитно выявляющих значимый характер произносительной силы, зависящей от правильной постановки дыхания в процессе порождения речи. К подобной трактовке, дополненной рассуждениями об акустической стороне ударения, спустя 60 лет обратится и Крушевский (ср.: «...чѣмъ энергичнѣе ударение даннаго языка, чѣмъ больше (отдѣльныя) разницы силы гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, тѣмъ (физиологически) неопредѣленнѣе уложенія неударяемыхъ гласныхъ и (акустически) неопредѣленнѣе впечатлѣнія ихъ на органъ слуха» [Крушевский, 1879, с. 93]), а вслед за ним Грот в *Русскомъ правописаніи*: «Съ понятіемъ о гласныхъ связывается понятіе объ удареніи, или *акцентѣ*. Такъ называется то усиленное выдыханіе воздуха, съ которымъ произносится одинъ изъ слоговъ каждаго слова» [Грот, 1885, с. 6].

Отдельного внимания заслуживают замечания грамматистов о необходимости различать понятия длительности и интенсивности (силы) при определении ударения как средства выделения фонетическими средствами части слова (синтагмы) в составе более сложной языковой единицы. В частности, Байбаков в *Грамматике славено-россійскаго языка* замечает: «...понеже въ Россійскомъ языкѣ нѣтъ просодіи съ греческой или латинской введенной, которая бы означала долгія и короткія въ количествѣ слова [Prof. *quantitativa*], но есть одна просодія *тоническая*, которая означаетъ долгими и короткими слогами тѣ, надъ коими бываетъ удареніе гóлоса, а прочіе всѣ слоги короткими, <...> для того оное раздѣленіе здѣсь и не полагается» [Байбаков, 1794, с. 4]. Катков в работе *Объ элементахъ и формахъ...* высказывается еще более определенно: «Русскій (общепринятый) языкъ смѣшалъ удареніе слоговъ съ ихъ количествомъ» [Катков, 1845, с. 60]. Ему вторит Буслаев в своем *Опыте исторической грамматики*: «Долготу и краткость гласныхъ мы уже не отличаемъ, а пользуемся только повышеніемъ голоса, т. е. удареніемъ и пониженіемъ» [Буслаев, 1858, с. 25]. Эту же мысль Буслаев [1874, с. 3] дословно повторяет в *Учебнике русской грамматики*, опубликованном спустя 16 лет.

2.2.2. Значение 1: способы его выражения в лексикографических источниках

В искомом значении термин «ударение», предположительно, впервые встречается в начале XVIII в. в форме «оудареніе» как эквивалент лат. *ictus*, *percussio* в *Лежѣконъ треазѣчный* Поликарпова-Орлова [1704, с. 138]; в форме «удареніе» в сочинении *Нѣмецко-латинскій*

и рускій леѣиконъ как синоним рус. *сила* и эквивалент нем. *Wortton* («Thon des Worts»), лат. *accentus* [НЛРЛ, 1731, с. 632]; ок. 1744 г. в форме «**ударѣніе**» без указания на значение слова у Кантемира [РФС, 2004, т. 2, с. 1169] и у Литхена: «удареніе гласа l'accent» [1762, с. 694].

В XIX в. Кронеберг включает термин «ударение» в словник своего двуязычного словаря как эквивалент лат. *accentus*, выделяя в его семантике два значения: «Удареніе, произношеніе, долгой или короткой звукъ. (Такъ называются вообще ударенія, значки, ставимые надъ гласными буквами)...» [Кронеберг, 1834, стб. 26; 1849, с. 7]. Затем термин встречается у Рейфа: «То же находимъ и въ словахъ: и они имѣють свое средоточіе, свою связь; это заключается въ удареніи. Одинъ изъ слоговъ многосложнаго слова произносится съ бѣльшимъ напряженіемъ голоса, нежели прочіе...» [Рейф, 1845, с. XIII–XIV] и как эквивалент франц. *accent tonique*, нем. *Tonfall*, англ. *accent* у него же: «**Ударѣніе**, *sn.* <...>; *det* *Tonfall*; *accent*» [Там же, с. 724]; в 1863 г. у Даля [1994, т. 4, с. 472]. В дальнейшем термин «ударение» приобретает дефиницию, которая отражает современный взгляд на природу этого явления.

2.2.3. Значение 2: способы его выражения в текстовых источниках

Значение 2 в силу частого смешения собственно ударения с диакритическими знаками, обозначающими его на письме, в первых русских грамматиках XVI–XVII вв., как правило, сопровождает значение 1. Это обстоятельство зачастую затрудняет понимание того, что именно имели в виду их авторы, рассуждая об ударении. Примером тому служит упоминание об ударении у Зизания: «**Просѡдіа ѣсть оударѣніе гласа писмѣннаго**» [Зизаний, 1596]. Смотрицкий же говорит о трех знаках, отображающих на письме три вида ударения: «**ѡ оударѣніи. оударѣніи просѡди соутъ трѣ. ѡстраа. тѣжкаа. ѡблечѣннаа**» [Смотрицкий, 1619; 1648, с. 60].

Диакритику описывает и Тредиаковский в *Объ ортографіи старинной і новой* (1748) соответствующую: «есть ещѣ і палочки, которые *сілоу*, тоестъ, *просодіею*, ілі *удареніемъ* імену ются» [Тредиаковский, 1849, т. 3, с. 48 и след.]. Позднее у него же в труде *Способъ къ Сложенію Россійскихъ Стиховъ* (1751/1752): «И понеже Літеры, Склады, Удареніе или Сила, коя однажды токмо во всякомъ словѣ, и на одномъ въ немъ нѣкоторомъ изъ складовъ полагается...» [Там же, с. 123]. То же обнаруживается в Московском списке грамматики у Барсова (ок. 1786/1788 гг.): «Имена буквъ при складываніи выговариваются тише и ниже, а складъ самый изъ нихъ происшедшій выражается нѣсколько громче и выше; чего ради оный здѣсь въ примѣрахъ и означенъ вѣздѣ свѣрху наискось проведенною черточкою, что называется *сіла* или *ударѣніе*» [РГ1, 1981, с. 67].

Ситуация становится более понятной, когда автор, говоря об ударении, приводит символы, обозначающие тот или иной его вид, или прямо относит их к разряду надстрочных диакритик. Так, упомянутый выше Барсов замечает: «[надстрѣчные знакі] <...> какъ то <...> 2.) Сіла или ударѣніе, въ черточкѣ проведенной надъ гласною буквою, свѣрху внизъ отъ правой руки к лѣвой, такимъ образомъ ('), или обратно отъ лѣвой руки къ правой ('), и показываетъ тотъ складъ, который во многосложномъ реченіи выше другихъ выговорить должно...» [Там же, с. 73]. Теплов, описывая французское ударение, насчитывает три его вида: «Сколько имѣется удареніевъ во Французскомъ языкѣ? Три: острое ('), тяжкое (˘) и обложенное (^ ˘)» [Теплов, 1787, с. 19].

Вслед за Тредиаковским об ударении во втором его значении говорит Ломоносов: «Для оказанія складовъ съ удареніемъ отъ другихъ безъ ударенія ставятъ Греки надъ ними черты и другіе знаки, которые по большей части перенесены къ Славянамъ и Россіянамъ безъ нужды, что нынѣшняя гражданская печать ясно показываетъ» [Ломоносов, 1755, с. 22].

В значении 2 термин «ударение» встречается у Курганова: «...надстрочныя [знаки называются] удареніями» [Курганов, 1793, т. 1, с. 3]; у него же: «Удареніевъ три, острое ', тяжкое ˘, краткой ˘ означаемыхъ чертою и скобкою» [Там же, с. 4]. Графические знаки, перечисляемые Кургановым, с учетом описываемой им выделительной функции ударения должны,

по мысли автора, использоваться для различения графических омонимов (омографов); при этом ударение острое ставится по норме того времени в середине слов (пóлонь – полóнь), а тяжкое – на конечных слогах (мúка – мукá). К этому ряду Курганов относит и разные формы одного и того же слова, различающиеся лишь ударением (лйца – лицá).

Однако в грамматиках XVIII–XIX вв. к диакритикам нередко причисляются знаки долготы и краткости, отчего в складывающейся терминологии языкознания возникают термины «долгое ударение» и «краткое ударение»⁷ (об этом см. ниже). К примеру, в *Россійской Грамматике* находим: «...знаки ударенія нерѣдко поставляются надъ гласными буквами для показанія, которые слоги протяжно выговариваются...» (РГ₂ 1802, с. 37) В более позднем ее издании читаем: «*Вопр.* Что называется удареніе[м?] *Отв.* Знакъ, показывающій ско[ль] медленное произношеніе слоговъ, с[лова со]ставляющихъ» [РГ₃, 1816, с. 124].

Анализируя комментарии составителей русских грамматик конца XVI – начала XIX в., можно прийти к очевидному выводу о том, что в графическом обозначении видов ударения они следовали греческой и церковнославянской традиции, упоминая часто оксию, варию и облеченную (периспомен). Прямую отсылку к церковнославянскому влиянию находим в *Грамматике Россійскаго языка* у Бутовского: «Въ Церковныхъ книгахъ, каждое реченіе ознаменовано удареніемъ...» [Бутовский, 1809, с. 21].

Нас в данном случае интересует не столько приверженность грамматистов той или иной традиции, сколько сам факт употребления термина «ударение» во втором значении. По этой причине в число источников, подлежащих обследованию, были включены не только грамматики русского языка указанного периода, но и греческие, церковнославянские, польские, французские, составленные для русского читателя.

Ниже приводятся примеры искомого словоупотребления, обнаруженные в источниках, охватывающих период с 1816 по 1885 г. Термин «ударение» встречается в сочинении *Начальныя Правила*: «Въ тѣхъ словахъ, гдѣ надъ ó удареніе, никогда не произносится о, какъ а...» [НП, 1816, с. 64]; в *Новой грамматике* у Платонова-Кречетникова: «...удареніе (τονός), раздѣлительные и другіе знаки (σημεῖα) слова, писменно изображеннаго... <...> Три ударенія: 1) острое (ὀξεῖα) (')...» [Платонов-Кречетников, 1817, с. 9]; в *Россійской грамматике*: «Надстрочные или знаки ударенія нерѣдко поставляются надъ гласными буквами, для показанія, которые слоги протяжно выговариваются...» [РГ₄, 1819, с. 31]; в *Греко-Россійской Азбуке*: «Греческой языкъ имѣетъ три ударенія...» [ГРА, 1820, с. 21]; в *Славянской грамматике* Пенинского: «Въ простой рѣчи или Прозѣ сего языка надъ каждымъ словомъ ставится удареніе» [Пенинский, 1825, с. 2]; в *Пространной Русской грамматике* Греча: «Въ нѣкоторыхъ языкахъ различаютъ по два и по три ударенія (тяжкое, острое и облеченное). Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ сего различія» [Греч, 1830, с. 90]; в *Грамматике Польскаго языка* у Семигиновского: «Удареніе надъ согласными <...> тамъ, гдѣ онѣ выговариваются мягко...» [Семигиновский, 1831]; в сочинении *Основанія...* у Белинского: «Надъ Местоименіемъ что, для отличія его отъ Союза что, ставится удареніе» [Белинский, 1837, с. 157]; в *Практической славянской грамматике* Водовозова: «Изъ другихъ знаковъ не трудно замѣтить ударенія...» [Водовозов, 1885, с. 192].

Анализ приведенных примеров показывает, что уже со времен Ломоносова составителям русских грамматик была ясна необходимость отказа от прежнего греко-церковнославянского деления ударения на три вида, так как в русском языке сформировался единый тип ударения. Весьма показательным в этом отношении является высказывание Греча в грамматике 1830 г.: «Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ сего различія». По причине одинаковости русского ударения, каким бы знаком оно ни отображалось на письме, Грот также не видит надобности в иных знаках ударения, кроме акута [Грот, 1885, с. 7]. Таким образом, можно считать, что к 1830 г.

⁷ Номинация такого рода свойственна в этот и более ранний период не только русским грамматикам, но и грамматикам английского и немецкого языков. Терминологические эквиваленты на этих языках («long / short accent», «langer / kurzer Accent») весьма часто встречаются как в текстовых, так и лексикографических источниках на этих языках.

2.2.4. Значение 2:

способы его выражения в лексикографических источниках

Выводы

2. В значении 2 термин «ударение» встречается практически во всех обследованных текстовых источниках начиная с конца XVI в. (*Адельфотис*), поскольку письменная фиксация ударения опирается на греко-церковнославянскую традицию. Объектом лексикографирования термин «ударение» во втором своем значении стал в 1763 г. в *Словаре на шести языках* Полетики.

Барсов А. А. Краткія правила Россійской грамматики, Собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ, въ пользу Обучающагося Юношества в Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго университета. М.: Печатаны при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1773.

- Барсов А. А., Романов В. Ф., Новиков Н. И.** Краткія правила Россійской грамматики, собранныя и вновь дополнены изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ, въ пользу Обучающагося Юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета. М.: Въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1784.
- Белинский В. Г.** Основанія Русской грамматики, для первоначальнаго обученія. М.: Въ Типографіи Николая Степанова, 1837. Ч. I. Грамматика Аналитическая (Этимологія).
- Брандт Р. Ф.** Начертаніе славянской акцентологіи. СПб.: тип. Имп. Академіи Наукъ, 1880.
- Булич С. К.** Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. СПб.: Типографія М. Меркушева, 1904.
- Буслаев Ф. И.** Опытъ исторической грамматики русскаго языка. М.: Въ университетской типографіи, 1858.
- Буслаев Ф. И.** Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. 4-е изд., испр. М.: Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), 1874.
- Бутовский М. П.** Грамматика Россійскаго языка въ Пользу Польскаго юношества въ Волынской Гимназіи. Почаев: W Drukarni XX. Bazylianow, 1809.
- Вербицкий А. А.** Краткая Россійская Грамматика, содержащая въ себѣ правила, руководствующія къ познанію Россійскаго языка, въ вопросахъ и отвѣтахъ изданная. Харьковъ: Въ Университетской Типографіи, 1813.
- Водовозов В. И.** Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древнеславянскаго языка, новаго церковнаго, и древнерусскаго лѣтописнаго. СПб.: Изданіе книжнаго магазина Н. Г. Мартынова, 1885.
- Востоков А.** Опытъ о русскомъ стихосложеніи. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Въ Морской Типографіи, 1817.
- Востоков А.** Русская грамматика. СПб.: Въ Типографіи И. Глазунова, 1831.
- Востоков А. Х.** Словарь церковно-славянскаго языка. В 2 т. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1861. Т. 2: О – Я.
- Востоков А. Х.** Грамматика церковно-словенскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1863.
- Горяев Н. В.** Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ: Типографія канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказѣ, 1896.
- ГР** – Грамматика, изданная главнымъ правленіемъ училищъ для преподаванія въ нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ. 5-е изд. СПб.: Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, 1822.
- ГРА** – Греко-Россійская Азбука, Изданная иждивеніемъ гг. Братьевъ Зосимъ. Въ пользу обучающагося въ Московской Практической-Коммерческой Академіи юношества. 2-е изд. М.: Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1820.
- Греч Н. И.** Начальныя правила русской грамматики. СПб.: Въ Типографіи Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, 1828.
- Греч Н. И.** Пространная Русская грамматика. 2-е изд. СПб.: Въ Типографіи Издателя, 1830. Т. 1.
- Грот Я. К.** Русское правописаніе: Руководство, составленное по порученію 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. 2-е изд. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1885.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусскаго языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Терра, 1994. Т. 4 Р – В.
- Добровский И.** Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію, на коемъ Россіяне, Сербы и другіе Славяне Греческаго исповѣданія, и Далматы Глаголиты Римскаго исповѣданія имѣютъ церковныя книги / Пер. с лат. С. Шевырева. СПб.: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1834.

- Зизаний Л. И.** Грамматика словенска съвершенна искусства осми частей слова и иных нужных новоставлений. Вильно: В друкаръни Братской, 1596.
- Зульцер И. Г.** Сокращение всѣхъ наукъ и другихъ частей учености, въ коемъ содержаніе, польза и совершенство каждыя части сокращенно описываются / Пер. с нем. И. Г. Морозов. М.: Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1781.
- ИГРЯ – Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020.
- Калайдович И. Ф.** Грамматика языка Русскаго. М.: Въ Университетской Типографіи, 1834. Ч. 1: Познаніе словъ.
- Катков М. Н.** Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка: Разсуждение, написанное на степень магистра кандидатомъ М. Катковымъ. М.: Въ Университетской типографіи, 1845.
- Кошанский Н. Ф.** Начальныя правила русской грамматики. Въ пользу воспитанниковъ Университетскаго благороднаго пансіона. М.: В Университетской Типографіи, 1807.
- Кронеберг И. Я.** Латинско-Россійскій лексиконъ. Съ полнымъ объясненіемъ всѣхъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова. В 2 ч. 3-е изд. со втораго 1824 года. М.: Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1834. Ч. 1 (А – М).
- Кронеберг И. Я.** Латинско-Русскій лексиконъ. Съ полнымъ объясненіемъ всѣхъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова. М.: Въ Типографіи С. Селивановскаго, 1849.
- Крушевский Н. В.** Наблюденія надъ нѣкоторыми фонетическими явленіями, связанными с акцентуаціей // Извѣстія и Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Казань: В Университетской Типографіи, 1879. С. 93–104.
- Крылов Г. А.** Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.
- Кряжев В. С.** Россійская грамматика, изданная В. К. М.: Въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1834.
- Курганов Н. Г.** Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе, Предлагающее Легчайшій способъ основательнаго ученія рускому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ вещей. СПб.: Печатана при морскомъ Корпусѣ, 1769.
- Курганов Н. Г.** Писмовникъ, Содержащій въ себѣ науку россійскаго языка: Со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія: В 2 ч. 5-е изд. СПб.: При Имп. Академіи Наукъ, 1793.
- Литхен И. Ф.** Лексиконъ Россійской и Французской въ которомъ находятся почти всѣ Россійскія слова по порядку Россійскаго алфавита. СПб.: [б/и], 1762. Ч. 1.
- Ломоносов М. В.** Россійская Грамматика. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1755.
- Ломоносов М. В.** Материалы к Россійской грамматике // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. / Под ред. В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг.
- Максимов Ф.** Грамматика славенская, въ кратцѣ собранная Въ Грекославенской школѣ яже Въ великомѣ Новѣ градѣ при домѣ Архіерейскомѣ. СПб.: [б/и], 1723.
- Меморский М. Ф.** Полная Россійская грамматика съ присовокупленіемъ краткой исторіи славяно-россійскаго языка, составленная въ пользу юношества. М.: Въ типографіи Августа Семена, при Императорской медико-хирургической Академіи, 1823.
- Мефодий (Смирнов М. А.).** Лексиконъ простаго греческаго языка. Содержащій въ себѣ простыя греческія слова съ присоединеніемъ того, отъ какихъ языковъ оныя происходятъ. М.: Въ Университетской Типографіи Н. Новикова, 1783.
- Модрю Ж.-Б.** Основательное сокращение Россійскія грамматики. М.: Въ Университетской Типографіи, 1808.
- Нидерле Г.** Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій / С чешскаго перевелъ И. Мейеръ. М.: Изданіе книжнаго магазина Ѳ. Салаева, 1879. Ч. 1: Этимологія.

- НЛРЛ – Нѣмецко-латинскій и рускій леѣиконъ купно съ первыми началами рускаго языка. Къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ (Teutsch-Lateinisch- und Rufzifches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Rufzifchen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserlichen Academie der Wissenſchafften zum Druck befördert). St. Petersburg: Gedruckt in der Kayserlichen Academie der Wissenſchafften Buchdruckerey, 1731.
- НП – Начальныя Правила Русской грамматики. Для Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. М.: Въ Университетской Типографіи, 1816.
- Орнатовский И.** Начертаніе правилъ Россійской Грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ. Харьковъ: Въ Университетской Типографіи, 1810.
- Пенинский И. С.** Славянская грамматика, заимствованная преимущественно изъ Грамматики г. Добровскаго Старшимъ Учителемъ Санктпетербургской Гимназіи. СПб.: Въ Типографіи Департамента народнаго просвѣщенія, 1825.
- Платонов-Кречетников Е.** Новая полная практическая грамматика, Греческая, изложенная по методѣ славнаго Брѣдера, съ прибавленіемъ Греческой Поэзіи. М.: Въ Университетской Типографіи, 1817.
- Полетика Г. А.** Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англискомъ, изданный въ пользу учащагося русскаго юношества. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ, 1763.
- Поликарпов-Орлов Ф. П.** Леѣиконъ треазычный, сирѣчь Речѣній славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровищъ изъ различныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собраное и по славѣнскому алфавиту въ чинъ разположеное. СПб.: Въ царской типографіи, 1704.
- Поликарпов-Орлов Ф. П.** Технологія то есть художное собесѣдованіе о грамматическомъ художествѣ собранное вопрооотвѣтами по алфавиту числительно^{мв} въ пользу люботцательства отроческаго в лѣто 1725. СПб.: Инапресс, 2000.
- Половцов В. А.** Тетрадь русской грамматики для русскихъ, составленная по порученію Начальства и напечатанная по Высочайшему соизволенію. СПб.: [б/и], 1835.
- Полоцкий С.** Бѣкваръ ѡззыка славѣнска, сирѣчь начало оученія дѣте^м, хотѣшы^м оучитиса чтенію писаній. М.: В типографіи верхнѣй, 1679.
- Померанцев А. И.** Начальныя основанія Россійской грамматики, въ пользу воспитанниковъ Практической Коммерческой Академіи изданныя. М.: Въ Губернской типографіи у А. Рѣшетникова, 1813.
- Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. В 3 т. / Отв. ред. С. П. Обнорский (Т. 3). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 1: А – О; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3: Тело – Ящур.
- Прокошина Е. С.** Мелетий Смотрицкий. Минск: Наука и техника, 1966.
- РГ₁ – Российская грамматика А. А. Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- РГ₂ – Российская Грамматика сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. СПб.: Печатана въ Императорской Типографіи Иждивеніемъ Россійской Академіи, 1802.
- РГ₃ – Российская грамматика, въ пользу и употребленіе юношества, расположенная для легчайшаго изученія по вопросамъ и отвѣтамъ. СПб.: Въ типографіи Юс. Іоаннесова, 1816.
- РГ₄ – Российская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. 3-е изд. СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1819.
- Рейф К. Ф.** Новый карманный словарь русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, въ пользу русскаго юношества. СПб.: Въ книжномъ магазинѣ Ю. А. Юнгмейстера, 1845. Ч. 1: Русскія слова, объясненныя по-французски, по-нѣмецки и по-англійски.
- РФС – Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. / Вступ. ст. и публ. Е. Э. Бабаевой. М.: Азбуковник; ЯСК, 2004.
- САР – Словарь Академіи Россійской. В 4 ч. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1794. Ч. 6: Отъ Т до конца.

- Светов В. П.** Краткія правила ко изученію языка Россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Россійской поезіи или науки писать стихи, собранныя изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обучающагося юношества. 2-е изд. СПб.: [б/и], 1795.
- Семигиновский М. А.** Грамматика Польскаго языка для Россійскаго юношества. Изд. вновь испр. Кіевъ: Въ Типографіи Академической при Кіевско-Печерской Лаврѣ, 1831.
- Смотрицкий М.** Грамматіки славенскія правильное свнтагма. Эвъю (Евъе), 1619; М.: [б/и], 1648.
- Соколов П. И.** Начальныя основанія Россійскія грамматики, въ пользу учащагося въ Гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества составленныя, во многихъ мѣстахъ при семъ новомъ изданіи инымъ порядкомъ разположенныя, исправленныя и многими новыми правилами дополненныя. 3-е изд. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1797.
- СС** – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994.
- Студиньский К.** “Адельфотес”, граматика видана у Львові в р. 1591 // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, 1895, Т. 7. С. 1–42.
- СЦСРЯ** – Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. В 4 т. / Сост. вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847. Т. 4: Р – Я.
- Сырейщиков Е. Б.** Краткая Россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи по Высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины Вторыя. СПб.: [б/и], 1787.
- Теплов В. Е.** Французская грамматика, собранная изъ разныхъ Авторъ господиномъ Ресто, а на Россійской языкъ переведенная Васильемъ Тепловымъ. 4-е изд. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1787.
- Тимаев М. М.** Начертаніе курса изящной словесности. СПб.: Печатано въ Типографіи А. Плюшара, 1832.
- Тредиаковский В. К.** Сочиненія Тредьяковского: В 3 т. СПб.: Изданіе А. Смирдина, 1849. Т. 1: Къ читателю; Способъ къ Сложенію Россійскихъ Стиховъ; Т. 3: Разговоръ между чужестраннымъ челоѣкомъ и Россійскимъ. Объ ортографіи старинной і новой.
- ТСРЯ** – Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 4. С – Ящурный.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 3-е изд. СПб.: Терра; Азбука, 1996. Т. 4: Т – Ящур.
- Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1: А – Пантомима; Т. 2: Панцирь – Ящур.
- Шванвиц М.** Нѣмецкая грамматика, Собранныя прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія Санктпетербургской гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная (Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus ehemals zusammen getragen, nunmehr aber von neuem Uebersehen und viel verbessert. Zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii herausgegeben). СПб.: Печатана при Императорской Академіи наукъ, 1745.
- Яновский Н. М.** Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. В 3 ч. СПб.: При Имп. Академіи Наукъ, 1803. Ч. 1: От А до І.
- Adelphotes.** Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L’viv-Lemberg 1591. Hrsg. von Olexa Horbatsch. München: Kubon & Sagner, 1973. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Derksen R.** Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden, Koninklijke Brill NV, 2008. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, v. 4; ed. by Alexander Lubotsky)

- DLS – Dictionarium Latino-Slavonicum. Anno 1700 Moschovia Reparata Salutis (= Словарь латинско-славянский, составленный в Москве в 1700 году). М.: [б/и], 1700.
- Hrammatiki** – Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryckyj. Hrsg. von Olexa Horbatsch. München, Kubon & Sagner, 1977. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Miklosich F. X.** Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien, Wilhelm Braumüller, 1886.
- Pokorny, J.** Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, Francke Verlag, 1959.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae paleoslovenicae). Hl. red. Zoe Hauptová. In 4 vols. Praha, Academia, 1966–1997.

References

- Adelphotes. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. Hrsg. von Olexa Horbatsch. München, Kubon & Sagner, 1973. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Akhmanova, O. S.** Dictionary of linguistic terms. Moscow, URSS, 2004. (in Russ.)
- Aksakov, S. T.** Acquaintance with Derzhavin. In: Aksakov, S. T. The complete collection of works. St. Petersburg, Published by N. G. Martynov, 1886, vol. 3. (in Russ.)
- Bagrinovskiy, G. Yu.** Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, KoLibri, Azbuka-Atticus, 2020. (in Russ.)
- Baibakov, A. D.** Grammar guiding the knowledge of the Slavic-Russian language. Kiev, Kievopetcherskaya Lavra Printing House, 1794. (in Russ.)
- Barsov, A. A.** Brief rules of Russian grammar, collected from various Russian grammars, for the benefit of Young People studying at the Gymnasiums of the Imperial Moscow University. Moscow, Imperial Moscow University, 1773. (in Russ.)
- Barsov, A. A., Romanov, V. F., Novikov, N. I.** Brief rules of the Russian grammar, collected and re-supplemented from various Russian grammars, for the benefit of Young People studying at the Gymnasiums of the Imperial Moscow University. Moscow, University N. Novikov's Printing House, 1784. (in Russ.)
- Belinskiy, V. G.** The foundations of Russian grammar, for the initial training. Part I. Analytical Grammar (Etymology). Moscow, Nikolai Stepanov's Printing House, 1837. (in Russ.)
- Brandt, R. F.** An outline of the Slavic accentology. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1880. (in Russ.)
- Bulich, S. K.** An outline of the history of linguistics in Russia. St. Petersburg, M. Merkushev's Printing House, 1904. (in Russ.)
- Buslayev, F. I.** Experience of historical grammar of the Russian language. Moscow, Imperial Moscow University, 1858. (in Russ.)
- Buslayev, F. I.** Textbook of Russian grammar, brought closer to the Church Slavonic, with an appendix of exemplary grammatical analysis. Moscow, Printed at the Imperial Moscow University, (Katkov and Co.), 1874. (in Russ.)
- Butovskiy, M. P.** Grammar of the Russian language, for the benefit of the Polish youth in the Volyn Gymnasium. Pochayev, Bazylianow Publ., 1809. (in Russ.)
- Chernykh, P. Ya.** Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk, 1993. (in Russ.)
- Dal, V. I.** Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Moscow, Terra, 1994, vol. 4. (in Russ.)
- Dictionary of the Church Slavonic and Russian language. In 4 vols. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1847, vol. 4. (in Russ.)

- Derksen, R.** Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden, Koninklijke Brill NV, 2008. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, v. 4; ed. by Alexander Lubotsky)
- Dictionarium Latino-Slavonicum. Anno 1700 Moschovia Reparatus Salutis. Moscow, 1700.
- Dobrovskiy, I.** Grammar of the Slavic language according to the ancient narration, on which the Russians, Serbs and other Slavs of the Greek confession and the Dalmatians of the Roman confession have their church books. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1834. (in Russ.)
- Dictionary of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1794, part 6: From T to the end. (in Russ.)
- Goryayev, N. V.** Comparative etymological dictionary of the Russian language. Tiflis, 1896. (in Russ.)
- Grammar, published by the main board of the school for teaching in the lower educational institutions. St. Petersburg, Printing house of the National Education Department, 1822. (in Russ.)
- Grech, N. I.** Comprehensive Russian grammar. St. Petersburg, Publisher's Printing House, 1830, vol. 1. (in Russ.)
- Grech, N. I.** The initial rules of Russian grammar. St. Petersburg, Printing House of the Imperial St. Petersburg Educational House, 1828. (in Russ.)
- Greek-Russian Primer, published for the benefit of Young People studying at the Moscow Practical and Commercial Academy. Moscow, S. Selivanovskiy's Printing House, 1820. (in Russ.)
- Grot, J. K.** Russian spelling. A guide compiled on behalf of the 2nd Department of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1885. (in Russ.)
- Historical grammar of the Russian language: An encyclopedic dictionary. Ed. by V. B. Krysko. Moscow, Azbukovnik, 2020. (in Russ.)
- Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryckyj. Hrsg. von Olexa Horbatsch. München, Kubon & Sagner, 1977. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Initial Rules of Russian grammar. For The Noble Pupils of the University Pansion. Moscow, University Printing House, 1816. (in Russ.)
- Kalaidovich, I. F.** Grammar of the Russian language. Moscow, University Printing House, 1834, pt. 1: Cognition of words. (in Russ.)
- Katkov, M. N.** About the elements and forms of the Slavic-Russian language. A dissertation written for a master's degree by candidate M. Katkov. Moscow, University Printing House, 1845. (in Russ.)
- Koshanskiy, N. F.** The initial rules of Russian grammar for the benefit of the University Noble pansion students. Moscow, University Printing House, 1807. (in Russ.)
- Kroneberg, I. J.** Latin-Russian lexicon. With a full explanation of all the properties and meanings of each Latin word. In 2 parts. Moscow, S. Selivanovskiy's Printing house, 1834, pt. 1. (in Russ.)
- Kroneberg, I. J.** Latin-Russian lexicon. With a complete explanation of all the properties and meanings of each Latin word. Moscow, S. Selivanovskiy's Printing house, 1849. (in Russ.)
- Krushevskiy, N. V.** Observations on some phonetic phenomena associated with accentuation. In: Scientific Notes of the Imperial Kazan University, 1879, pp. 93–104. (in Russ.)
- Kryazhev, V. S.** Russian grammar, published by V. K. Moscow, Lazarevs' Printing House of the Institute of Oriental Languages, 1834. (in Russ.)
- Krylov, G. A.** Etymological dictionary of the Russian language. St. Petersburg, Polygraphuslugi, 2005. (in Russ.)
- Kurganov, N. G.** The Russian Universal Grammar, or Universal Writing, Offering the easiest way to thoroughly study the Russian language with many useful and funny things. St. Petersburg, Printed at the Marine Corps, 1769. (in Russ.)

- Kurganov, N. G.** Pismovnik, Containing the science of the Russian language: With many additions of various educational and useful things. In 2 parts. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1793. (in Russ.)
- Lomonosov, M. V.** Russian Grammar. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1755. (in Russ.)
- Lomonosov, M. V.** Materials for the Russian grammar. In: Lomonosov, M. V. Complete works. Ed. by V. V. Vinogradov, S. G. Barkhudarov, G. P. Blok. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1952. (in Russ.)
- Lütke, J. P.** Lexicon of Russian and French in which there are almost all Russian words in the order of the Russian alphabet. St. Petersburg, 1762, pt. 1. (in Russ.)
- Maksimov, F.** Slavic Grammar collected in the Greek-Slavic school. St. Petersburg, 1723. (in Russ.)
- Maudru, J.-B.** A thorough abridgment of the Russian grammar. Moscow, University Printing House, 1808. (in Russ.)
- Memorskiy, M. F.** Complete Russian grammar with the addition of a brief history of the Slavic-Russian language, compiled for the benefit of Young People. Moscow, August Semyon's printing house at the Imperial Medical and Surgical Academy, 1823. (in Russ.)
- Methodius (Smirnov, M. A.).** Lexicon of the Greek language. Containing simple Greek words with the information from which languages they originate. Moscow, University Printing House, 1783. (in Russ.)
- Miklosich, F. X.** Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien, Wilhelm Braumüller, 1886.
- Niederle, J.** Grammar of the Greek language, processed for Russian gymnasiums. Transl. by I. Meyer. Moscow, At the F. Salayev's bookstore, 1879, pt. 1: Etymology. (in Russ.)
- Ornatovsky, I.** The drawing of the rules of the Russian Grammar based on the principles of the universal grammar. Kharkiv, University Printing House, 1810. (in Russ.)
- Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of the 10–11 cent.). Eds. R. M. Zeitlin, R. Večerka, E. Blagova. Moscow, Russkiy yazyk, 1994.
- Peninskiy, I. S.** Slavic grammar, borrowed mainly from the Grammar of Dobrovskiy by the Senior Teacher of the St. Petersburg Gymnasium. St. Petersburg, Printing House of the National Education Department, 1825. (in Russ.)
- Platonov-Krechetnikov, E.** A new complete practical Greek grammar, presented according to the method of the glorious Broeder, with the addition of Greek Poetry. Moscow, University Printing House, 1817. (in Russ.)
- Pokorny, J.** Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, Francke Verlag, 1959.
- Poletika, G. A.** Dictionary in six languages: Russian, Greek, Latin, French, German and English, published for the benefit of the Russian students. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1763.
- Polikarpov-Orlov, F. P.** Lexicon in three languages, containing Slavic, Hellenic-Greek and Latin treasures from various ancient and new books, collected and set according to the Slavic alphabet. St. Petersburg, Royal Printing House, 1704. (in Russ.)
- Polikarpov-Orlov, F. P.** Technology, or conversations about grammar, published in questions and answers in the summer of 1725. St. Petersburg, Inapress, 2000. (in Russ.)
- Polotskiy, S.** Primer of the Slavic tongue. Moscow, 1679. (in Russ.)
- Polovtsov, V. A.** Russian grammar Workbook for Russians. St. Petersburg, 1835. (in Russ.)
- Pomerantsev, A. I.** Initial foundations of the Russian grammar published for the benefit of Young People studying at the Moscow Practical and Commercial Academy. Moscow, A. Reshetnikov's Printing House, 1813. (in Russ.)

- Preobrazhensky, A. G.** Etymological dictionary of the Russian language. In 3 vols. Moscow, G. Lissner and D. Sovko's Printing house, 1910–1914, vol. 1; Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1949, vol. 3. (in Russ.)
- Prokoshina, E. S.** Meletiy Smotritskiy. Minsk, Science and Technology, 1966. (in Russ.)
- Reif, K. F.** A new pocket dictionary of Russian, French, German and English languages, for the benefit of Russian youth. Part I. Russian words, explained in French, German and English. St. Petersburg, At the Jungmeister's bookstore, 1845.
- Russian-French dictionary of Antiochus Kantemir. In 2 vols. / Ed. by E. E. Babayeva. Moscow, Azbukovnik; LRC Publishing House, 2004. (in Russ.)
- Russian grammar, A. A. Barsov / Ed. by B. A. Uspenskiy. Moscow, Moscow State University, 1981. (in Russ.)
- Russian Grammar composed by the Russian Imperial Academy. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1802. (in Russ.)
- Russian grammar published in questions and answers for the benefit of Young People. St. Petersburg, Ios. Ioannesov's Printing House, 1816. (in Russ.)
- Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1819. (in Russ.)
- Schwanwitz, M.** Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus ehemals zusammen getragen, nunmehr aber von neuem Uebersehen und viel verbeßert. Zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii herausgegeben. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1745.
- Semiginovskiy, M. A.** Grammar of the Polish language for Russian youth. Kiev: Kievopecherskaya Lavra Printing House, 1831. (in Russ.)
- Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae paleoslovenicae). Hl. red. Zoe Hauptová. In 4 vols. Praha, Academia, 1966–1997.
- Smotritskiy, M.** Slavic Grammar. Evyu (Evye), 1619; Moscow, 1648. (in Russ.)
- Sokolov, P. I.** Initial Foundations of the Russian grammar, for the benefit of Young People studying at the Gymnasium of the Imperial Academy Sciences. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1797. (in Russ.)
- Studinskiy, K.** “Adelfotes”, the Grammar published in Lvov in the year 1591. Notes of the Shevchenko Scientific Association, 1895, vol. 8, p. 1–42. (in Russ.)
- Sulzer, I. G.** Abbreviations of all sciences and other parts of scholarship, in which the content, usefulness and perfection of each part are described in abbreviated form. Trans. by I. G. Morozov. Moscow, University Printing House, 1781. (in Russ.)
- Svetov, V. P.** Brief rules for the study of the Russian language, with the addition of short rules of the Russian poetry or science to write poems collected from new writings for the benefit of youth. St. Petersburg, 1795. (in Russ.)
- Syreyschikov, E. B.** A brief Russian grammar, published for the national schools of the Russian Empire by the Highest command of the Reigning Empress Catherine the Second. St. Petersburg, 1787. (in Russ.)
- Teplov, V. Ye.** French grammar, collected from various authors by Mr. Restaut, and translated into the Russian language by Vasiliy Teplov. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1787. (in Russ.)
- Timayev, M. M.** An outline of the polite literature course. St. Petersburg, A. Plyushar's Printing House, 1832. (in Russ.)
- Teutisch-Lateinisch- und Ruffisches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Ruffischen Gründen der Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserlichen Academie der Wißenschafften zum Druck befördert. St. Petersburg, Kayserliche Academie der Wißenschafften Buchdruckerey, 1731.
- Trediakovsky, V. K.** Trediakovsky's works. In 3 vols. St. Petersburg, A. Smirdin, 1849, vol. 1: To the reader; The way to compose Russian verses; vol. 3: A conversation between a foreigner and a Russian. About old and new orthography. (in Russ.)

- Ushakov D. N.** (ed.). Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moscow, Terra, 1996, vol. 4. (in Russ.)
- Vasmer, M.** Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. St. Petersburg, Terra; Azbuka, 1996, vol. 4. (in Russ.)
- Verbitsky, A. A.** A brief Russian Grammar containing the rules governing the knowledge of the Russian language, published in questions and answers. Kharkiv, University Printing House, 1813. (in Russ.)
- Vodovozov, V. I.** Practical Slavic grammar with examples and exercises on the rules of the Old Slavic language, the New Church language, and the Old Russian language. St. Petersburg, Publishing house of N. G. Martynov's bookstore, 1885. (in Russ.)
- Vostokov, A.** Experience about Russian versification. St. Petersburg, Marine Printing House, 1817. (in Russ.)
- Vostokov, A. Kh.** Dictionary of the Church Slavonic language. In 2 vols. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1861. (in Russ.)
- Vostokov, A. Kh.** Grammar of the Church-Slavonic language set out according to the ancient written records. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1863. (in Russ.)
- Vostokov, A.** Russian grammar. St. Petersburg, I. Glazunov Publ., 1831. (in Russ.)
- Yanovskiy, N. M.** A new word interpreter, arranged alphabetically. In 3 pts. St. Petersburg, Imperial Russian Academy of Sciences, 1803, pt. 1: From A to I. (in Russ.)
- Zizaniy, L. I.** Slavic Grammar. Vilno, 1596. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Владимирович Иванов, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Andrey V. Ivanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 09.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 01.07.2021
The article was submitted 09.05.2021;
approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 01.07.2021*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-68-81

Процесс адаптации междометия *вау* в русском языке сквозь призму современного толкового словаря: от жаргонного к разговорному, от разговорного к терминологическому

Ирина Олеговна Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

irina-tkach@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-4006>

Аннотация

Описываются некоторые современные языковые процессы, связанные с активным вхождением в русский язык заимствованного междометия *вау*, изначально жаргонного, а позднее проникшего в повседневную речь. Рассматриваются явления, свидетельствующие о дальнейшей адаптации этого междометия – его переход в другие лексико-грамматические классы, подверженность редупликации, участие в образовании новых слов и даже проникновение в сферу терминологии, определяются возможные причины этих явлений. Работа проводится в рамках проекта, цель которого – описание современного русского языка в его основных лексических категориях и функциональных разновидностях на материале «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской. Этот словарь по целому ряду параметров является наиболее полным лексикографическим представлением современного русского языка и поэтому может служить полноценной эмпирической базой для исследования в рамках принципиально нового подхода «от словаря к языку» (т. е. от описания лексики в словаре к описанию явлений языка) в противоположность традиционному в лексикографии подходу «от языка к словарю». Обосновываются преимущества такого подхода, показывается, как этот подход может быть реализован на практике. Наблюдения и выводы сделаны на основе анализа нескольких словарных статей, включенных в словарь (описывающих междометие *вау* вместе со словообразовательным гнездом). Подчеркивается новизна, необычность и даже непредсказуемость некоторых наблюдаемых процессов. Подтверждается всё большее влияние английского языка, обуславливающее подобные процессы в русском языке, а также роль определенных экстралингвистических факторов.

Ключевые слова

современный русский язык, лексикография, разговорная речь, жаргон, терминология, адаптация заимствований, междометия

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00122А «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской)».

Автор выражает также благодарность своему коллеге Михаилу Львовичу Сергееву за помощь и разъяснения относительно происхождения и способа образования заимствованных слов, рассматриваемых в этой статье.

Для цитирования

Ткачева И. О. Процесс адаптации междометия *вау* в русском языке сквозь призму современного толкового словаря: от жаргонного к разговорному, от разговорного к терминологическому // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 68–81. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-68-81

© Ткачева И. О., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 68–81

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 68–81

The Adaptation of Loan Interjection *wow* in the Russian Language through the Prism of Modern Explanatory Dictionary: From Slang to Everyday Speech, from Everyday Speech to Terminology

Irina O. Tkacheva

The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation
irina-tkach@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-4006>

Abstract

The article considers the adaptation process of the loan interjection *wow* that was borrowed into Russian from American English in the early 1990s and at first was mostly used as slang, but later on it entered everyday speech. The research is carried out as a part of the project aimed at exploring the lexis of the modern Russian language, i.e. its main functional and chronological varieties and lexical categories with the use of “The Dictionary of the 21st Century Russian Language”. The novelty and specificity of the investigation lies in a comprehensive study of Russian lexis using a new approach “from dictionary to language” in contrast to the traditional one “from language to dictionary”. The purpose of the article is to demonstrate the potential of this principle in practice, that is to describe some interesting phenomena in modern Russian using the material of several entries, – namely *вай* (*wow*), *вай-* (*wow-*), *вай-эффект* (*wow effect*), *вай-фактор* (*wow factor*) – selected from the dictionary mentioned above. This series clearly demonstrates the phenomena typical of modern Russian, that is the blurring of the boundaries between colloquial speech and other stylistic registers and the active interpenetration of words from one stylistic variety to another. The analysis of the dictionary entries revealed the gradual process of penetration of the interjection *wow* into the Russian language through its adaptation. It may be converted into a noun, a predicative or an analytic adjective, it may be reduplicated to indicate the intensity of surprise/ admiration, it may be used as a productive derivational element and even as a component of some special terms. This process is extraordinary for the Russian language, since, firstly, it affects one of the most stable groups of lexical items, and secondly, it is associated with acquiring a terminological meaning by a word component initially used as an exclamation to express a certain emotion. These new linguistic processes are largely due to the influence of the English language. This influence is so great that we can observe not only an active penetration of the Anglo-American interjection *wow* into the Russian everyday speech – emotive interjections were hardly ever borrowed – but also its integration into the Russian word-formation system.

Keywords

modern Russian language, lexicography, everyday speech, slang, terminology, loanword adaptation, interjections

Acknowledgements

The research is carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project no. 20-012-00122A “Language and Dictionary: Explanatory Dictionary as an Object and Empirical Base of Linguistic Research (Based on Materials of The Dictionary of the 21st Century Russian Language edited by Prof. G. N. Sklyarevskaya)”.

The author would like to thank her colleague Mikhail Sergeev for the help in clarifying the origin of the borrowed words considered in this paper.

For citation

Tkacheva, I. O. The Adaptation of Loan Interjection *wow* in the Russian Language through the Prism of Modern Explanatory Dictionary: From Slang to Everyday Speech, from Everyday Speech to Terminology. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 68–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-68-81

Введение

Если поставить вопрос о соотношении понятий «язык» и «словарь» и о соотношении описания языка вообще и его лексикографического представления в частности, то здесь традиционно принято направление от языка к его отражению в словаре. С этим связано множество теоретических и практических проблем (формирование словника, система стилистических помет, структура словарной статьи, способы толкования значений и показа иллюстративных примеров и т. п.). В настоящей статье применяется принципиально иной подход – описание языковых явлений на основе данных толкового словаря (т. е. не от языка к словарю, а от словаря к языку).

Цель статьи – продемонстрировать этот подход на практике, т. е. на материале нескольких словарных статей, отобранных из «Словаря русского языка XXI века», описать некоторые наиболее интересные процессы, наблюдаемые в русском языке и непосредственно связанные со сферой разговорной речи, хотя и не ограниченные ей, и попытаться установить причины этих процессов.

Идея использовать толковый словарь в качестве источника языкового материала, отбираемого для анализа, сама по себе не нова, однако в подобных случаях речь обычно идет об ограниченной группе слов или определенном аспекте изучения лексической системы (см., например, [Воронцов, 2020; Жданова, 2011; Каданцева, 2007; Клименко, 1995; Савенко, 1990; Стародубцева, 2020; Тарелкина, 2016]). В отличие от таких работ настоящее исследование является частью целостного всестороннего описания современного русского языка на основе одного лексикографического труда тезаурусного типа.

1. «Словарь русского языка XXI века» как эмпирическая база лексиколого-лексикографических исследований

Эта статья написана в самом начале работы над проектом, целью которого является исследование современного русского языка в его основных лексических категориях и функциональных разновидностях на материале «Словаря русского языка XXI века», создаваемого в Лаборатории компьютерной лексикографии Института прикладной русистики РГПУ им. А. И. Герцена под руководством д-ра филол. наук, проф. Г. Н. Складневской. Словарь изначально составлялся не по алфавитному, а по содержательному принципу, т. е. отрезки словника распределялись между авторами не последовательно от А до Я, а по тематическим группам и словообразовательным гнездам (например, один автор описывал слова *завтрак, обед, полдник, ужин* или *загрязнить, запачкать, испачкать, выпачкать, перепачкать* и соотносил дефиниции между собой, а затем каждая готовая словарная статья ставилась на свое алфавитное место). На данный момент составлена значительная часть словаря (более 90 000 вокабул), подготовлены к печати 1 и 2 тома (буква А – более 7500 вокабул и Б – более 9 000 вокабул).

Словарь существенно отличается от других лексикографических изданий по чрезвычайно обширному словнику, глубине семантической разработки и ряду других характеристик, являясь наиболее полным лексикографическим представлением современного русского языка (см. подробнее [Складневская и др., 2019]), и именно поэтому может служить полноценной эмпирической базой для его всестороннего описания.

В чем же особенности и преимущества такого подхода? Определим основные из них.

1. Лексический материал структурирован, систематизирован и представлен в форме словарных статей, т. е. первый этап описания лексики уже пройден при составлении словаря.

2. Несмотря на чрезвычайную обширность словника, в словарь включены только те слова и значения, употребительность которых подтверждается значительным числом примеров в используемых источниках: различных текстовых корпусах (Электронном лексическом фонде русского языка, созданном сотрудниками Лаборатории и первоначально ориентированном именно на составление данного словаря, Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), семействе корпусов *Antea Web Corpora* [Benko, 2014]) и материалах Интернета, работа с которыми ведется при помощи поисковых систем Google и Yandex. Малоупотребительные слова и окказионализмы в словарь не включаются, из чего следует, что материал для исследований на его базе уже прошел предварительный отбор. Эта информация особенно важна при работе с новейшими лексическими единицами для определения их статуса: если слово или значение включено в словарь, то с высокой долей вероятности можно говорить о его вхождении в язык.

3. В словаре широко представлена лексика, традиционно не включаемая в русские толковые словари или включаемая туда очень ограниченно, – разговорная, разговорно-сниженная,

жаргонная и терминологическая, что дает более объективное представление о реальном функционировании русского национального языка.

4. Лексикографическое описание единиц словаря ориентировано на максимально полное отражение лексических системных связей, унификацию дефиниций и их соотнесенность между собой. В частности, в словаре не используются одинаковые или не совсем одинаковые, но при этом неразличимые по смыслу толкования, считается неприемлемым толкование близкозначных слов с помощью простого перечисления синонимов с образованием логического круга, что довольно часто встречается в традиционной лексикографии (ср., например, в БАС-1: союз *как* толкуется «точно, словно» (БАС-1, т. 5, с. 685); союз *точно* – «как, словно» (БАС-1, т. 15, с. 744), союз *словно* – «как <...>, точно, будто» (БАС-1, т. 13, с. 1230)). Именно поэтому даже лексика основного словарного фонда, не претерпевшая никаких изменений за последние десятилетия, может быть представлена в нашем словаре по-новому и потребовать дополнительного анализа.

Все эти преимущества позволяют говорить о том, что «Словарь русского языка XXI века» может служить источником уже отобранного, систематизированного и лексикографически описанного материала, в полной мере отражающего состояние современного русского языка. Материал может выбираться из словаря в соответствии с определенным аспектом исследования по полю словарной статьи или его части: по родовому понятию в толковании, по указанию на синонимы или антонимы, по тематической или стилистической помете, по отнесенности слова к какому-либо грамматическому классу и т. п. Ниже мы покажем, как производится такой отбор, с какими трудностями при этом можно столкнуться и как на основе словарных статей проводится описание языковых явлений.

2. Исследование адаптации междометия *вау* на материале разрабатываемого толкового словаря

Заявленный проект включает обширный ряд тем, одна из которых – современная русская разговорная речь (РРР). Поскольку в качестве эмпирической базы в данном случае выступает указанный выше словарь, первым шагом при такой постановке задачи должен быть отбор словарных статей с пометой «Разг.», которая «ставится при словах, принятых в неофициальной обстановке в сфере непринужденного общения, как бытового, так и за пределами бытовых тем» [Скляревская и др., 2019, с. 197]. Уже на этапе отбора статей из словаря стало понятно, что описывать разговорную речь и разговорную лексику в отрыве от некодифицированных форм национального языка, от различных форм устной и письменной публичной речи и даже от языка некоторых специальных сфер деятельности не представляется возможным, что обусловлено особенностями нынешней языковой ситуации, о которых мы подробнее расскажем ниже.

РРР, традиционно понимавшаяся как «непринужденная речь носителей литературного языка» [Барина и др., 1973, с. 5], в конце XX – начале XXI в. претерпела значительные изменения. Так, в ряде научных работ отмечается активное проникновение в РРР элементов просторечия и жаргона, повышение стилистического статуса многих слов, ставшее обычным употребление разговорной лексики в публичном дискурсе, образование новых слов по разговорным словообразовательным моделям за пределами неофициальных речевых сфер, исчезновение четких различий между разновидностями устной речи [Ахапкина, Левинзон, 2019, с. 66; Вальтер, Мокиенко, 2020, с. 159–162; Запрягаева, 2003, с. 104; Крысин, 2010, с. 30; Козырев, Черняк, 2007, с. 50; Розина, 2014, с. 222; Хорошева, 2014, с. 41–47; Шестакова, Кулева, 2019, с. 818–824]. Это существенно усложняет поставленную задачу, поскольку помимо слов и значений с пометой «Разг.» необходимо также дополнительно отбирать для анализа по крайней мере какую-то часть лексики с пометами «Разг. Сниз.» (разговорное сниженное) и «Жарг.» (жаргонизм), однако критерии такого отбора не вполне ясны. В определенных случаях выбор пометы для маркирования слова (*Разг.* или *Разг. Сниз.*; *Разг. Сниз.* или

Жарг.; *Разг.* или *Жарг.*) вызывает вопросы, так как между пластами разговорной, разговорно-сниженной и жаргонной лексики нет и не может быть жестко очерченных границ. Сложности в отнесении конкретной единицы к определенному стилистическому разряду обусловлены различными объективными причинами: возможной принадлежностью одного и того же слова к нескольким разновидностям языка одновременно, использованием носителями литературного языка лексических средств из других подсистем, влиянием на стилистический статус слова ситуации его употребления, особенностей говорящего и контекстного окружения (см. об этом: [Кропачева, Литвинова, 2020, с. 84, 85; Скляревская и др., 2019, с. 202–203]).

Еще в процессе сбора материала из словаря наше внимание привлекли особые, наиболее интересные процессы, связанные с лексикой, недавно вошедшей в язык и, что важно, еще не нашедшей отражения в других лексикографических изданиях или отраженной в них лишь частично. Несколько отобранных нами слов, о которых речь пойдет далее, наглядно демонстрируют упомянутые выше явления (размытость границ между отдельными разновидностями языка, активное проникновение элементов из одной разновидности в другую и пр.) и связанную с этими явлениями спорность стилистической квалификации отдельных единиц, т. е. выбора правильной пометы.

Первое слово, попавшее в поле нашего зрения, – это заимствованное англо-американское междометие *вау*, которое сопровождается в «Словаре русского языка XXI века» пометой «*Разг.*», что может показаться неожиданным, но лишь на первый взгляд.

Приведем фрагмент словарной статьи:

В'АУ¹, межд. [англ. wow]

Разг. Возглас, выражающий восхищение, восторг, обычно в сочетании с удивлением. *Вау, какой классный шарфик! Вау, какая модная девчонка! Мы едем на море. – Вау! Вау, как красиво! Вау, я и не знал, что такое бывает! Вау, ты классно выглядишь! Вау, какой подарок, спасибо огромное! Вау, неужели это все для нас? Вау, вы это видели? <...>*

Это междометие стало употребляться в русском языке с начала 90-х гг. XX в. в молодежном жаргоне и первоначально характеризовалось исследователями как слово, вызывающее раздражение [Кронгауз, 2007, с. 14], как «модный американизм», который едва ли может закрепиться в языке и со временем должен исчезнуть [Крысин, 2008б, с. 15–16]. Отторжение и неприятие слово *вау* вызывало и у представителей старшего поколения [Кронгауз, 2007, с. 103], и у интеллигенции [Крысин, 2008б, с. 208], в том числе у авторов указанных работ – филологов, описывающих современные языковые процессы. Однако с момента появления этого заимствования прошло уже три десятка лет, но оно, несмотря на свою кажущуюся «эфемерность» и «чужеродность», не исчезло, а распространилось дальше, проникнув в сферу повседневной разговорной речи. Этот вывод подтверждается как наблюдениями ученых [Маринова, 2019, с. 277; Шкапенко, 2016а, с. 143; 2016б, с. 44, 46–49], так и включением данного междометия в «Академический толковый словарь русского языка» (с пометой «*Жарг.*») (АТОС, 2016, т. 1, с. 547) и, что особенно примечательно, в «Толковый словарь русской разговорной речи» с пометой «сленг.»¹ (ТСРРР, 2014, с. 169).

Материал, представленный в «Словаре русского языка XXI века», позволяет говорить не только о широкой употребительности междометия *вау* в повседневном общении (т. е. за пределами жаргона), но и о дальнейшей – лексико-грамматической – ассимиляции этого слова – переходе в другие части речи и приобретении новых синтаксических функций. Рассмотрим эти явления ниже на примере словарных статей.

¹ Под сленгом при этом понимается «языковое образование, которое находится между жаргонами и литературным языком» [Крысин, 2014, с. 26].

1. Переход в разряд существительного.

В'АУ², нескл., ср.

Разг. Выражение кем-л. таким возгласом восхищения, восторга. *Изумленное, удивленное в. Ликующее в. Я не удержалась от радостного в. Моей первой реакцией было громкое «в.!».* Сколько усилий пришлось приложить, прежде чем мы услышали заветное «в.!».

Для междометий, обозначающих возгласы и звукоподражания, такое явление носит регулярный характер, ср. примеры речений из других статей словаря: *громогласное браво*, *были слышны восторженные браво* (выражение зрителями, слушателями таким возгласом восхищения, похвалы, одобрения), *жалобное бе-е-е* (звук, издаваемый бараном, овцой), *соседи устали от постоянного бум-бум с верхнего этажа* (повторяющиеся глухие короткие сильные звуки, издаваемые при ударах, стуке, топоте, падении тяжелых предметов и т. п.), *из-за стенки доносилось приглушенное бу-бу-бу* (звучание невнятной речи), *надоело твое вечное бу-бу-бу* (звучание речи ворчащего или ругающегося человека).

2. Переход в разряд предикатива².**В'АУ³**, предикатив.

Разг. Об оценке кого-, чего-л. как потрясающего, исключительного, вызывающего восторг. *Твоя прическа – это в.!* Все актеры – просто в.!

Перламутровая помада – прямо в.! Что делать, если ваши партнер по танцам не в.? <...>

Аналогичный пример предикативации междометия оказалось найти не так просто. В «Словаре русского языка XXI века» обнаружилось только одно такое слово, причем выражающее эмоцию не положительную, а резко отрицательную:

БЕ⁴ и Б'Е-Е-Е⁴, предикатив.

<...> Об оценке кого-, чего-л. как крайне неприятного, вызывающего брезгливость, отвращение. *Запах тут – бе!* Вареный лук и правда бе! Он такой грязный и вонючий, прямо бе-е-е! Кипяченое молоко с пенкой – бе-е-е!

В сходном значении может также употребляться слово *фу*, которое на данный момент еще не описано в нашем словаре, но имеющиеся примеры из текстовых корпусов и материалов Интернета это подтверждают: *Суп просто фу, есть невозможно! Какая омерзительная сцена, прямо фу!*

Перечисленные языковые факты говорят о том, что переход эмотивного междометия в разряд предикатива – явление в РРР не новое, но довольно редкое. Заметим, что другие подобные предикативы (имеющие такую же семантику и выступающие в такой же синтаксической позиции) омонимичны не междометиям, а, как правило, существительным: ср. *Фильм – блеск! Погода – просто класс! Ну и бардак здесь, просто ужас!* и т. п.

3. Переход в разряд неизменяемого прилагательного.

В'АУ⁴, неизм.

<...> Связанный с вызыванием или переживанием восторга, восхищения. *Концерт хороший, но ощущения в. не возникло. Мы расскажем, как сделать презентацию с эффектом в. Чем дольше вы планируете, тем быстрее покидает вас чувство в., гасится огонь и энтузиазм.*

² Авторы «Словаря русского языка XXI века» разделяют точку зрения о том, что предикатив является особой частью речи (вслед за Л. В. Щербой, В. В. Виноградовым, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. С. Поспеловым, употреблявшими по отношению к этой группе слов термин «категория состояния», а также А. В. Исаченко, П. А. Лекантом, М. В. Дегтяревой и некоторыми другими исследователями). Предикативы в «Словаре русского языка XXI века» выносятся в отдельную вокабулу и сопровождаются соответствующей частеречной пометой. Такие слова выражают определенную семантику (оценку чьего-л. физического или душевного состояния, действия, ситуации и т. п.) и употребляются в определенных конструкциях в синтаксической функции сказуемого. По форме предикативы могут соответствовать наречиям, кратким прилагательным и причастиям, реже существительным и некоторым другим частям речи (*мне плохо, здесь жарко, выучить английский – это легко, курить вредно, дороги у нас – просто беда, бабах кулаком по столу*).

Подчеркнем, что употребление междометия в синтаксической функции несогласованного определения до недавнего времени для русского языка было совсем не типично.

Еще один признак усвоения системой РРР заимствования *вау* – это подверженность редупликации, в результате которой единица приобретает дополнительное значение интенсивности. По данным «Словаря русского языка XXI века», лексема *вау* может редуплицироваться как в роли междометия, так и в роли предикатива:

В'АУ¹, межд.

<...> ↑ Усилит. *Вау-вау-вау, какие красотики! Вау-вау-вау, какие цвета! Вау-вау, как здорово! Послышались радостные крики «вау-вау!».*

В'АУ³, предикатив.

<...> ↑ Усилит. *Открытка – вау-вау! Метро здесь очень крутое, прямо вау-вау! Фильм не то чтобы вау-вау-вау, но смотреть можно.*

Активное внедрение в язык слова *вау* подобными употреблениями не ограничивается. Оно может выступать в качестве компонента сложносоставных слов (с написанием через дефис), причем таких примеров обнаруживается немало. В статье ВАУ-, включенной в словарь, приводится 25 производных композитов с этим компонентом: *вау-гаджет, вау-девайс, вау-дизайн, вау-зрелище, вау-идеи, вау-моменты, вау-обслуживание, вау-продукт, вау-проект, вау-результат, вау-сайт, вау-сервис, вау-скидка, вау-спецэффекты, вау-товары, вау-импульс, вау-стратегия, вау-технологии, вау-фактор, вау-эффект, вау-впечатление, вау-реакции, вау-состояние, вау-чувство, вау-эмоции*.

Стоит отметить, что по крайней мере два слова из приведенного списка – *вау-эффект* и *вау-фактор* – относятся вовсе не к сфере обиходно-разговорной речи, а являются терминами из области психологии и маркетинга. Они включены в «Словарь русского языка XXI века» в качестве отдельных вокабул, поскольку их высокая употребительность в соответствующих предметных областях подтверждается материалами текстовых корпусов и Интернета. Лексикографическая разработка этих слов представлена следующим образом:

В'АУ-Ф'АКТОР, а, м.

Коммерц. Совокупность средств психологического воздействия на потребителя, определяющих способность приятно удивить, поразить и вследствие этого сформировать желание приобрести товар или услугу. *Вау-фактор в интернет-рекламе.* Термин «вау-фактор» ввел в обиход Виктор Пелевин в романе «Generation П»³. *Вау-фактор – это двигатель современных программ лояльности для клиентов. Какова роль вау-фактора в продвижении продукции вашей компании? iPhone – признанный лидер с точки зрения удобства, дизайна, времени работы от аккумулятора и вау-фактора, за который покупатели в основном и платят. Добротный качественный аппарат, но не хватает вау-фактора, из-за которого можно было сказать: хочу именно это! Главными минусами устройства стали относительно высокая стоимость, неудобная операционная система, неудачный дизайн и отсутствие вау-фактора.*

В'АУ-ЭФФ'ЕКТ, а, м.

1. *Психол.* Сильное воздействие, яркое впечатление, производимые на окружающих (посредством какого-л. особого приема, метода и т. п.) <...>. *Правильное нанесение яркой помады гарантирует вам вау-эффект. На этом тренинге вы не получите бурных эмоций и вау-эффекта. С точки зрения вау-эффекта фильм слабават. Как добиться вау-эффекта в интерьере? Как сделать шоу, чтобы это вызывало у зрителей вау-эффект? Обещаем, вау-эффект от нашего квеста будет обеспечен!*

2. *Коммерц.* Воздействие на эмоциональное состояние потенциального покупателя с целью формирования у него желания приобрести товар или воспользоваться какой-л. услугой; испытываемое потенциальным покупателем эмоциональное переживание от необычности или особой привлекательности предлагаемых товаров, услуг <...>. *Вся политика сбыта компании построена на вау-эффекте, над достижением которого работают сотни маркетологов. Как продлить вау-эффект у вашего клиента*

³ В. Пелевин употребляет это слово в ином значении, ср.: «Через каждые несколько минут в телепередаче <...> происходит демонстрация блока рекламных клипов, каждый из которых является сложной и продуманной комбинацией анальных, оральных и вытесняющих вау-импульсов, резонирующих с различными культурными слоями психики. <...> Если субъект в состоянии ХЗ [Homo Zapiens – телезритель, находящийся под воздействием рекламы на сознание] подвержен действию трех вау-импульсов, то при возвращении в нормальное состояние он подвергается действию трех вау-факторов, которые автоматически генерируются его умом» (Пелевин, 1999, с. 107–108).

после заключения сделки? < Яркие новинки часто вызывают вау-эффект, служат предметом обсуждения и помогают продвижению вашего продукта.

3. *Коммерц.* Прием, содействующий формированию у потенциального покупателя желания приобрести товар или воспользоваться какой-л. услугой <...>. Применение вау-эффектов как способ повысить уровень продаж. А какие вау-эффекты используете вы в своем бизнесе, чтобы привлекать покупателей? Вау-эффект – это то, что приятно удивляет ваших гостей и побуждает их рассказать о вашем отеле другим.

Таким образом, на принадлежность этих слов к терминологической лексике указывают несколько признаков в словарных статьях: пометы *Психол.* (психология) и *Коммерц.* (коммерция), обозначающие отнесенность слова к определенной профессиональной сфере, форма и содержание толкования, особая стилистика речений, непосредственное указание в одном из речений на то, что это термин: Термин «вау-фактор» ввел в обиход Виктор Пелевин в романе «Generation П».

Значение форманта *вау-*, в отличие от соответствующего междометия, не ограничивается выражением или переживанием восторга; у него появляется дополнительная семантика психологического воздействия с целью вызвать определенные эмоции, произвести впечатление на кого-либо, в том числе на потенциального потребителя, чтобы продать товар или услугу. Этот семантический компонент обнаруживается не только в словах *вау-фактор* и *вау-эффект*, но и в других лексемах на *вау-* (ср. *вау-импульс*, *вау-стратегия*, *вау-продукт*, *вау-скидки*, *вау-гаджеты*, *вау-технологии*, *вау-обслуживание* и др.).

Проследим в деталях, как этот «междометный» формант подвергся терминологизации, каким образом в языке появились подобные сложносоставные термины. Может создаться впечатление, что они возникли в результате внутриязыковых словообразовательных процессов, однако здесь не всё так очевидно и однозначно, поскольку по крайней мере некоторые из перечисленных слов могли быть заимствованы целиком.

Для начала вернемся к словарным статьям. Одно из речений в статье ВАУ-ФАКТОР отсылает нас к роману В. Пелевина: Термин «вау-фактор» ввел в обиход Виктор Пелевин в романе «Generation П». И действительно, по данным НКРЯ, это самое раннее употребление, маркированное 1999 г. В этом же произведении можно встретить и другие слова с опорным *вау-* (*вау-импульс*, *вау-символ*, *вау-стимуляция*, *вау-иерархия* и т. п.), но наиболее популярного и широко распространенного в настоящее время слова *вау-эффект* в романе нет. При этом не ясно, было ли оно образовано по аналогии с *вау-фактором* или пришло к нам непосредственно из английского языка. Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что сведения о самом раннем употреблении не дают нам достаточной информации относительно происхождения или способа образования рассматриваемых слов. Ответ можно и нужно искать в англоязычном текстовом пространстве ⁴.

Оказалось, что в англоязычных текстах широко употребительны три сочетания с *wow*: *wow effect*, *wow factor* и *wow reaction* (контексты проверялись по поиску на интернет-ресурсе Google Books). В онлайн-словарях английского языка Oxford Learners Dictionaries (OLD) и Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) зафиксировано только одно из них – *wow factor*; в словаре Merriam-Webster Dictionary (MWD) оно отсутствует; словосочетаний *wow effect* и *wow reaction* нет ни в одном из этих словарей, а это говорит о том, что и в английском языке такие сочетания появились не так давно. Очевидно, во всех трех сочетаниях *wow* выступает в функции прилагательного. И действительно, то, что слово *wow* в английском языке может быть также и прилагательным, подтверждается данными Большого Оксфордского словаря (см. статью «*wow*, n.2 and adj.» с толкованием ‘Exciting or expressing admiration and delight’ ‘Захватывающий, волнующий или выражающий восхищение и восторг’ (перевод мой. – И. Т.) (OED Online)).

⁴ Приводимые ниже разъяснения получены от научного сотрудника Лаборатории компьютерной лексикографии Михаила Львовича Сергеева, который занимается разработкой этимологической справки для «Словаря русского языка XXI века».

Вполне вероятно, что сочетания подобного типа, прежде всего *wow factor* и *wow effect*, получившие при заимствовании орфографическую репрезентацию *вау-фактор* и *вау-эффект*, могли послужить образцом для появления в русском языке словообразовательной модели «вау- + существительное». При этом распространение этой модели в упомянутых выше специальных сферах также можно объяснить влиянием английского или американского профессионального узуса.

Надо, однако, сказать, что данная модель совершенно не типична для русского языка. Редкое исключение представляет в этом отношении междометие *ура* (ср. образования *ура-патриотизм*, *ура-патриот*, *ура-патриотический*), однако в отличие от *вау*-формант *ура*-непродуктивен, стилистически нейтрален, не является недавно заимствованным и не воспринимается как чужеродный.

Почему же именно компонент *вау*- дал такой словообразовательный толчок? Почему активно входит в язык именно *вау-эффект*, а не *ах-эффект*, например? ⁵ Среди основных причин такого явления можно назвать следующие: престижность заимствованного слова в сравнении с исконным (см. об этом в [Крысин, 2008а, с. 171]), активное внедрение этого слова в речь средствами массовой информации, постсоветская ориентация российской культуры на систему ценностей и моделей поведения западного общества, а также пришедшая к нам именно из стран Запада вместе с соответствующими словами маркетинговая установка на агрессивное продвижение товаров и услуг и формирование стандартов «премиального» потребления как признака социальной исключительности. Вошедшее в язык чужеродное восклицание для выражения восторга закрепляет в сознании носителей русского языка эмоцию, связанную именно с потреблением. По словам Т. М. Шкапенко, «рекламные ролики на российском ТВ достаточно часто эксплуатировали (и продолжают эксплуатировать) возглас *вау*, стремясь с помощью свойственной рекламе повторяемости выработать у адресата некий условный рефлекс, представляющий собой симбиоз инстантного понимания “удивительно-го” качества продукта и желания его приобрести» [2016б, с. 46]. Вероятно, во многом благодаря такому навязчивому «эксплуатированию», слово *вау* постепенно внедряется в современный русский язык и в сознание его носителей.

Выводы

1. Итак, разрабатываемый «Словарь русского языка XXI века» может служить полноценной базой для исследования языковых процессов в области живой разговорной речи. Оперативное включение в словарь новейшей и уже вошедшей в широкое употребление лексики, проиллюстрированное на примере заимствованного междометия *вау*, позволяет выявить интересные и еще не описанные в научной литературе аспекты его ассимиляции системой узусов русского языка.

2. Сам факт активного вхождения заимствованного междометия *вау* в русский язык подтверждается не только его широкой употребительностью в разговорной речи, но и способностью к редупликации, переходом в другие лексико-грамматические классы, развитием новых синтаксических функций, участием в образовании новых слов и проникновением в сферу терминологии.

3. Процесс подобной адаптации для русского языка совершенно необычен, так как, во-первых, затрагивает междометия, т. е. одну из наиболее стабильных групп лексики, а во-вторых,

⁵ Второе слово употребляется в качестве редкого синонима первого, и в разрабатываемый «Словарь русского языка XXI века» оно не включено. Ср. их частотность: в корпусе *Aganeum Russicum III Maximum* (одном из корпусов *Aganea*) *вау-эффект* со всеми падежными формами имеет 2 269 вхождений, а *ах-эффект* – только 6; в поисковой системе Google *вау-эффект*, введенный в кавычках, т. е. без падежных форм (поиск этого слова с учетом падежных форм в Google затруднителен, так как система выдает много не соответствующих запросу примеров), набирает 377 000 вхождений, *ах-эффект* – 1 370.

связан с появлением терминологического значения у компонента, обозначающего восклицание для выражения определенной эмоции.

4. Влияние английского языка на русский в настоящее время чрезвычайно велико: именно благодаря этому влиянию мы наблюдаем не только сам процесс заимствования в русский язык совершенно чужеродного для него восклицания, но и последующее встраивание этого восклицания в словообразовательную систему.

5. Приходится признать, что внедрение междометия *вау* в русский язык происходит целенаправленно через СМИ (в основном посредством рекламных текстов) с целью выработать у человека потребительский условный рефлекс.

Приведенные здесь наблюдения впоследствии будут включены в общую картину, представляющую РРР в ее взаимодействии с другими функциональными разновидностями современного русского языка в рамках языковой системы в целом.

Список литературы

- Ахапкина Я. Э., Левинзон А. И. Русские стяженные номинации с суффиксом *-к(а)* в социолингвистическом аспекте: от *коммуналки* к *боевке* // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 54–70. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-54-70
- Барина Г. А., Земская Е. А., Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Коллект. моногр. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. От жаргона к современной русской «простой речи» // Горизонты современной русистики: Сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию юбилею акад. В. Г. Костомарова (30–31 января 2020 г.). М., 2020. С. 158–165.
- Воронцов Р. И. «Большой академический словарь русского языка» как зеркало экономических перемен: семантическая динамика слов с корнем *торг-* // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 167–180. DOI 10.17223/22274200/18/9
- Жданова Е. А. Большой академический словарь русского языка как источник сведений о словообразовательных неологизмах конца XX века // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 1. С. 371–376.
- Запрягаева М. Я. Речевое поведение современного носителя русского литературного языка (к вопросу о расширении границ разговорной речи) // Социокультурные аспекты профессионально-делового общения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. Дням славянской письменности и культуры / Отв. ред. А. М. Ломов. Воронеж, 2003. С. 102–105.
- Каданцева Е. Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка: по изданиям «Словаря русского языка» С. И. Ожегова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.
- Клименко Т. И. Виды семантических отношений в системе имен прилагательных (на материале «Русского семантического словаря» и словаря эпитетов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1995. 18 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация: жаргонизация речи как социокультурный феномен // Вестник Герценовского ун-та. 2007. № 6. С. 49–53.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
- Кропачева М. А., Литвинова Е. С. Актуальные вопросы разграничения понятий просторечие, общий жаргон и сленг в русской лингвистике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 79–90. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-79-90
- Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование // Гловинская М. Я., Голанова Е. И., Ермакова О. П., Занадворова А. В., Земская Е. А., Какорина Е. В., Касаткин Л. Л.,

- Касаткина Р. Ф., Крысин Л. П., Кузьмина С. М., Розина Р. И. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков: Коллект. моногр. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008а. С. 167–184.
- Крысин Л. П.** Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008б. 320 с.
- Крысин Л. П.** О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка // Изв. Рос. акад. наук. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 1. С. 28–43.
- Крысин Л. П.** Предисловие // Толковый словарь русской разговорной речи / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1: А – И. С. 9–30.
- Маринова Е. В.** Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века. Проблемы освоения и функционирования: Моногр. 2-е изд., доп. М.: URSS: Ленанд, 2019. 536 с.
- Розина Р. И.** Активные процессы в современной русской речи // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Т. 2. С. 221–234.
- Савенко Т. Д.** Развитие общественно-политической лексики русского языка советского периода (по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и других лексикографических источников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 16 с.
- Скляревская Г. Н., Ткачева И. О., Сергеев М. Л., Ваулина Е. Ю., Фивейская Е. А.** Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Vol 1. No. 1. P. 136–311.
- Стародубцева Ю. А.** Ядро русской лексики: опыт параметрического анализа: Моногр. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 177 с.
- Тарелкина Т. И.** Транспозиционные типы междометий (на материале толкового словаря С. И. Ожегова и Большого толкового словаря) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66), ч. 1. С. 166–169.
- Хорошева Н. В.** Экстралингвистические факторы арготизации (жаргонизации) разговорной речи: структура и динамика // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 41–47.
- Шестакова Л. Л., Кулева А. С.** Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: Сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.). М., 2019. С. 818–824.
- Шкапенко Т. М.** Англо-американское междометие «вау» в современном русском языке // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016а. № 4. С. 141–149.
- Шкапенко Т. М.** К проблеме семиозиса заимствованного интеръективного знака // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016б. Т. 14, № 4. С. 43–50.
- Benko V.** Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora. In: Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014. Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. Ed. by P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček and K. Pala. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland, 2014, pp. 257–264. URL: <https://www.tsdconference.org/tsd2014/download/preprints/672.pdf> (accessed 16.04.2021)

Список словарей

- АТОС – Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 1: А – Вилья. 672 с.
- БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1: А – И. 776 с.

- LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 16.04.2021).
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 16.04.2021).
- OED Online – Oxford English Dictionary Online. December 2020. Oxford University Press. Word entry “wow, n.2 and adj.”. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2387/view/Entry/230457?isAdvanced=false&result=3&rskey=RrCHPK&> (accessed 16.04.2021).
- OLD – Oxford Learners Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 16.04.2021).

Список источников

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 16.04.2021).
- Пелевин В. Generation «П». Рассказы. М.: Вагриус, 1999. 608 с.
- Aranea Web Corpora. URL: <http://aranea.juls.savba.sk> (accessed 16.04.2021).
- Araneum Russicum III Maximum. URL: http://aranea.juls.savba.sk/aranea/run.cgi/corp_info?corpname=AranRusi_a&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (accessed 16.04.2021).
- Google Books. URL: <https://books.google.com> (accessed 16.04.2021).

References

- Akhapkina, Yana E., Levinzon, Anna I. Russian Univerb Nominations with Suffix *-k(a)* in the Sociolinguistic Perspective: From *kommunalka* to *boyovka*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 54–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-54-70
- Barinova, G. A., Zemskaya, E. A., Kapanadze, L. A., Krasilnikova, E. V., Shiryayev, E. N. Russian Colloquial Speech. Ed. by E. A. Zemskaya. Moscow, Nauka, 1973, 485 p. (in Russ.)
- Benko V. Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora. In: Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014. Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. Ed. by P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček and K. Pala. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland, 2014, pp. 257–264. URL: <https://www.tsdconference.org/tsd2014/download/preprints/672.pdf> (accessed 16.04.2021).
- Kadantseva, E. E. The Phenomenon of Archaization in the Vocabulary of the Modern Russian Language: on Materials of the “Dictionary of the Russian language” ed. by S. I. Ozhegov. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2007, 21 p. (in Russ.)
- Khorosheva, N. V. Extralinguistic Factors of Colloquial Language Argotization / Jargonization: Structure and Dynamics. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2014, no. 4 (28), pp. 41–47. (in Russ.)
- Klimenko, T. I. Types of Semantic Relations in the System of Adjectives (on Materials of the “Russian Semantic Dictionary” and the Dictionary of Epithets). Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 1995, 18 p. (in Russ.)
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. Modern Linguistic Situation: Jargonization of Speech as a Sociocultural Phenomenon. *Bulletin of the Herzen University*, 2007, no. 6, pp. 49–53. (in Russ.)
- Krongauz, M. Russian on the Verge of a Nervous Breakdown. Moscow, Znaki, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007, 232 p. (in Russ.)
- Kropacheva, Marina A., Litvinova, Ekaterina S. To the Issue of Defining and Distinguishing Vernacular, Common Slang and Slang in Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 79–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-79-90

- Krysin, L. P.** Lexical Borrowing and Calquing in the Russian Language of the Past Decades. In: Glovinskaya M. Ya., Golanova E. I., Ermakova O. P., Zanađvorova A. V., Zemskaya E. A., Kakorina E. V., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., Krysin L. P., Kuz'mina S. M., Rozina R. I. *Modern Russian Language: Active Processes at the Turn of 20th – 21st Centuries*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, pp. 167–184. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** Word in Modern Texts and Dictionaries: Essays on Russian Vocabulary and Lexicography. Moscow, Znak, 2008, 320 p. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** On Lexicographic Description of Non-Standard Subsystems of the Russian Language. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature*, 2010, vol. 69, no. 1, pp. 28–43. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** Introduction. In: *The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech*. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, 2014, iss. 1, pp. 9–30. (in Russ.)
- Marinova, E. V.** Foreign Words in Russian Speech of Late 20th – Early 21th Centuries: Issues of Assimilation and Functioning. 2nd ed., suppl. Moscow, URSS, Lenand, 2019, 536 p. (in Russ.)
- Rozina, R. I.** Active Processes in Modern Russian Speech. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2014, vol. 2, pp. 221–234. (in Russ.)
- Savenko, T. D.** Development of the Russian Language Socio-Political Vocabulary of the Soviet Period (on the Materials of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” ed. by D. N. Ushakov and other Lexicographic Sources). Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Kiev, 1990, 16 p. (in Russ.)
- Shestakova, L. L., Kuleva, A. S.** Raising of the Substandard Vocabulary Stylistic Status and its Reflection in the Explanatory Dictionary. In: *The Present and Future of Style*. International Scientific Conference 13–14th of May 2019. Moscow, 2019, pp. 818–824. (in Russ.)
- Shkapenko, T. M.** Anglo-American Interjection «wow» in Modern Russian *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2016, no. 4, pp. 141–149. (in Russ.)
- Shkapenko, T. M.** On the Problem of Semiosis of Borrowed Interjective Signs. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 43–50. (in Russ.)
- Sklyarevskaya, G. N., Tkacheva, I. O., Sergeev, M. L., Vaulina, E. Yu., Fiveiskaya, E. A.** Draft “The Dictionary of the Russian Language in the 21st Century”. Samples of Lexicographical Entries. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2019, vol 1, no. 1, p. 136–311. (in Russ.)
- Starodubtseva, Yu. A.** The Core of Russian Vocabulary: an Experience of Parametric Analysis. Voronezh, Nauka-Yunipress, 2020, 177 p. (in Russ.)
- Tarelkina, T. I.** Transpositional Types of Interjections (on the Material of the Explanatory Dictionary by S. I. Ozhegov and the Large Explanatory Dictionary). *Philological Sciences. Theory and Practice*, 2016, no. 12 (66), iss. 1, p. 166–169. (in Russ.)
- Vorontsov, R. I.** The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Reflection of Economic Change: Semantic Dynamics of Words with the Root *Torg*. *Russian Journal of Lexicography*, 2020, no. 18, p. 167–180. (in Russ.) DOI 10.17223/22274200/18/9
- Walter, H., Mokienko, V. M.** From Jargon to Modern Russian “Simple Speech”. In: *Horizons of Modern Russian Language Studies*. International Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Academician Vitaly G. Kostomarov 30–31 January 2020. Moscow, 2020, pp. 158–165. (in Russ.)
- Zapryagaeva, M. Ya.** Speech Behaviour of Native Russian Literary Language Speakers (on Extension of Colloquial Speech Borders). In: *Sociocultural Aspects of Business Exchanges and Networking*. International Scientific Conference Dedicated to Days of Slavonic Literature and Culture. Ed. by A. M. Lomov. Voronezh, 2003, pp. 102–105. (in Russ.)
- Zhdanova, E. A.** The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Source of Information about Derivational Neologisms at the End of the 20th Century *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011, no. 6, iss. 1, p. 371–376. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Chernyshyov, V. I.** (ed.) Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes. Moscow; Leningrad: USSR AS, 1950–1965. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** (ed.) Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014, iss. 1, 776 p. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** (ed.) Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A – Vilyat'. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016, 672 p. (in Russ.)
- LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 16.04.2021).
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 16.04.2021).
- OED Online – Oxford English Dictionary Online. December 2020. Oxford University Press. Word entry “wow, n.2 and adj.”. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2387/view/Entry/230457?isAdvanced=false&result=3&rskey=RrCHPK&> (accessed 16.04.2021).
- OLD – Oxford Learners Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 16.04.2021).

List of Sources

- Aranea Web Corpora. URL: <http://aranea.juls.savba.sk> (accessed 16.04.2021).
- Araneum Russicum III Maximum. URL: http://aranea.juls.savba.sk/aranea/run.cgi/corp_info?corpname=AranRusi_a&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (accessed 16.04.2021).
- Google Books. URL: <https://books.google.com> (accessed 16.04.2021).
- Pelevin V.** Generation “P”. Stories. Moscow, Vagrius, 1999, 608 p. (in Russ.)
- Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 16.04.2021).

Информация об авторе

Ирина Олеговна Ткачева, кандидат филологических наук
SPIN 4470-7820

Information about the Author

Irina O. Tkacheva, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 4470-7820

*Статья поступила в редакцию 18.04.2021;
одобрена после рецензирования 10.05.2021; принята к публикации 01.06.2021
The article was submitted 18.04.2021;
approved after reviewing 10.05.2021; accepted for publication 01.06.2021*

Научная статья

УДК 811.512. 157'366.5

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-82-92

Именные конструкции вертикального уровня в якутском языке

Ирина Борисовна Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Аннотация

Грамматико-семантическое исследование именных конструкций в роли средств передачи метрولوجических понятий позволит дополнить общую картину изучения функциональной грамматики якутского языка. **Материалом** исследования послужили широко распространенные в народной культуре конструкции мер «вертикального уровня», полученные методом сплошной выборки из художественных произведений якутской литературы, фольклорных источников. **Цель** статьи – выявление структурно-семантических особенностей выражения именных конструкций на материале якутского языка. В качестве **объекта** исследования выбраны конструкции именного типа, выражающие высоту / рост предмета, глубину веществ, длину свисающих объектов.

Постулируется, что в якутском языке типичные конструкции с аффиксом орудного падежа *-нан* и с аффиксом дательного падежа *-ар*, *-гар* в сочетании с послелогами *диэри*, *дылы* и *тийэй* ‘до, вплоть до’, функционирующие в качестве средств выражения «вертикального уровня» (т. е. вертикальной протяженности, высоты и глубины) отличаются друг от друга не только по своей структуре, но и в семантическом плане. Для выявления функционально-грамматических грамматико-семантических особенностей именных конструкций со значением уровня использовались разные **приёмы**: морфоглоссирование с учетом лингвистической специфики языка, основанное на Лейпцигских правилах репрезентации текстов, метаязыковая передача значения уровня, описание семантических групп и подгрупп, семный анализ именной конструкции. Представлены также основные именные и послеложные конструкции со значением уровня; описан компонентный состав исследуемых единиц; рассмотрена и описана семантическая структура качественно-обстоятельственных единиц с количественным значением.

На материале исследуемых единиц установлено, что ситуация измерения вертикального уровня имеет свою когнитивную значимость, которая связана больше всего с антропоцентричностью языковой картины мира. Выявлены основные названия частей тела с аффиксом орудного падежа *-нан*, способные выступать в качестве показателей уровня, кроме *харах* ‘глаз’, *хаас* ‘брови’, *уос* ‘губа (ы)’, *тиис* ‘зуб(ы)’ и др. частей лица человека. Конструкции с предлогом орудного падежа *-нан* более статичны, больше используются с глаголами бытия, а конструкции с аффиксом дательного падежа *-гар* и послелогами *дылы*, *диэри*, *тийэй* ‘до, вплоть до’ больше показывают динамику, благодаря глаголам движения, достижения.

Ключевые слова

якутский язык, функционально-семантическая категория, грамматика и конструкция, мера, уровень

Для цитирования

Иванова И. Б. Именные конструкции вертикального уровня в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 82–92. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-82-92

© Иванова И. Б., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 82–92
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 82–92

Nominal Constructions of the Vertical Level in the Yakut Language

Irina B. Ivanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Abstract

At present, the grammatical and semantic study of nominal constructions as a means of conveying metrological concepts is believed to reveal the general picture of the study of the functional grammar of the Yakut (Saha) language. Widespread constructions obtained by the method of continuous sampling from Yakut imaginative literature and folklore serve as the material of the research. The purpose of the article is to identify the structural and semantic features of the expression of nominal structures on the material of the Yakut language. As the subject matter of the research, we chose constructions of a nominal type, expressing the height / growth of an object, the depth of substances, and the length of hanging objects.

It is postulated that in the Yakut language, typical constructions with the instrumental affix *-nan* and with the dative affix *-ar*, *-gar* in combination with the postpositions *dieri*, *dyly* and *tiye* 'do, up to' as means of expressing the level differ from each other not only in their structure, but also semantically. To identify the grammatical and semantic features of nominal constructions with the meaning of the level, different techniques have been used: morphoglossing, taking into account the linguistic specificity of the language, based on the Leipzig rules for the representation of texts, metalanguage transmission of the meaning of the level, description of semantic groups and subgroups, semantic analysis of the nominal structure.

The basic nominal and postpositional constructions with the meaning of the level are presented; the component composition of the studied units is described; considered and described is also the semantic structure of qualitative-adverbial units with quantitative meaning. Based on the material of the studied units, it has been established that the situation of measuring the vertical level has its own cognitive significance, which is mostly associated with anthropocentrism. The main names of body parts with the instrumental affix *-nan*, capable of acting as level indicators, except for *harah* 'eyes', *haas* 'eyebrows', *uos* 'lip(s)', *tis* 'tooth(s)', and other parts of a person's face are revealed. Constructions with the instrumental case preposition *-nan* are more static and are mainly used with the verbs of being; the constructions with the dative affix *-gar* and the postpositions *dyly*, *dieri*, *tiye* 'do, up to' show more dynamics, thanks to the verbs of movement and achievement.

Keywords

Yakut language, functional-semantic category, grammar and construction, measure, level

For citation

Ivanova, I. B. Nominal Constructions of the Vertical Level in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 82–92. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-82-92

Введение

В функциональной грамматике категория меры рассматривается как отдельный компонент пространственного комплекса, который объединяет языковые семантические категории, концептуализирующие идею измерения пространства. Одной из составляющих функционально-семантической категории меры является пространственное понятие уровня, которое можно классифицировать как дименсивное (от лат. *dimensio*), т. е. размерное [Золотова, 1988]. Вертикальные параметры имеют все предметы, у которых можно измерить высоту, рост, длину свисающих объектов (волос, одежды), глубину веществ, глубину вместилищ, высоту слоя и т. п. При этом важно отметить, что вертикальная протяженность (размер) уровня – это параметр, который в буквальном смысле измеряется не только абсолютными величинами, такими как сантиметр, метр, километр, сажень и др., но и часто как бы оценивается, т. е. определяется относительно какого-либо объекта, путем сравнения измеряемого объекта с наличным в ситуации ориентиром. Однако данные конструкции заслуживают отдельного внимания со стороны лингвистов, и в статье они не рассматриваются.

Основателем лингвистической теории грамматики конструкций является Чарльз Филмор [Fillmore et al., 1988]. Сегодня это направление довольно широко развито в США и Европе (А. Голдберг, М. Томаселло, У. Крофт и др.) [Goldberg, 2006; Tomasello, 2003; Croft, 2001]. В отечественном языкознании первопроходцем в грамматике конструкций считается Ю. Д. Апресян [Слово и язык, 2011, с. 548–557], который на основе глагольных конструкций сформулировал основополагающие постулаты о взаимовлиянии семантики и синтаксиса. Дальнейшее развитие этой области отечественного языкознания принадлежит Московской семантической школе (Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, О. Ю. Шеманаева и др.), Ленинградской и Новосибирской языковым школам (С. С. Сай, Л. А. Шамина и др.). В «Лингвистике конструкций» типологический анализ конструкций уровня представлен в главе «По колена, до плеча: конструкции уровня в типологической перспективе» [Рахилина, 2010, с. 95–102].

Для передачи лингвистической специфики языка на материале именных конструкций в исследовании был использован метод поморфемного членения, который позволяет наглядно представить информацию о значениях и грамматических свойствах индивидуальных слов и их морфологических формантов. Данный метод поморфемного глоссирования, основанный на Лейпцигских правилах репрезентации текстов (см. [Lekhmann, 2004] и др.), в якутском языкознании используется сравнительно недавно, но уже приобрел популярность (см., в частности, [Винокурова, 2016а; 2016б; Baker, Vinokurova, 2010; Danilova, Vinokurova, 2015; Ефремов, 2000; Иванова, 2016; 2017]). В этом же русле ведутся работы по функциональной грамматике и по моделированию конструкций функционально-семантических категорий языка.

Результаты и обсуждение

В якутском языке существуют канонические размерные конструкции, в которых формально выражены и измеряемый объект, и сравниваемый объект уровня: *тобукпунан уу* ‘вода по колено’ или *тобукпар диэри уу* ‘вода до колен’, где *уу* ‘вода’ – это измеряемый объект, а *тобук* ‘колени’ – объект уровня, относительно которого происходит оценка уровня воды. Грамматические отличия этих конструкций заключаются в имени существительном, стоящем в орудном падеже *-нан*, и наличии притяжательного существительного в дательном падеже *-ар*, *-гар* с послелогом *диэри*, *тиийэ* ‘до’. Рассмотрим их далее подробно.

1. Конструкция ‘Притяжательное существительное + *-нан*’

Проанализируем самую распространенную именную конструкцию с предикатом:

Noun	Noun-poss.3sg	Noun-1sg.INSTR	V
<i>Хаар</i>	<i>халына</i>	<i>тобукпунан</i>	<i>сылдьар</i>
Снег	глубина	колени (мое)	есть

‘Глубина снега до колена; глубина снега находится на уровне колена’.

Noun – имя, обозначающее объект, обладающий вертикальными параметрами, используется в сочетании с притяжательным именем:

Noun-poss.3sg – *үрдүгэ* / *унуоҕа* ‘высоты; роста’, *диригэ* ‘глубины’, *уһуна* ‘длины свисающих объектов’, *халына* ‘толщина’. Однако наличие притяжательного словосочетания (названия объекта и названия параметра) в речи не является обязательным, оно может быть подразумеваемым в некоторых контекстах.

Что касается ситуаций относительного измерения размеров, то здесь большую роль играет понятие ориентира, относительно которого определяется уровень. Такими ориентирами часто служат части тела человека. В ситуации измерения вертикального уровня они получают свою когнитивную значимость, которая, как было подчеркнуто ранее, неразрывно связана с антропоцентричностью языка и речевой деятельности [Рахилина, 2010, с. 135]: каждая из таких конструкций связана с морфологией человека и ориентирована на мировосприятие человека. В частности, в якутском языке существуют своеобразные «эталонные» почти точных

мер, созданные на основе частей тела (до пояса, по грудь, по горло), нижних и верхних конечностей (рук, ступней, головы) и расстояний между ними, которые легко представить визуально. Эти народные эталоны традиционны, но очень часто до сих пор используются в быту (можно сказать, стали условно точными мерами): *илии*, *тарбах* ‘рука, палец’, *уллунах* ‘стопа’ и др. В функции меры уровня такие части тела, как *илии* ‘рука’, *уллунах* ‘стопа’, встречаются не часто; они используются преимущественно для измерения длины или маленького расстояния. Но, известно, однако, что рост убитого (лежащего) медведя, охотники измеряют часто стопами, т. е. считают, сколько в его росте стоп, соотнося затем их число с «научными» мерами и с языковыми эталонами. Так, например, 12 стоп соотносятся с двумя метрами роста, а это значит, что такого медведя можно отнести к (оценочной) категории *аарыма кыыл* ‘громадный зверь’, имеющей огромное значение в мифологии охоты и дающее охотнику право гордиться своим достижением.

Следует отметить, что в якутском языке в качестве ориентиров были зафиксированы и другие объекты: части высоких, вертикальных природных или рукотворных предметов (ветка дерева, окно дома, здания и т. п.).

Noun-3sg.INSTR в анализируемой конструкции – это аффикс орудного (инструментального) падежа *-нан* (*-нэн*, *-нөн*, *-нон*), соответствующий творительному падежу русского языка. В якутском языке он является полифункциональным формантом, обозначающим в основном орудие или средство действия (*кыптыыйанан кырыйдым* ‘нарезал ножом’). Но, кроме того, он может также быть обстоятельством и обозначать характеристики места, у которого или над которым происходит описываемое действие (*күөл кытытынан ааһар суол* ‘дорога по берегу озера’, *ойуур үрдүнэн буруо көстөр* ‘над лесом виднеется дым’), обстоятельством образа действия (*ыксаалынан аһаатым* ‘поел торопливо’), обстоятельством причины действия (*президент ыйаабынан* ‘по указу президента’), обстоятельством времени (*биир ыйынан* ‘через месяц’) и т. д. Объект нашего исследования ограничен лишь существительными с формантом *-нан*, обозначающими вертикальный параметр уровня.

V – глагол (но формальное наличие глагола в речи является факультативным). Предикатную часть реализуют глаголы бытия *буол* ‘быть, стать’, *сырыт* ‘находиться’ и т. д., в семантику которых входит локативный компонент ‘находиться где-либо’. Тем самым в них подтверждается статичность данной конструкции, в ней как бы фиксируется определенная высота предмета.

Покажем на примере олонхо, как описывается в якутском эпосе рост человека:

Уоллара улаатан...
Үрдүгэ үрдүк тиити
Төргүү мутугунан холобурдаах,
Намыһах тиити
Кылаан чыпчахайынан холобурдаах
Kiһи буолла ...

‘Паренек вырос,
 Ростом стал
 До нижних ветвей
 Высоких деревьев,
 Или до верху кроны
 Низких лиственниц’
 (НьБС, с. 102–103).

Если из приведенного эпизода вычленим именную конструкцию с *-нан*, то получим повествовательное предложение с предикативной частью *холобурдаах* ‘с примером’:

Үрдүгэ үрдүк тиити

төргүү мутугунан холобурдаах

Үрдүг-э

Высота-poss.3sg

Высота (его)

төргүү

нижний

нижний

үрдүк

высокий

высокая

мутуг-унан

ветка-3sg.INSTR

ветка-ми

тиит-и

лиственница-ACC

лиственниц-у

холобур-даах

пример-PROP

пример-лаах.

Таким образом, мы выявили часто используемые формулы, обозначающие уровень высоты, рост. Далее рассмотрим, какие названия частей тела с аффиксом орудного падежа *-нан* могут выступать в качестве показателей уровня. Их список приводится в таблице.

Части тела человека как маркеры уровня
Human body parts as level markers

Часть тела	Пример текстовой реализации	Измеряемый параметр
<i>бэрбээкэй</i> ‘щиколотка’	<i>Бэрбээкэй-и-нэн охсуллар сабынньах</i> ‘Шуба длиной до щиколоток’.	Длина свисающего объекта
<i>моой</i> ‘шея’	<i>Моой-б-унан ууга түстүм</i> ‘Окунулся в воду по шее’	Глубина вещества
<i>тобук</i> ‘колени’	<i>Киини тобуг-у-нан хаар түспүт</i> ‘Выпал снег по колено человеку’	Глубина вещества
<i>такым</i> ‘подколенки’	<i>Такымынан охсуллар уһун сонноох</i> ‘пальто до щиколоток’	Длина свисающего объекта
<i>түөс</i> ‘грудь’	<i>Кини миэхэ түөс-п-үнэн сылдыар</i> ‘(Он) мне по груди’	Рост человека
<i>ис</i> ‘живот’	<i>Кини миэхэ ис-п-инэн сылдыар</i> ‘(Он) мне по животу’	Рост человека
<i>биил</i> ‘талия’ – <i>курданара</i> ‘пояс’	<i>Кини миэхэ биил-б-инэн сылдыар</i> ‘(Он) мне по талии’ <i>Киини курданар-ы-нан хаар түспүт</i> ‘Выпал снег по пояс человеку’	Рост человека
<i>хабарба</i> ‘горло’	<i>Хабарба-б-ынан ууга түстүм</i> ‘Попал по горло в воду’	Глубина вещества
<i>сарын</i> ‘плечо’	<i>Вася миэхэ санны-б-ынан сылдыар</i> ‘Вася мне по плечо’	Рост человека
<i>төбө / бас</i> ‘голова’	<i>Биир төбө-нөн үрдүк</i> ‘на голову выше’. <i>Өрөгөчөй кэккэлэһэ олобугар абатыттан моонньоох баһынан</i> куотан, үрдээн көстүбүтэ (Далан, с. 59) ‘Когда сел Ерегечей рядом с отцом, было видно, что он выше отца на голову с шеей’.	Рост человека

Тип антропоцентрической конструкции ‘притяжательное существительное со значением части тела *+нан*’ обозначает три параметрических вида состояний измеряемого объекта, локализуя его в пространстве относительно ориентира через уровень. Однако реализация этой семантики зависит от типа измеряемого объекта.

1.1. Первый тип обозначает уровень, а именно **длину свисающих объектов** (одежда (платье, пальто), волосы). *Бакамда... бэрбээкэйинэн охсуллар сабынньабы кэппитэ* (Далан, с. 30) 'Бакамда надел длинную шубу до щиколоток'.

1.2. Второй тип антропоцентрической конструкции 'притяжательное существительное со значением части тела + *-нан*' показывает через название части тела в орудном падеже **уровень высоты или глубины подвижных слоев**, как вода, снег, грязь, песок и т. д. В этом случае измеряется толщина слоя того вещества, в которое погрузился или может погрузиться человек в сложившихся условиях: *киһини тобуг-у-нан хаар түспүт* 'снег выпал по колено'.

1.3. Следующая антропоцентрическая конструкция с орудным падежом 'существительное со значением верхних частей тела (голова и шея) + *-нан*' используется при описании **роста** человека: *Биир төбө-нөн үрдүк* 'на голову выше'. *Өрөгөчөй кэккэлэхэ олорбутугар абатыт-тан моонньоох баһынан куотан, үрдээн көстүбүтэ* (Далан, с. 59).

Антропоцентрическая конструкция 'притяжательное существительное со значением части тела + *-нан*', показывающая длину свисающего объекта, а также количество вещества через **степень погруженности** в ту или иную среду, маркируется только частями тела человека: *моой-бу-нан ууга батары түстүм*. Видно, что орудный падеж примыкает только к названиям частей тела человека, а также при обозначении роста человека название части тела употребляется без притяжательной формы. Чаще всего в качестве прототипического маркера используются зоны таких частей тела, которые наиболее выступают, визуальны выделяются.

Отметим, что в качестве маркеров уровня нами не зафиксированы следующие названия частей тела: *харах* 'глаз', *хаас* 'брови', *уос* 'губа(ы)', *тиис* 'зуб(ы)' и др. части лица человека. В антропоцентрических конструкциях маркер уровня в виде существительного со значением части тела в притяжательной форме с аффиксом орудного падежа *-нан* сочетается в основном с глаголами бытия: *сырыт* 'находиться', *буол* 'есть; стать' и т. д., что говорит о его статичности. А в сочетании с другими глаголами обозначает различные явления, включая абстрактные, например с глаголом *тэл* 'преодолевать': *түөс-к-үнэн тэл* 'преодолевать трудности, препятствия' и т. д.

2. Конструкции уровня с послелогоми *диэри*, *дылы*, *тийэй* 'до; вплоть до'

Noun-3sg.DAT	Postp	Adj + Noun
<i>Тобугар</i>	<i>диэри</i>	<i>уһун баттах</i>
Колено	до	длинная коса
'Длина косы до колен'.		

Noun-3sg.DAT	Postp	Noun	V
<i>Сарайыгар</i>	<i>диэри</i>	<i>уу</i>	<i>ылбыт</i>
Крыша	до	вода	захватила
'Вода захватила до крыши'.			

Конструкция считается послеложной, так как ее базовый элемент – имя – сочетается с неизменяемым служебным словом, а именно с пространственным предлогом или послелогом (*дьөһүөллэр*), функциональным значением которого является достижение предела в пространстве. В этой функции в якутском языке нами было зафиксировано три синонимичных послелога со значением 'до': *диэри*, *дылы* и *тийэй*. Конструкции с предлогами *диэри*, *дылы*, *тийэй* 'до' несут конкретную информацию о направленности и достижении ориентира: 'направление / локализация + предельность'. Для предельного значения важны две составляющих – направление и локализация. На направление указывает ориентир в качестве притяжательного именного словосочетания. Отглагольный послелог *тийэй* 'до; вплоть до' образован от глагола направленного движения, достижения *тийий* 'достигать'.

Сопоставление семантических различий собственно послелогов *диэри* / *дылы* в речи показывает, что *диэри* обладает конкретным значением предельности конечной точки, а *дылы* наделен, помимо предельности, уподобительным значением, поскольку в некоторых контек-

стах он приобретает сравнительное значение ‘как; подобно’: *тобо бабас куттаһай, куобахха дылы буолан* ‘до чего же пугливый, как заяц’. Конструкции могут иметь дополнительное переносное значение, метафорически выражая большой размер или количество чего-либо, как, например, в выражении *хабарбатыгар дылы симиммит* ‘букв. положил в себя по горло’.

В данной конструкции название ориентира (например, *тобук* ‘колено’, *сарай* ‘крыша’) имеет форму дательного падежа, что объясняется их сочетаемостью с пространственными послелогоми *тийийэ, диэри, дылы* ‘до; вплоть до’, которые управляются дательным падежом. Предельность маркируется падежным показателем, который присоединяется к эталону сравнения. В отличие от первой конструкции, мы видим, что во второй с послелогоми могут сочетаться обозначения любых частей тела человека или любого вертикального неодушевленного предмета: здания, сооружения, горы и т. д.

Рассмотрим далее функционально-семантические особенности конструкций с послелогом *диэри, дылы, тийийэ* ‘до, вплоть до’.

2.1. Длина свисающих объектов. Данный параметр характеризуется в речи высокой частотностью. Он определяется визуально со стороны носителя объекта и наблюдателя за ним сзади, а именно через *сарын* ‘плечи’, *сарын байаата* ‘нижний угол лопатки человека’, а также через нижние части тела – *такым* ‘подколенки’, *бэрбээкэй* ‘щиколотки’, *тилэх* ‘пятки’. В тексте всякий раз эксплицитно указывается место (верхняя точка), на которой завершается длина измеряемого объекта:

Өрөгөчөй хоһуун... саннын байаатыгар тийийэ түспүт ыас хара баттахтаах... эдэр киһи этэ (Д ТО 54). ‘Удалец Ерегечей был юношей с иссиня-черными длинными волосами, свисающими на плечи’.

Бэрбээкэйигэр тийийэр уһун тайах тириитэ соно хаан билик буолбут этэ (Далан, с. 74). ‘Его длинное до шиколоток пальто всё было в крови’.

2.2. Глубина воды, снега, грязи и других веществ. В данном случае подразумеваются все природные субстанции, в которые можно погрузиться физически или в воображении (представляя себе это погружение). Параметр измеряется в направлении снизу вверх, а в качестве ориентира обозначается верхняя точка достигнутого уровня. Этот параметр связан со следующими типичными ориентирами: *муннугар диэри* ‘до носа’, *хоннох анныгар* ‘до подмышек’, *кэтэбэр диэри* ‘до затылка’, *дьиэ түннүгэр тийийэ* ‘до окон’, *сарайыгар диэри* ‘до крыши’ и т. п. В связи с тем, что ориентиры являются выступающими частями чего-либо, часть конструкции Noun-3sg.DAT имеет форму притяжательности:

Дьөгүөрдээн хоннобун анныгар диэри ууга киһрдэ (Амма Аччыгыйа, с. 72). ‘Егордан вошел в воду до подмышек’.

2.3. Высота измеряемого объекта (рост человека, высота любого предмета: дерева, здания, горы, камни, скалы и т. д.). Данная конструкция используется также для квантификации высоты перечисленных одушевленных и неодушевленных объектов, хотя и редко. Низкая частотность ее употребления связана, по нашему мнению, с тем что, высота и рост являются, как правило, фиксированными параметрами, в них нет направленного движения, перемещения вверх / вниз. Отметим также, что в понятие «рост» входит сема «имеет в качестве своей составной части представление об отрезке измеряемой величины (длины, высоты, глубины)», зафиксированном между двумя ориентирами, один из которых является исходной точкой и выражается аффиксом исходного падежа *-ттан*:

Баһыттан атабар диэри... муус манан таба тириитэ танастаах буолар (Далан, с. 47). ‘С головы до ног одета в бело-снежную одежду из оленя’.

Таким образом, в семантической структуре именных конструкций, в которых именами управляют пространственные послелог *диэри, дылы, тийийэ* ‘до; вплоть до’, мы видим динамическую картину достижения конкретного места на теле человека по направлениям вверх

или вниз, причем предельная точка протяженности указывается точно. В связи с этой характерной особенностью данной конструкции, мы можем также констатировать, что она не так часто используется при выражении высоты или роста предметов, до которых нельзя дотянуться руками, достать их, в силу фиксированности параметра. Однако понятие отрезка длины, ограниченной исходной и предельной точками, остается актуальным для данной конструкции, показывая некую динамику процесса. Этот маркер уровня сочетается с глаголами движения, погружения, достижения.

3. Конструкции с параметрическими прилагательными

Adj + Noun

Үрдүк дьиэ

‘Высокий дом’

Следующий вид распространенного способа определения уровня – это адъективные конструкции, т. е. конструкции с **параметрическими** прилагательными, в состав которых входят какое-либо описательное прилагательное и название измеряемого объекта. Они также известны как атрибутивные размерные конструкции, выражаемые прилагательными, – *үрдүк дьиэ* ‘высокий дом’, *намыһах устуул* ‘низкий стул’ и т. д.

В якутском языке, помимо *үрдүк* ‘высокий’ / *намыһах* ‘низкий’, есть прилагательные, описывающие рост людей, животных, великое множество, например: *сүөдэгэр*, *суодабар*, *уодабар*, *өгдөгөр*, *лохсобор*, *ныылбыгыр*, *унньугур*, *кэндэбэр*, *дьондобор*, *дьоробор*, *дьылыгыр* и т. д. Они образно выражают не только вертикальный уровень – рост человека, но и другие параметры внешнего вида (телосложение, фигура и т. д.). При этом структура значений образных прилагательных якутского языка отличается сложностью содержания, своеобразием семантического компонента лексического значения [Егинова, 2014, с. 19], поэтому зачастую их невозможно эквивалентно перевести на иностранные языки.

Оппозиция параметрических прилагательных *үрдүк* / *намыһах* ‘высокий / низкий’ встречается в определении уровней скал, гор, деревьев, зданий, роста человека, причем часто в сочетании с частицами-интенсификаторами *олус* ‘очень’, *аһара* ‘сверх’, *наһаа* ‘слишком’ и др.: *Ойуччу үрдүк унуохтаах уол* ‘Самый высокий парень’; *Балачча үрдүк томтор* ‘Довольно высокий холм’; *Сүдү улахан чаллах тиит* ‘Крупная ветвистая лиственница’; *Аарыма күтүр* ‘Огромный хищник’.

Существуют также прилагательные-антонимы (*дириг* / *чычаас* (*дьара*) ‘глубокий / мелкий’), описывающие уровень жидкости (*уу* ‘вода’, *бадараан* ‘грязь’, *хаар* ‘снег’ и т. д.): *Олус бөдөн соболор чычаас, дьара ууга... иэннэринэн ууну лаһыйаллара* (Далан, с. 57). ‘Крупные карси бултыхались в неглубокой воде’.

Толстый слой снега описывается выражением *дириг хаар* ‘глубокий снег’, но только тогда, когда в него можно провалиться; когда же речь не идет о погружении, а лишь о визуальной констатации его глубины наблюдателем «со стороны», то она передается другим словосочетанием: *халын хаар* ‘толстый снег’. Показателен пример описания *хомурах* ‘слой снега’ в художественной литературе, в ситуации, когда лось проваливается в снег: *Тайах дириг хомурахха ыараханнык сүүрэрэ...* (Далан, с. 12). ‘По толстому снегу лосю трудно было бежать’.

А в ситуации с человеком, передвигающемся на лыжах, когда лыжи не проваливаются в снег, а едут по толстому слою снегу, уместно прилагательное *халын* ‘толстый’: *...халын хомурахтар үрдүлэринэн Даҕанча... хайыһара аллаахтык халыһыйара* (Далан, с. 10). ‘Лыжи Даганчи резво скользили по толстому слою снега’.

На наш взгляд, адъективная размерная конструкция является в якутской речи более распространенной, чем две предыдущие конструкции. Однако подтвердить это наблюдение можно только посредством масштабного статистического исследования.

Заключение

В якутском языке, как и в языке других народов с богатым литературным прошлым, имеются как универсальные, так и свои характерные языковые средства для функционально-семантического выражения системы мер и величин. Сказанное распространяется, в том числе, на способы обозначения вертикальной размерности (протяженности объектов) или вертикального уровня, определяемого параметрами высота / рост (предметов), длина (свисающих объектов), глубина (слоя природных веществ). Для их измерения широко используются, в частности, три именные конструкции, прямо или описательно указывающие количественную меру выраженности вертикального уровня каждого из параметров. Способы и средства измерения вертикального уровня в языке имеют свою когнитивную значимость, альтернативную научным мерам измерения. Она связана больше всего с антропоцентричностью, с наивным традиционным сознанием человека, его культурной историей, воображением и переживаниями.

Выявлены основные названия частей тела с аффиксом орудного падежа *-нан*, способные выступать в качестве показателей уровня (кроме *харах* 'глаз', *хаас* 'брови', *уос* 'губа(ы)', *тиис* 'зуб(ы)' и др. частей лица человека). Установлено, что в антропоцентрических конструкциях маркер уровня в виде существительного со значением частей тела в притяжательной форме с аффиксом орудного падежа *-нэн* сочетается в основном с глаголами бытия: *сырыт* 'находиться', *буол* 'есть; стать' и т. д.

В семантической структуре именной конструкции, в которых именами управляют пространственные послелоги *диэри*, *дылы*, *тиийэ* 'до; вплоть до', наблюдается динамика достижения определенного места по направлениям вверх / вниз, точно указывается предельная точка их протяженности, иногда эксплицитно обозначается и исходная точка. Из-за этой особенности конструкции она редко используется для выражения высоты и роста предметов, до которых нельзя дотянуться, которые невозможно достать, так как высота и рост являются фиксированными параметрами. Но она активно используется для обозначения глубины объектов, которая достигается при погружении во что-либо (снег, вода и т. п.), и измерения длины свисающего объекта. Этот маркер уровня сочетается с глаголами движения, погружения, достижения.

Выявлено, что исследованные ситуации несколько отличаются друг от друга не только по своей структуре, но и в семантическом плане. Конструкции с предлогом орудного падежа *-нан* более статичны, чаще используются с глаголами бытия, а конструкции с аффиксом дательного падежа *-гар* и послелогами *дылы*, *диэри*, *тиийэ* 'до, вплоть до' более динамичны благодаря глаголам движения и достижения, ориентированным на предельную точку их распространения. По поводу адъективной конструкции, заметно отличающейся от двух первых формул, нужно отметить, что она является наиболее частотной, но при этом ее семантика более абстрактная, чем у послелоговых конструкций. Факт популярности адъективной конструкции объясняется, вероятно, тем, что якутский язык очень богат специфическими, как правило, образными прилагательными, которые активно используются в якутской литературе.

Список сокращений

ACC – accusative / винительный падеж; DAT – dative / дательный падеж; INSTR – instrumental / орудный падеж; Noun – имя существительное; Poss – possessive / форма принадлежности; sg – singular / единственное число; PROP – proprietive / аффикс обладания *-лаах*

Список литературы

- Винокурова Н. И.** Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016а. № 4 (17). С. 91–99.
- Винокурова Н. И.** Лейпцигские правила глоссирования. Конвенции для подстрочных поморфемных глосс // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016б. № 4 (17). С. 85–91.
- Египова С. Д.** Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 232 с.
- Ефремов Н. Н.** К проблематике формульности предложений олонхо (в контексте особенностей системы, структуры якутского языка) // Олонхо – духовное наследие народа саха: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. М. Махарова, Ж. К. Лебедевой, В. М. Никифорова и др. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. С. 150–160.
- Золотова Г. А.** Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
- Иванова И. Б.** Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 80–85.
- Иванова И. Б.** Эпические формулы с количественным значением в тексте якутского олонхо // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 37–42. DOI 10.25205/1818-7935-2017-15-4-37-42
- Рахилина Е. В.** Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Апресяна / Под ред. Л. П. Крысина. М.: ЯСК, 2011.
- Baker, M., Vinokurova, N.** Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*, 2010, no. 28 (3), pp. 593–642.
- Croft, W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Uni. Press, 2001.
- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two different approaches to Sakha passives. *Altay Hakpo*, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of “let alone”. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Goldberg, A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006.
- Lekhmann, Chr.** Interlinear morphemic glossing. In: Booij G., Lekhmann Chr., Mugdan J., Skopeteas S. *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Berlin, W. de Gruyter, 2004, pp. 1834–1857.
- Tomasello, M.** Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition. Cambridge (MA), Harvard Uni. Press, 2003.

Список источников

- Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. 1970. 632 с.
- Далан. Сирота. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1983. 352 с.
- Д ТО 54 – Далан. Тулаайах оҕо. Якутск, 1983. 352 с.
- НьБС – Ньургун Боотур Стремительный: Богатырский эпос якутов. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. Вып. 1. 410 с.

References

- Baker, M., Vinokurova, N.** Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*, 2010, no. 28 (3), pp. 593–642.
- Croft, W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Uni. Press, 2001.

- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two different approaches to Sakha passives. *Altay Hakpo*, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Efremov, N. N.** K problematike formulnosti predlozhenij olonho (v kontekste osobennostej sistemy, struktury yakutskogo yazyka). In: Makharov E. M., Lebedeva Zh. K., Nikiforov V. M. et al. (eds.). *Olonho – dukhovnoe nasledie naroda sakha* [Olonkho – spiritual heritage of the Sakha people]. Yakutsk, 2000, pp. 150–160. (in Russ.)
- Eginova, S. D.** Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with Buryat and Kyrgyz languages). Novosibirsk, Nauka, 2014, 232 p, (in Russ.)
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of “let alone”. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Goldberg, A.** *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2006.
- Ivanova, I. B.** Epic formulas with a quantitative value in the text of the Yakut olonkho. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 37–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2017-15-4-37-42
- Ivanova, I. B.** Language means of expressing measures of volume and weight in the Yakut language. *North-East Humanitarian Bulletin*, 2016, no. 4 (17), pp. 80–85. (in Russ.)
- Krysin L. P.** (ed.). *Word and language. A collection of articles for the 80th anniversary of Yu. D. Apresyan*. Moscow, YASK, 2011. (in Russ.)
- Lekhmann, Chr.** Interlinear morphemic glossing. In: Booij G., Lekhmann Chr., Mugdan J., Skopeteas S. *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Berlin, W. de Gruyter, 2004, pp. 1834–1857.
- Rakhilina, E. V.** *Linguistics of constructions*. Moscow, Azbukovnik, 2010, 584 p. (in Russ.)
- Tomasello, M.** *Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition*. Cambridge (MA), Harvard Uni. Press, 2003.
- Vinokurova, N. I.** Glossing as a method of representing texts in the Yakut language. *Northeast Humanitarian Bulletin*, 2016, no. 4 (17), pp. 91–99. (in Russ.)
- Vinokurova, N. I.** Leipzig glossing rules. Conventions for Subscriptive Pomorphemic Gloss. *North-East Humanitarian Gazette*, 2016, no. 4 (17), pp. 85–91. (in Russ.)
- Zolotova, G. A.** *Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow, Nauka, 1988, 440 p. (in Russ.)

List of Sources

- But Not Enough. Spring period. 1970. 632 c.
- Dalan. Orphan. Yakutsk, Yakutsk Book Publ., 1983. 352 p. (in Russ.)
- Dalan. Orphan. Yakutsk, 1983. 352 p. (in Yakut)
- Nyurgun Bootur Swift: Bogatyr epic of the Yakuts. Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1947, iss. 1, 410 p. (in Yakut)

Информация об авторе

Ирина Борисовна Иванова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Irina B. Ivanova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 05.04.2021;
одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 15.05.2021
The article was submitted 05.04.2021;
approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 15.05.2021*

Научная статья

УДК 372.881.111.1

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-93-102

Мнемонические приемы в английском лингводидактическом дискурсе

Александр Владимирович Калашников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

avkalashnikov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2909-9994>

Аннотация

Исследуются современные англоязычные мнемонические приемы как часть лингводидактического дискурса в рамках обучения английскому языку и языковые структуры, используемые для их реализации: предложения, акронимы, аббревиатуры и стихотворения. Практический материал исследования составил 54 единицы. Основное внимание в статье обращено на значительное число мнемоник, созданных на основе осмысленного текста, представленных предложениями, и мнемоник-акронимов, именуемых омоакронимами, обладающих омонимичным сходством с общей лексикой. При этом, мнемоники, не обладающие сходством с другими словами применяются как средство запоминания реже. Приемы запоминания в статье изучались с привлечением в основном англоязычных и российских источников, изданных после 2000 года. Мнемонические приемы как лингвистическое явление стали активно изучаться только в последние годы. В работах обзорного характера примеры мнемоник тематически относились к географии, биологии, астрономии, истории и музыке. Для проведения исследования мнемоники были распределены по структурному признаку. Затем были выявлены мнемоники-предложения и мнемоники, омонимичные существующим лексическим единицам, омоакронимы. В материале исследования из 54 единиц выявлено 22 предложения, 3 стихотворения, 17 акронимов и 12 аббревиатур. Наиболее распространенной мнемонической структурой оказалось предложение, а наименее частой – стихотворение. Среди примеров было обнаружено только 13 единиц, которые не основаны на предложениях или омоакронимах: 12 аббревиатур и 1 акроним первичной номинации. Анализ структурных типов показал численное превосходство мнемоник со структурами в виде предложений и омоакронимов. Таким образом, в исследовании подтвердилось ранее высказывавшееся предположение о частом использовании мнемоник в форме предложений, превысившие в выполненном анализе доли остальных структур. Омоакронимы, в свою очередь, составили большую долю по сравнению с акронимами и аббревиатурами первичной номинации, а также стихотворениями. Значительная доля мнемоник в виде предложений и омоакронимов позволяет рассматривать их как продуктивный способ создания приемов для облегчения запоминания. Помимо прочего, обнаружены свойства структур мнемоник, в частности, применение бессоюзной связи в мнемониках, составленных в форме акронимов и аббревиатур и распространенность мнемоник из 3–4 компонентов. Дальнейшее изучение структур мнемоник будет способствовать исследованию слов-сокращений и функционированию мнемоник как части лингводидактического дискурса.

Ключевые слова

мнемоника, аббревиатуры, номинация, гендиатрис, омоакрним, акроним

Для цитирования

Калашников А. В. Мнемонические приемы в английском лингводидактическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 93–102. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-93-102

© Калашников А. В., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 93–102
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 93–102

Mnemonic Aids in Linguodidactic Discourse

Alexander V. Kalashnikov

National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

avkalashnikov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2909-9994>

Abstract

The article examines modern English memory aids as part of linguodidactic discourse in teaching English, and the patterns of mnemonic devices represented by sentence, acronym, abbreviation and verse. The empirical material of the research incorporates 54 units. The focus is made on an extensive number of mnemonics compiled as a meaningful text and the patterns of the devices in the form of a sentence, and the mnemonic acronyms homonymous to general vocabulary, i. e. homoacronyms. At that, the mnemonic aids which are not similar to other words, are not so often used as mnemonic devices. The mnemonic devices in the paper have been studied on the basis of the English and Russian sources published in the 21st century.

Mnemonic devices have become part of research only in recent years. Previously mnemonics were studied within the framework of pedagogical discourse in teaching Geography, Biology, Astronomy, History, and Music. In the present research the mnemonics related to teaching English were distributed by structure. Afterwards, mnemonic sentences and the mnemonics homonymous to the existing lexemes were identified. The analysis of the structures showed the domination of the mnemonics structured as sentences and homoacronyms. 54 units of mnemonics under study were presented in the form of 22 sentences, 3 verses, 17 acronyms and 12 abbreviations. The most common structure proved to be a sentence, while the least common one was verse. The mnemonics considered contained only 13 units which were not sentences or homoacronyms: 12 abbreviations and 1 acronym of primary nomination. The examination of the structures showed the domination of the mnemonics organized as a sentence or a homoacronym. The research confirms the assumptions made earlier on the frequent use of sentence mnemonics, which, as it turned out, exceed the shares of the other mnemonic patterns. In their turn, homoacronyms made up a larger share compared to acronyms and abbreviations with no reference to general English words or verse. Thus, we can consider these structures (sentences and homoacronyms) within English teaching as part of pedagogical discourse. To sum it up, while compiling mnemonic aids, preference should be given to sentences or homoforms based on the vocabulary, while verses and abbreviations might be used economically. The article has also revealed additional features of mnemonics, in particular applying asyndeton in acronyms and abbreviations, the average number of 3 or 4 components in a mnemonic aid. Studying such structures will contribute to examining shortened forms and functioning of mnemonics in linguodidactic discourse.

Keywords

mnemonic aids, abbreviations, nomination, hendiartys, homoacronym, acronym

For citation

Kalashnikov, A. V. Mnemonic Aids in Linguodidactic Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 93–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-93-102

Введение

В рамках педагогического дискурса [Поспелова, 2009] и, особенно, его разновидности, лингводидактического дискурса [Вишнякова, Климанова, 2017, с. 50], относящегося к преподаванию иностранных языков, представляется актуальным изучение применяющихся в обучении мнемоник. Мнемоники по своей форме представляют собой такие структуры, как стихотворения, предложения и аббревиатуры. Они остаются актуальными и как средство речевой выразительности. В частности, на международных конференциях преподавателей иностранных языков 2020 и 2021 гг. основные направления в работе мероприятий были сформулированы в виде мнемонической аббревиатуры ЕЕЕ, т. е. *Experience, Excellence, Expertise*¹, и мнемонического акронима LED, понимаемого как *Language, Education, Development*². Разнообразие применения способов мнемоники обусловлено не в последнюю очередь распространенностью этого приёма запоминания на протяжении длительного периода

¹ 'Опыт, превосходство, компетентность'.

² 'Язык, образование, развитие'.

в учебных заведениях, например при обучении логике в Средние века [Cunningham, 2018, p. 325].

Однако мнемоники менее изучены как лингвистическое явление. В статье, восполняющей этот пробел, будет утверждаться, что мнемоники, предназначенные для обучения английскому языку, преимущественно составляют в форме осмысленного текста на основе предложения или омоакронима. При этом новообразованные сокращения, не обладающие сходством с существующими лексемами, используются как средство запоминания реже. Предположение о важности наличия в мнемоническом приёме компонентов существующей лексики отмечает современная исследовательница методов облегчения запоминания Ф. Макферсон [McPherson, 2018, p. 22], но обоснований верности этого утверждения ею не предоставлялось.

В данной статье количественное преобладание тех или иных мнемонических структур и важность привлечения для их создания уже существующих лексических средств будут исследованы на основе их представительной выборки из английских текстов лингводидактического содержания. Предварительная проверка гипотезы была проведена нами на материале обзорных работ по мнемонике Дж. Баркрофта [Barcroft, 2013], Н. Матер и Л. Джаффе [Mather, Jaffe, 2016]. В этих двух работах описываются мнемоники по разным областям знаний: географии, истории, английскому языку, музыке, математике, биологии. В совокупности они составили 10 единиц, из которых 6 омоакронимы, 1 аббревиатура, 2 предложения и 1 стихотворение. Таким образом, это предварительное исследование указывает на преобладание в дидактике именно омоакронимов по сравнению с другими структурами.

Выявленное соотношение структурных типов мнемоник позволит создавать в дальнейшем аналогичные мнемоники с учетом их предпочтительности для преподавания иностранных языков. Для обоснования рабочей гипотезы необходимо выявить мнемоники, актуальные для обучения английскому языку, классифицировать их по формальному признаку по группам: стихотворные, предложения и сокращения.

Принимая во внимание недостаточную изученность проблематики современных мнемонических приёмов, мы считаем целесообразным дать определения редких или недавно вошедших в лингвистический оборот базовых терминов, которые фигурируют в статье.

Омоакроним – «это акроним, который по графической и фонетической форме омонимичен общеупотребительному слову» [Зубова, 2009, с. 11]. В справочнике по английскому языку Т. Макалтура это понятие именуется мнемоническим акронимом [McArthur et al., 2005, p. 39]. Примером мнемонического омоакронима служит аббревиатура TREE, предложенная психологом К. Р. Харрис [Mather, Jaffe, 2016, p. 562; Shora, Hott, 2016, p. 14]. Как видим, она идентична по своему буквенному и фонемному составу слову *tree* ('дерево').

Гендиатрис понимается как фигура речи, представляющая собой «перечисление из трёх слов для выражения главной идеи или понятия» [Howard, 2018, p. 77]. Примером мнемоники, содержащей гендиатрис, является аббревиатура TTT, в которой трижды повторенная буква *t* соотносится с тремя словами (*test*, *teach*, *test*), раскрывающими главный принцип кооперативного обучения [Tunpsay, 2013, p. 264]: (входной) тест – обучение – (выходной) тест.

Некоторые из выявленных мнемоник относились к методике преподавания и, в частности, к направлению «кооперативное обучение, или метод совместной учебной деятельности». Вместе эти компоненты кооперативного обучения образуют в английском языке PIES, омоакроним по отношению к *pies* – 'пироги'. Эта мнемоника, предложенная американским психологом С. Каганом, содержит четыре буквенных компонента для понятий: *positive interdependence* (позитивная взаимозависимость), *individual accountability* (личная ответственность), *equal participation* (равное участие), *simultaneous interaction* (одновременное взаимодействие) [Mohammed, 2017, p. 33].

1. Обзор литературы

Приемы запоминания в статье изучались с привлечением в основном англо- и русскоязычных источников, изданных после 2000 г. Исследователи мнемоник обращали внимание на распространенность предложений и омоакронимов как средства составления мнемоник. Исследователи Дж. Расселл и Ф. Макферсон отмечали популярность мнемоник в форме предложений и омоакронимов [Russell, 2018, p. 9; McPherson, 2018, p. 22], но Ф. Макферсон подчеркивала, что мнемоники-предложения применяются чаще. Вместе с тем упомянутые особенности функционирования мнемоник не были подтверждены на основе фактических сведений.

Для изучения мнемоник, обладающих сходством с существующей в языке лексикой, важный вклад был сделан созданием в российской лингвистике понятия «омоакроним» [Зубова, 2009, с. 11]. Это понятие позволило точнее классифицировать сокращения в целом и мнемоники-сокращения в частности, которые обладают омонимическим сходством с лексикой общего языка. Следует отметить самоучитель В. Державиной [2020], одно из недавних российских учебных пособий, в котором мнемонике предлагается использовать для изучения правописания в английском языке.

Искусство запоминания как историческое, так и современное явление исследовалось в последние годы, в частности, в работах философов и психологов [McPherson, 2018; Russell, 2018; Mertens, 2018]. Мнемонические приемы как лингвистическое явление стали активно изучаться только в последние годы, в том числе в словарях по лингвистике, изданных в Великобритании [Barcroft, 2013; McPherson, 2018]. В этих изданиях современное развитие мнемоники освещено достаточно подробно. Следует отметить, что справочник по английскому языку под редакцией лингвиста Т. Макарута стал одним из первых изданий, в котором мнемонические приемы были включены в состав аббревиатур [McArthur et al., 2005, с. 38].

В работах обзорного характера примеры мнемоник тематически относились к географии, биологии, астрономии, истории и музыке. Из приёмов, связанных с изучением английского языка, в этих публикациях упоминалась только мнемоника для запоминания союзов (FONYBAS: *for, or, nor, yet, but, as, so* [McArthur et al., 2018, p. 36] и стихотворение для запоминания правописания (*I before e, except after C* [McPherson, 2018, p. 33]). Таким образом, мнемоники по изучению английского языка не изучались как отдельная тематическая группа способов запоминания.

Мнемонические приемы содержатся в справочных изданиях для школьников, пособиях по подготовке к школьным экзаменам, вступительным экзаменам в университет и в учебниках по медицинским специальностям [Agarwal, 2019; Parmar, 2019]. Многие работы посвящены рекомендациям по созданию мнемонических приемов учащимися [Ревина, 2017; Тихоненко, Лазина, 2018]. Мнемоники обсуждаются в работах по педагогике и инклюзивному образованию [Boyle, Scanlon, 2009; Shora, Nott, 2016]. В работе Бойла и Сканлона [Boyle, Scanlon, 2009] предлагается большое число мнемоник, предназначенных для обучения учащихся с нарушением в развитии. Все эти мнемоники имели форму омоакронимов, например STOP (*stop* – ‘остановиться’), ANSWER (*answer* – ‘ответить’) [Cunningham, 2018]. В целом дальнейшее изучение структур таких приемов будет способствовать изучению обширной и разнообразной группы мнемоник по обучению английскому языку.

2. Методология и методы исследования

Материал исследования представлен мнемоническими приёмами для обучения английскому языку, используемыми в XXI в. Поиск примеров проводился по учебным и научным источникам [Evans, 2009; Latham-Koenig et al., 2012; Parkinson, 2007; Boyle, Scanlon, 2009; Shora, Nott, 2016; Tuncay, 2013], что предполагало признание мнемонических приёмов педагогическим и научным сообществом. При выборе изучаемых единиц не учитывались приме-

ры, упоминаемые только в Интернете. В связи с этим ограничением некоторые приёмы, которые использовались или используются в практике, не вошли в материал исследования. Таким образом, мнемоники в данном исследовании хотя и даны в достаточно репрезентативном объеме, не образуют окончательного перечня. Тем не менее, объем материала вполне достаточен для обоснования гипотезы о преобладании мнемоник по обучению английскому языку, основанных на предложениях и омоакронимах.

Основные этапы данного исследования были следующими. Мнемоники по обучению английскому языку были классифицированы по структурному признаку: стихотворение, предложение, акроним и аббревиатура. Отдельную группу составляют мнемоники первичной номинации. Материал по каждой из групп представлен в числовом и процентном соотношении. Примеры выделены курсивом, начальные буквы, относящиеся к компонентам мнемонических приёмов, выделены полужирным шрифтом.

3. Результаты исследования

В материале исследования, составляющем 54 единицы, выявлено 22 предложения (40,7 %), 3 стихотворения (5,5 %), 17 акронимов (31,4 %) и 12 аббревиатур (22,2 %). Наиболее распространенным структурным типом стало предложение, а наименее частой – стихотворение. Среди примеров было обнаружено только 13 (24,07 %) единиц, которые не основаны на предложениях и омоакронимах: 12 аббревиатур и 1 акроним первичной номинации. Значительное число мнемоник в форме акронимов и аббревиатур, 29 из 54 (53,7 %), позволяет отнести такие приемы к отдельному виду сокращений. Предложения и омоакронимы оказались преимущественно стилистически нейтральными. Выражения или словосочетания (за исключением единичного случая) в качестве мнемоники для обучения английскому языку выявлены не были.

Предложения для запоминания правописания можно, в целом, считать структурами, обладающими чертами комбинаторной литературы, суть которой заключается в составлении текста с соблюдением особых требований. В предложениях-мнемониках такое требование заключается обычно в использовании слов, начинающихся на буквы подлежащих запоминанию понятий. Большинство акронимов представляли собой омоакронимы, например: *fanboys, pies, plan, raven, scamper*.

Мнемоника POW – *pick an idea or opinion, organize your notes, write about the subject*, относящаяся к рекомендациям по написанию эссе, омонимична не акрониму, а аббревиатуре POW – ‘*prisoner of war*’. Акроним первичной номинации был представлен IMRAD: *introduction, methods, results and discussion* [Hochberg, 2019, p. 50], в переводе ‘введение, методы, результаты и обсуждение’, представляет собой распространенный принцип написания научной статьи.

Больше всего понятий или принципов, подлежащих фиксации в сознании, могут охватить мнемоники на основе предложений и омоакронимов. Анализируемые омоакронимы включали в себя до 10 понятий. Так, Омоакроним FIRSTLISTS, омонимичный словосочетанию *first lists* с дословным значением ‘первые списки’, содержит рекомендации по развитию запоминания слов у людей с нарушением функции восприятия устного или письменного текста [Boyle, Scanlon, 2009, p. 366]. Он состоит из компонентов: *form a word, insert a letter, rearrange the letters, shape sentences, try combinations, look for clues, investigate items, select a mnemonic device using FIRST, transfer information to a card, self-test*³. Стихотворения охватывали до 8 понятий, предложения – до 7. При этом аббревиатуры, не обладающие сходством с существующей лексикой, могли охватить не более 5 понятий. Например, SQ3R, предназначен-

³ Перевод: ‘образовать слово, вставить букву, переставить местами буквы, составить предложения, составить сочетания, искать важные пояснения, исследовать части, выбрать мнемонику FIRST, перенести информацию в карточку, проверить’.

ная для усвоения прочитанного текста, включает в себя следующие компоненты: *survey, question, recite, read, review* [Harrington, 2018, p. 13] ⁴.

Мнемоники первичной номинации составили в исследовании 13 единиц, 12 из которых – это инициальные аббревиатуры: ASI: *auxiliary verb, subject, infinitive*; KWL: *know, want to know, learned*; MPF: *meaning, pronunciation, form*; MPFA: *meaning, pronunciation, form, appropriacy*; MUPF: *meaning, use, pronunciation, form*; PMI: *plus, minus, interesting*; PPP: *presentation, practice, production*; PQRS: *preview, question, read, summarize*; TTT: *test, teach, test*; 5 Ws: *who, what, when, where, why*; SQ3R: *survey, question, recite, read, review*; 4 Cs: *creativity, critical thinking, communication, collaboration* ⁵.

Некоторые аббревиатуры содержат цифру; так, например, в аббревиатуре 5 Ws, числительное означает пять вопросительных слов: *who, what, where, when, why*. Эти аббревиатуры образованы по принципу первичной номинации и не имеют сходства по форме с другими сокращениями. Это свойство, как и меньшая, по сравнению с акронимами, удобопроизносимость, возможно, объясняет их меньшую востребованность в качестве ресурса для облегчения запоминания. Аббревиатуры обычно состоят из 3–4 буквенных компонентов, что связано с требованием компактности и может быть относительным преимуществом при использовании для обучения письменной коммуникации.

В отличие от структур в виде предложений и стихотворений, мнемоники-сокращения часто организуют компоненты на основе перечисления без союзов, в чём закономерно усмотреть черты асиндетона. Бессоюзие было выявлено у 29 единиц, 17 из которых относятся к акронимам. Перечисления на основе сокращенных форм часто образуют порядок выполнения действий или расположение компонентов. Было зафиксировано по 8 таких случаев среди акронимов и аббревиатур. Например, в одном из учебников по английскому языку [Latham-Koenig et al., 2012, p. 49] предлагается запомнить порядок слов в специальном вопросе с помощью мнемоники QUASI: *question, auxiliary, subject, infinitive* [Ibid.], т. е. ‘вопросительное слово, вспомогательный глагол, подлежащее, инфинитив’.

Конструкции на основе сокращений с перечисляемыми для запоминания компонентами могут иметь сходство с гендиатрисом, фигурой речи, представляющей собой перечисление из трёх слов. В исследуемом материале обнаружено 8 случаев гендиатриса: 7 аббревиатур и 1 акроним. Гендиатрисы применяются, в частности, при составлении рекламных слоганов, приказов и кратких правил, примером чему является метод донесения до обучаемых принципа кооперативного обучения: *think, pair, share* [Agarwal, 2019, p. 172] ⁶. Некоторые из мнемоник, образующих гендиатрис, построены на аллитерации, что заметно в использовании одинаковой первой буквы для обозначения каждого из компонентов: TTT – *test, teach, test* [Tuncay, 2013, p. 264]. Подобных бессоюзных конструкций, состоящих из четырёх компонентов, обнаружено в материале исследования 10, из которых только 2 аббревиатуры, и 8 акронимов.

Мнемоники-предложения часто используются для запоминания правописания частотных слов со значительным расхождением между звуковым и буквенным составом и слов с удвоенными буквами. Английская лингводидактика относит к ним, например, следующие: *address, affect, because, bought, catastrophe, chocolate, colour, friend, grammar, guard, important, island, lightning, misspell, necessary, possesses, principal, rhythm, stationary* [Evans, 2009]. Пред-

⁴ Перевод: ‘получить представление, задать вопрос, повторить текст вслух, прочитать, выполнить обзор сделанного’.

⁵ Перевод ASI: ‘вспомогательный глагол, подлежащее, инфинитив’; перевод MPF: ‘значение, произношение, форма’; перевод MPFA: ‘значение, произношение, форма, сочетаемость’; перевод MUPF: ‘значение, узус, произношение, форма’; перевод PPP: ‘показ, практика, воспроизведение’; перевод TTT: ‘(входной) тест, обучение, (выходной) тест’; перевод KWL: ‘знаю, хочу знать, выучил’; перевод PQRS: ‘предварительно посмотреть, задать вопрос, прочитать, обобщить’; перевод PMI: ‘плюс, минус, интересно’; перевод 5 Ws: ‘кто, что, когда, где, почему’; перевод SQ3R: ‘получить представление, задать вопрос, произнести, прочитать, сделать обобщение’; перевод 4 Cs: ‘творчество, критическое мышление, коммуникация, сотрудничество’.

⁶ Перевод: ‘думай, работай в паре, делись (идеями)’.

ложения, которые эксплуатируют ресурс мнемоники, составляются в простой, понятной и доступной учащимся форме. Синтаксически они организованы как простые предложения с глаголами в Present Simple, причем в некоторых случаях начальные буквы слов в таких предложениях капитализируются.

В шести таких предложениях обнаружена фиксация очередности компонентов. Например, орфографию союза *because* предлагается запомнить с помощью предложения *Big elephants can always understand small elephants* [Державина, 2020, с. 391]⁷. Аналогичный способ запоминания правописания применялся для *colour* (*Come on, leave old Ulf retro*⁸) и *guard* (*Googal's utterances are rarely daft*⁹). Каждой букве запоминаемого слова соответствует слово в предложении с доступной «привлекательной» семантикой, причем порядок слов идеентичен порядку букв в слове, подлежащем запоминанию.

В предложениях для усвоения правописания в 7 случаях повторялись морфемы или части слов. Например, *An island is land surrounded by water* [Jackman, Wren, 2014, p. 64]¹⁰. В этом предложении *island* и *land* образуют повтор морфемы *land*, причем начало лексемы *island* подсказывается глаголом-связкой *is*. Другие случаи повторов, которые, помимо прочего, образуют рифмы, представлены сочетаниями: *end – friend*, *Miss Pell – misspell*, *late – chocolate*.

Используются также другие фигуры речи, равно как и средства языковой игры. Предложение для усвоения правописания глагола *possess* в третьем лице ед. ч. построено на основе повтора начальных и конечных слогов: *Possesses possesses five s's* [Ibid.]¹¹. Для усвоения слова *grammar* с помощью палиндрома в предложении поясняется, что без начальной буквы это слово одинаково читается в обоих направлениях: *Without a 'g', grammar can be spelt backwards* [Ibid.]¹².

Три стихотворения из проанализированного материала образовали наименьшую группу мнемоник. Однако исторически этот вид можно считать одной самых из ранних мнемонических структур, уходящей истоками к древним стишкам для запоминания алфавита, абecedариям и дидактической поэзии, отличительными чертами которой, напоминает Макферсон, выступают ритм и рифма [McPherson, 2018, p. 31]. Для более эффективного запоминания мнемонических стихотворений психологи рекомендуют заучивать такие мнемоники, используя мелодии [Ibid., p. 29].

Стихотворения, обнаруженные в выборке, образованы не менее чем из двух предложений. Заметно, что некоторые из них вмещали значительное число компонентов. Одно из стихотворений перечисляет в форме четверостишия компоненты сочинения или эссе: *topic, territory, talker, time*¹³, все начинающиеся на букву *T* и организованные на основе аллитерации:

*Four T's, a little writing rhyme
Of Topic, Territory, Talker, Time.
When there's a change in one of these
Start a new paragraph if you please*
[Russell, 2018, p. 82].

Другое подобное стихотворение-мнемоника предназначается для облегчения правильного выбора между графемами *ei* и *ie*, имеющими одинаковое произношение /i:/ в таких словах, как *believe* и *receive* [Parkinson, 2007]. Для запоминания частей речи компоненты перечисляются с примерами, например, *NOUN, As field and fountain, street and town*, перевод: 'сущест-

⁷ Перевод: 'Большие слоны умеют понимать маленьких слонов'.

⁸ Перевод: 'Ну-ка, откажись от ретро старого Ульфа'.

⁹ Перевод: 'Высказывания Гугал очень глупые'.

¹⁰ Перевод: 'Остров – это суша, окруженная водой'. К сожалению, в нем теряется формальная связь между английскими словами *island* и *land*.

¹¹ Перевод (к сожалению, уже теряющий всякий предметный смысл): 'владеет' владеет пятью 's'.

¹² Перевод: 'Без буквы g слово grammar пишется одинаково в обратном порядке'.

¹³ Перевод: 'тема, место, рассказчик, время'.

вительное: такое, как поле и родник, улица и город'. В это стихотворение включено для запоминания 8 компонентов, каждому из которых посвящено двустишие.

Заключение

Анализ структурных видов мнемоник в лингводидактическом дискурсе, обнаруженных в учебных и научных изданиях XXI в. по английскому языку, показал значительное численное превосходство мнемоник в форме предложений и омоакронимов. Таким образом, подтвердилось предположение Макферсона о более частом использовании мнемоник в форме предложений [McPherson, 2018, p. 22]: по результатам исследования их доля превысила доли трёх остальных мнемонических структур. Омоакронимы составили вторую по численности группу, тогда как новообразованные аббревиатуры применялись в качестве мнемоник гораздо реже. В ходе исследования описаны характерные структурные свойства мнемоник, в частности частота бессюжной связи в группе акронимов и аббревиатур, стилистическая нейтральность их лексических компонентов, распространенность мнемоник из 3–4 буквенных компонентов.

Список литературы

- Вишнякова О. Д., Климанова М. В.** Лингводидактический дискурс как область реализации культурно значимых концептов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 50–61.
- Державина В. А.** Большой самоучитель английского языка. М.: АСТ, 2020. 416 с.
- Зубова Л. Ю.** Семантико-стилистические особенности английских медицинских аббревиатур (на фоне русских и французских медицинских сокращений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 22 с.
- Поспелова Ю. Ю.** Педагогический дискурс и его характеристики // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 1. С. 307–310.
- Ревина Е. В.** Использование мнемоники при изучении иностранного языка // Вестник Самар. гос. техн. ун-та. Серия: Психолого-педагогические науки. 2017. № 2 (34). С. 89–95.
- Тихоненко М. А., Лазинина Е. В.** Мнемоника в рамках иностранного (английского) языка // Перспективы науки и образования. 2018. № 5 (35). С. 179–186.
- Agarwal, A.** Biology Mnemonic Book: for Medical Entrance Exam. New Delhi, Educreation Publishing, 2019, 230 p.
- Barcroft, J.** Mnemonics. In: The Encyclopedia of Applied Linguistics. London, Wiley-Blackwell, 2013, vol. 6, pp. 3695–3701.
- Boyle, J., Scanlon, D.** Methods and Strategies for Teaching Students with Mild Disabilities: A Case-based Approach. Wadsworth, Cengage Learning, 2009, 576 p.
- Cunningham, G.** History & Histography. Waltham, Ed-Tech Press, 2018, 356 p.
- Evans, R. L.** Every Good Boy Deserves Fudge: The Book of Mnemonic Devices. London, Random House, 2009, 240 p.
- Harrington, C.** Student Success in College: Doing What Works! Boston: Cengage Learning, 2018, 320 p.
- Hochberg, M.** An Editor's Guide to Writing and Publishing Science. Oxford, Oxford University Press, 2019, 256 p.
- Howard, G. T.** A Glossary of Rhetorical Terms: Second Edition. Bloomington, Xlibris Corporation, 2018, 136 p.
- Jackman, J., Wren, W.** Developing Fiction Skills. Cheltenham, Nelson Thornes, 2014, 80 p.
- Latham-Koenig, C., Oxenden, O., Seligson, P.** English File. Elementary Teacher's Book. Oxford, OUP, 2012, 279 p.

- Mather, N., Jaffe, L. E.** Woodcock-Johnson IV: Reports, Recommendations, and Strategies. Hoboken, John Wiley & Sons, 2016, 608 p.
- McArthur, T. B., McArthur, T., McArthur, R.** Concise Oxford Companion to the English Language. Oxford, OUP, 2005, 692 p.
- McArthur, T., Lam-McArthur, J., Fontaine, L.** Oxford Companion to the English Language. Oxford, OUP, 2018, 768 p.
- McPherson, F.** Mnemonics for Study. Wellington, Wayz Press, 2018, 247 p.
- Mertens, M.** Magic and Memory in Giordano Bruno: The Art of a Heroic Spirit. Leiden, Brill, 2018, 243 p.
- Mohammed, A.** Implementing Systems to Impact Student Engagement through Cooperative Learning. In: Madden J. (ed.) Teachers Teaching Teachers. How Teacher Learning Improves Student Learning, London, Oxford Global Press, 2017, pp. 31–44.
- Parkinson, J.** I Before E (Except After C): Old-School Ways to Remember Stuff. London, Michael O'Mara Books, 2007, 183 p.
- Parmar, H. B.** Mnemonics in Materia Medica. New Delhi, B. Jain Publishers, 2019, 235 p.
- Russell, J. M.** Never Eat Shredded Wheat: Weird Ways to Remember Things. London, Michael O'Mara Books, 2018, 192 p.
- Shora, N., Hott, B.** Write on: Improving Persuasive Writing Using the POW + TREE Strategy. *Beyond Behavior*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 14–20.
- Tuncay, H.** ELT and Linguistics Dictionary. Istanbul, Tuncay Publishing, 2013, 276 p.

References

- Agarwal, A.** Biology Mnemonic Book: for Medical Entrance Exam. New Delhi, Educreation Publishing, 2019, 230 p.
- Barcroft, J.** Mnemonics. In: The Encyclopedia of Applied Linguistics. London, Wiley-Blackwell, 2013, vol. 6, pp. 3695–3701.
- Boyle, J., Scanlon, D.** Methods and Strategies for Teaching Students with Mild Disabilities: A Case-based Approach. Wadsworth, Cengage Learning, 2009, 576 p.
- Cunningham, G.** History & Hystography. Waltham, Ed-Tech Press, 2018, 356 p.
- Derzhavina, V. A.** A Large English Self Help book. Moscow, AST, 2020, 416 p. (in Russ.)
- Evans, R. L.** Every Good Boy Deserves Fudge: The Book of Mnemonic Devices. London, Random House, 2009, 240 p.
- Harrington, C.** Student Success in College: Doing What Works! Boston: Cengage Learning, 2018, 320 p.
- Hochberg, M.** An Editor's Guide to Writing and Publishing Science. Oxford, Oxford University Press, 2019, 256 p.
- Howard, G. T.** A Glossary of Rhetorical Terms: Second Edition. Bloomington, Xlibris Corporation, 2018, 136 p.
- Jackman, J., Wren, W.** Developing Fiction Skills. Cheltenham, Nelson Thornes, 2014, 80 p.
- Latham-Koenig, C., Oxenden, O., Seligson, P.** English File. Elementary Teacher's Book. Oxford, OUP, 2012, 279 p.
- Mather, N., Jaffe, L. E.** Woodcock-Johnson IV: Reports, Recommendations, and Strategies. Hoboken, John Wiley & Sons, 2016, 608 p.
- McArthur, T. B., McArthur, T., McArthur, R.** Concise Oxford Companion to the English Language. Oxford, OUP, 2005, 692 p.
- McArthur, T., Lam-McArthur, J., Fontaine, L.** Oxford Companion to the English Language. Oxford, OUP, 2018, 768 p.
- McPherson, F.** Mnemonics for Study. Wellington, Wayz Press, 2018, 247 p.
- Mertens, M.** Magic and Memory in Giordano Bruno: The Art of a Heroic Spirit. Leiden, Brill, 2018, 243 p.

- Mohammed, A.** Implementing Systems to Impact Student Engagement through Cooperative Learning. In: Madden J. (ed.) *Teachers Teaching Teachers. How Teacher Learning Improves Student Learning*, London, Oxford Global Press, 2017, pp. 31–44.
- Parkinson, J. I** Before E (Except After C): Old-School Ways to Remember Stuff. London, Michael O'Mara Books, 2007, 183 p.
- Parmar, H. B.** Mnemonics in Materia Medica. New Delhi, B. Jain Publishers, 2019, 235 p.
- Pospelova, Yu. Yu.** Pedagogical Discourse and its Characteristics. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 2009, no. 1, pp. 307–310. (in Russ.)
- Revina, E. V.** The Use of Mnemonics in Foreign Language Teaching. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo univesiteta. Psychological and Pedagogical Sciences Series*, 2017, vol. 34, no. 2, pp. 89–95. (in Russ.)
- Russell, J. M.** Never Eat Shredded Wheat: Weird Ways to Remember Things. London, Michael O'Mara Books, 2018, 192 p.
- Shora, N., Hott, B.** Write on: Improving Persuasive Writing Using the POW + TREE Strategy. *Beyond Behavior*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 14–20.
- Tikhonenko, M. A., Lazinina, E. V.** Mnemonics in the Framework of Foreign Language (English). *Perspectives of Science and Education*, 2018, vol. 35, no. 5, pp. 179–186. (in Russ.)
- Tuncay, H.** *ELT and Linguistics Dictionary*. Istanbul, Tuncay Publishing, 2013, 276 p.
- Vishnyakova, O. D., Klimanova, M. V.** Linguistic Didactic Discourse as the Area of Culturally Significant Concepts. *Bulletin of Moscow University. Series 19 – Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2017, no. 3, pp. 50–61. (in Russ.)
- Zubova, L. Yu.** Semantic and Stylistic Features of English Medical Abbreviations (Compared to Russian and French Medical Contractions). Summary of Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2009, 22 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Владимирович Калашников, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 2647-0380

Information about the Author

Alexander V. Kalashnikov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
SPIN 2647-0380

*Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 01.04.2021; принята к публикации 01.04.2021
The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 01.04.2021; accepted for publication 01.04.2021*

Научная статья

УДК 378.147

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-103-116

Структура динамической образовательной среды матричного типа (на примере Санкт-Петербургской высшей школы перевода при РГПУ им. А. И. Герцена)

Ирина Сергеевна Алексеева¹
Анжелика Михайловна Антонова²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

¹ i.s.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8351-1700>

² angelique.antonova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2232-6648>

Аннотация

Рассматривается инновационная матричная модель кластерного типа, направленная на подготовку переводчиков и опирающаяся на последние достижения теории текста, прагматики и сценарный подход в обучении. Данная модель предусматривает задачу сформировать единое многовекторное пространство открытого переводческого образования с антропологической доминантой на базе достижений отечественной педагогической культуры в сочетании с лучшими мировыми практиками, включая устойчивую систему обратной связи с работодателем, позволяющую гибко реагировать на запросы общества. Для достижения этой цели была разработана инновационная интерактивная система интенсивной подготовки переводчиков, опирающаяся на *кластерный принцип* и сложную систему непрерывного мониторинга качества обучения. В основу системы обучения положены *сценарная стратегия обучения* и *текстуально-типологический подход*. Специфика образовательного проекта ВШП заключается в том, что это не программа обучения, не система, и даже не алгоритм, а инновационная динамическая образовательная среда матричного типа.

По своему месту в образовательном процессе она представляет собой гибкую модель профессиональной переподготовки, предполагающую наличие ряда базовых компетенций, но способную, при обнаружении лаку в компетенциях переводчиков-генералистов, достраивать их с опорой на матрицу профессиональной среды. При этом разработанный кластер предписывает сочетание очных, дистанционных и самостоятельных компонентов в обучении, а также повышение прозрачности образовательного и профессионального пространств, что заметно расширяет перспективу будущей деятельности.

Новаторский матричный принцип подготовки и переподготовки переводчиков в его версии «рассеянной матрицы» лежит в основе методического разнообразия при реализации проекта ВШП: в обучении доминирует методологический плюрализм, предполагающий совмещение в матрице, в случае практической необходимости, разнородных методик, разработанных разными авторами, что обеспечивает ей максимальную гибкость, и следовательно, индивидуализированность подхода. Однако эта разнородность является внешней, поскольку она строго регулируется и направляется создателями проекта через механизмы мониторинга.

Перспективное внедрение модели для подготовки профессиональных переводчиков с дополнительной доминирующей специализацией (например, освоение аудиовизуального перевода и т. п.) может быть реализовано как в России и в других странах. Ее структурная гибкость позволяет также внедрить ее в нескольких качественных вариациях: завершающего этапа высшего профессионального образования; типового механизма повышения профессиональной квалификации и профессиональной переподготовки; компонента социальной гармонизации общества с целью налаживания новых отношений между наукой, образованием и профессиональной деятельностью.

Ключевые слова

подготовка переводчиков, кластерный принцип, образовательная среда матричного типа, сценарная стратегия обучения, текстуально-типологический подход, мониторинг качества обучения

Для цитирования

Алексеева И. С., Антонова А. М. Структура динамической образовательной среды матричного типа (на примере Санкт-Петербургской высшей школы перевода при РГПУ им. А. И. Герцена) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 103–116. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-103-116

An Innovative Dynamic Matrix-Type Learning Environment Based on the Example of the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen University, Russia

Irina S. Alekseeva ¹, Anzhelika M. Antonova ²

^{1, 2} Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

¹ i.s.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8351-1700>

² angelique.antonova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2232-6648>

Abstract

The paper examines an innovative cluster-type matrix model for training interpreters and translators, based on recent developments in text and pragmatics theory, as well as on the scenario approach in education. The aim is to create a single, multifaceted space for open interpreter and translator training with an anthropological focus, drawing on the achievements in Russian teaching culture and best world practices, including a system of feedback from employers, to enable a flexible response to the needs of the society. To achieve the aim, an innovative interactive system of intensive interpreter and translator training has been developed based on a *cluster principle* and *continuous education quality monitoring*. At the heart of the system are a *scenario strategy* and a *text typology approach*. What is unique about the St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation (SCIT)'s project is the fact that it is not just an educational programme or a system or an algorithm, but a dynamic matrix-type learning environment.

It is a flexible model for professional retraining that presupposes a range of basic skills and can fill any gaps in the general translators' competence and current performance by applying the professional environment matrix. The cluster approach provides a combination of in-person, distant and independent learning components, as well as increased transparency of the educational and professional spaces, opening up future employment prospects.

The 'diffuse matrix' version of the innovative matrix principle in education underlies the diversity of methods employed by SCIT: methodological pluralism, dominant in the process of training, implies a combination of diverse techniques developed by different authors for the matrix, making it most flexible and the whole approach – customer tailored. It should be pointed out that the external diversity is strictly regulated and targeted by the project's creators by means of a monitoring mechanism.

The future of the model is seen in its use in Russia and other countries to train highly professional interpreters and translators in other spheres (for example, audiovisual translation). It could also be used at the final stage of higher vocational training; as a standard mechanism for improving professional skills and retraining; as well as a social harmonising element (creating new links among academic, educational, and professional activities).

Keywords

innovative, interpreter and translator training, cluster principle in training, matrix model for training interpreters and translators, scenario strategy, text typology approach, system of continuous education quality monitoring

For citation

Alekseeva, I. S., Antonova, A. M. An Innovative Dynamic Matrix-Type Learning Environment Based on the Example of the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen University, Russia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 103–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-103-116

Введение

В современном мире программа обучения переводчиков (т. е. curriculum) может стать успешной на практике только в том случае, если она тесно связана с профессией, использует инновационные методы обучения, оснащена современным оборудованием и имеет широкую сеть сотрудничества с различными партнерами.

Упомянутые условия так или иначе уже формулировались в различных контекстах в литературе по дидактике перевода последних десятилетий как в России, так и в других странах. Исторически первым и до сих пор самым масштабным трудом в этой сфере была обзорная монография Ульриха Кауца «Справочник по дидактике письменного и устного перевода», вышедший в Германии на немецком языке [Kautz, 2002]. В ней описывается весь диапазон методологий и технологий обучения разным видам перевода, но в систему они не сводятся. В России долгое время дидактика перевода была представлена учебными пособиями, ориентированными на конкретные задачи, к каковым относится, например, пособие Н. Кашириной [2005]. Подобные издания играют важную роль в подготовке переводчиков; самые инновационные из них построены по матричному принципу и универсальны в применении (см., например, серию учебников А. Фалалеева и А. Малофеевой и их аналитическое описание в статье И. С. Алексеевой «Реализация матричного подхода...» [2021]). Однако российская дидактика перевода остро нуждалась в парадигматическом моделировании, в переходе от частного к общему. Одними из первых по этому пути пошли Л. К. Латышев и А. Л. Семенов [2003]; авторы аналогичных учебников (например, С. А. Королькова и др.) обобщили свой опыт в диссертациях [Королькова, 2006]. Наиболее серьезным прорывом в создании всеобъемлющей программы явилась практико-ориентированная интегративная модель Н. Н. Гавриленко [2009], сосредоточенная на специальном переводе. Наконец, в последнее десятилетие стали появляться и теоретические работы обобщающего типа, в которых дидактика перевода включается в контекст общей теории перевода. Здесь отметим прежде всего работы Н. К. Гарбовского, который справедливо указывает на «очевидную дидактическую направленность советской и [...] российской научной школы перевода» [2013, с. 41]. Немаловажны в этой связи также критические соображения В. Е. Горшковой [2019] по поводу ментально-генеративной модели переводческого посредничества Э. Н. Мишкурова с его видением единого теоретико-методологического стандарта, напоминающая о сложности и неоднозначности дидактических задач. Вместе с тем почти отсутствуют работы, где анализируется опыт внедрения и мера эффективности дидактических моделей переводческой подготовки в учебных заведениях.

Ввиду изложенного мы хотим поделиться основными принципами организации процесса обучения переводчиков на уровне магистратуры и дополнительного профессионального образования, поскольку являемся организаторами и руководителями успешно работающего с 2008 г. проекта Санкт-Петербургской высшей школы перевода (ВШП) при РГПУ имени А. И. Герцена¹.

Создание ВШП было инициировано МИД России и явилось ответом на потребность в более эффективном лингвистическом обеспечении внешнеполитических интересов постсоветской России, связанных со сферой перевода, равно как и с межкультурной коммуникацией в самом широком смысле, с продвижением ценностей российской культуры и русского языка в частности. Именно МИД России пригласил других основных партнеров проекта – лингвистические службы Европейской комиссии и ООН. Это во многом определило новизну практико-ориентированного подхода к подготовке устных и письменных переводчиков-международников, его интегративный характер и стремление к высокому качеству. Предстояло создать единое многовекторное пространство открытого переводческого образования с антропологической доминантой на базе достижений отечественной педагогической культуры в сочетании с лучшими мировыми практиками, сформировать устойчивую систему обратной связи с работодателями, позволяющую гибко реагировать на потребности внешнеполитических, внешнеэкономических и культурных связей.

Для достижения этой цели была разработана инновационная интерактивная система интенсивной подготовки переводчиков, опирающаяся на *кластерный принцип* и всеобъемлющую *систему непрерывного мониторинга качества обучения*. В основу системы обучения

¹ И. С. Алексеева в качестве директора и А. М. Антонова – заместителя директора.

были положены *сценарная стратегия обучения и текстуально-типологический подход*. В результате образовательный проект ВШП приобрел уникальность, которая заключается в том, что это не программа обучения в прежнем смысле (syllabi), не система программ (curriculum), и не жесткий алгоритм, а *инновационная динамическая образовательная среда матричного типа*.

По своему месту в образовательном процессе она представляет собой гибкую адаптивную модель профессиональной переподготовки, предполагающей наличие на входе ряда базовых компетенций, но способная «достраивать» их при обнаружении в них тех или иных лагун, опираясь на сконструированную матрицу профессиональной среды. Основным прагматическим показателем результативности и эффективности проекта явился уровень спроса на выпускников ВШП: 96 % работают переводчиками, из них около 40 % – в лингвистических службах МИД России, ООН, а также в других международных организациях.

Компонентная структура динамической образовательной среды матричного типа

1. Кластерный принцип фокусной организации обучения

1.1. Суть фокусной кластерной стратегии

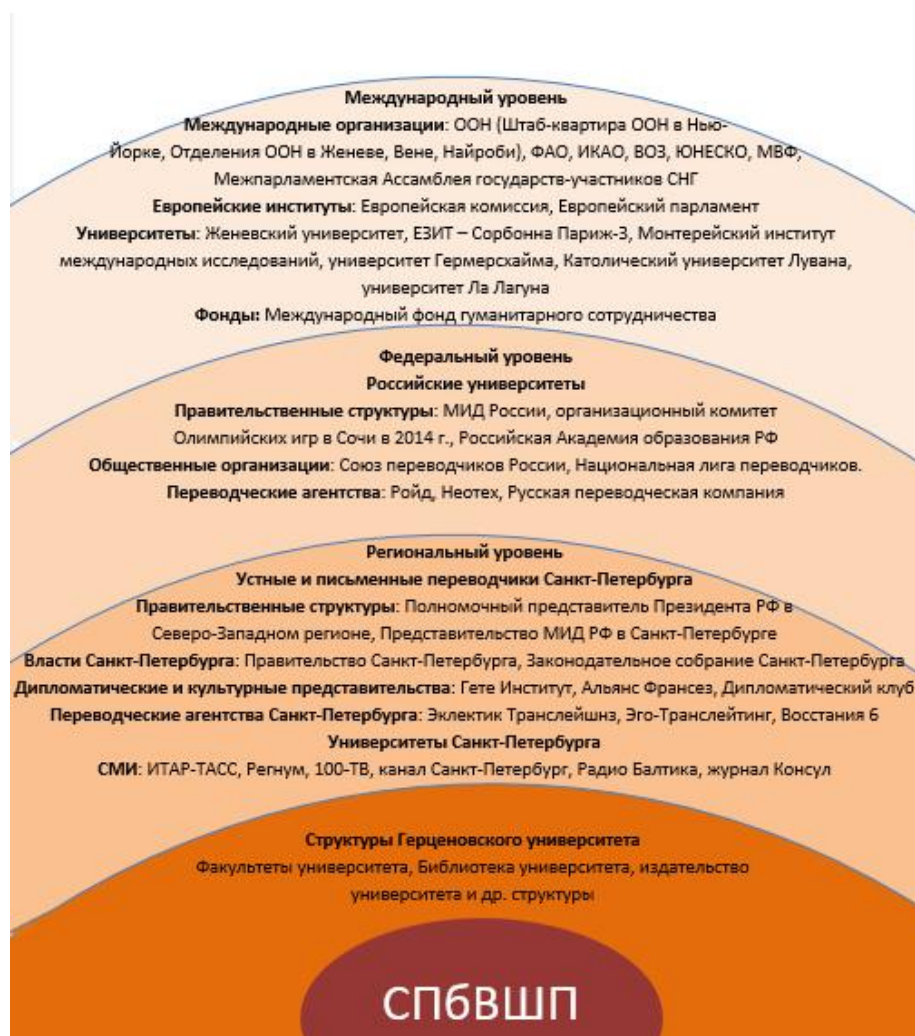
Само понятие кластера, как известно, пришло из экономической теории. Так, Майкл Портер понимает под кластером группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщиков, производителей и др.) и связанных с ними организаций (образовательных заведений, органов госуправления, инфраструктурных компаний), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [Портер, 2016].

При построении системы интенсивной подготовки переводчиков в ВШП сразу был взят на вооружение аналогичный кластерный принцип, причем с преобладанием фокусной кластерной стратегии. Кластерный принцип в обучении переводу заключается в тесном и взаимовыгодном сотрудничестве, которое естественным образом возникает между различными организациями, вовлеченными в многостороннюю деятельность и бизнес-коммуникацию, нуждающуюся в переводческом посредничестве [Antonova, 2014, p. 69]. Это означает, что каждый участник кластера не только вносит свой вклад в подготовку конференц-переводчиков, но и получает свою значительную выгоду от этого контакта (прежде всего импульс к развитию).

В нашем случае, когда кластерное мышление было перенесено на специфику образовательной деятельности, выбор был сделан в пользу фокусной стратегии ее реализации, суть которой заключается в том, что кластер начинает выстраиваться вокруг определенной программы, в данном случае – программы ВШП. Далее на ее основе возникают различные горизонтальные и вертикальные уровни взаимодействия с «естественными» партнерами. Например, структуры ООН и МИД России не только оказывают школе педагогическую и консультативную помощь, но и сами приобретают наши педагогические компетенции, а также обогащаются лучшими выпускниками ВШП. Правительство Санкт-Петербурга, со своей стороны, качественно улучшило обслуживание всех международных мероприятий, проходящих в Петербурге и требующих перевода.

Российские переводческие агентства, поддерживая школу, присутствуя на выпускных квалификационных экзаменах, не только проводят своеобразный «кастинг» выпускников ВШП, но и получают новейшую информацию об основных тенденциях в переводе на международной арене. Уровневая структура кластера отображена на рисунке.

Такая кластерная среда способствует внедрению и развитию инноваций, новым открытиям в дидактике обучения и новому уровню сотрудничества между образовательным учреждением, работодателями, национальными и местными властями, а также международными и общественными организациями.

Кластер ВШП
The SCIT Cluster

1.2. Кластер предписывает сочетание очных, дистанционных и самостоятельных компонентов в обучении

Пространственное измерение кластера предполагает для обеспечения надежности коммуникации сочетание разных ее типов. Так, апробация проекта, его развитие подтолкнуло создателей к выработке очно-дистанционного комплекса матричного типа. С 2010 г. в ВШП начались дистанционные многоязычные конференции с Еврокомиссией, Европарламентом, университетами-партнерами и русской службой ООН. Будучи практикующими переводчиками, преподаватели школы, часто находясь в служебных командировках, еще с 2017 г. начали применять различные инструменты дистанционной связи в зависимости от тех или иных форм работы. Поэтому, когда в 2020 г. неожиданно потребовалось почти полностью перейти на дистанционное обучение, ВШП в целом оказалась готовой к этому вызову, а образовавшиеся лакуны удалось оперативно заполнить при помощи привлеченной помощи участников. Адаптации содействовало то, что, во-первых, членство в консорциуме EMCI (European Masters in Conference Interpreting – Европейская магистерская программа по уст-

ному переводу) позволило бесплатно получить доступ к KUDO². Во-вторых, постоянные консультации с членами консорциума по Zoom позволили оперативно выработать эффективные способы организации приемных и выпускных экзаменов в режиме онлайн с привлечением внешних экспертов, которыми в соответствии с идеологией кластера выступают наблюдатели от ООН, Европейской комиссии и МИД РФ. В результате им была обеспечена возможность дистанционно присутствовать на вступительных и выпускных экзаменах ВШП с соблюдением всех стандартов качества и прав всех участников процесса. Наконец, в рамках кластерных связей проводились регулярные методические консультации и обмен опытом по введению тех или иных навыков на новых этапах обучения в дистанционном режиме.

Таким образом, кластерная структура организации деятельности школы позволила ВШП не только оперативно привлечь кадры из ведущих университетов мира и вместе в ходе дискуссии выработать наиболее эффективные механизмы для осуществления дистанционного обучения, но и получить бесплатный доступ к ресурсам и инструментам для реализации этого дистанционного варианта обучения.

1.3. Расширение образовательного пространства

Переводчики из других организаций созданного ВШП кластера приносят в процесс обучения как свою особую институциональную культуру, так и опыт перевода. В ходе обучения, в рамках взаимодействия кластера и на основании договоров о сотрудничестве, ООН, МИД РФ, Европейская комиссия, Европейский парламент и другие международные организации безвозмездно направляют в ВШП своих переводчиков для проведения краткосрочных курсов или мастер-классов. В рамках договоров о сотрудничестве из университетов-партнеров также приезжают преподаватели с мастер-классами. Конкурсные вступительные экзамены и выпускные экзамены проводятся только в присутствии наблюдателей от международных организаций и университетов-партнеров. Преподаватели ВШП сдают конкурсные экзамены в международные организации, чтобы иметь возможность работать в них «на контрактах» и знакомиться, таким образом, с новой институциональной средой. Основным местом практики для слушателей ВШП являются переводческие службы ООН и ее дочерних организаций.

Тот факт, что студенты в рамках функционирования кластера имеют возможность заниматься на мастер-классах с переводчиками из различных организаций и университетов мира, обеспечивает им более широкую вовлеченность в мировой переводческий процесс и расширяет палитру их лингвистических, профессиональных, межкультурных и общекультурных компетенций, способствуя гибкому выбору переводческих средств и стратегий. Построение обучения по кластерному принципу в системе названных выше организаций-партнеров дает возможность отобрать наиболее подходящих студентов и персонально подготовить их («тонкая настройка») к решению специфических профессиональных задач.

2. Сценарная методика и текстуально-типологический подход в условиях матричной организации образовательной среды

2.1. Сценарная методика

Главная задача слушателя ВШП – освоить критерии перевода как *профессиональной* деятельности. С этим прямо связан приоритет сценарной стратегии обучения, разработанной в школе. Она базируется на деятельностной парадигме обучения.

Термин «сценарий» в своем исконном значении означает план действий на театральной сцене с прописанными заранее репликами. Позднее, в середине XX в. психоаналитик и психиатр Эрик Леннард Берн ввел понятие *сценарного анализа* как метода психоанализа [Берн, 2010]. Чуть позже понятие сценариев стали применять в общей теории деятельности, где

² Дорогостоящая платформа по обслуживанию конференций, включающих синхронный перевод, с неограниченными правами администратора и на неограниченное количество часов до конца семестра. Это было решающим фактором, поскольку обеспечить качественное и технологичное обучение синхронному переводу в онлайн-режиме возможно только при условии привлечения специальных профессиональных программ

сценарным планированием, например, по Джил Рингланд, называют ту часть стратегического планирования, которая с помощью особых технологий позволяет управлять неопределенностью будущего, что было и остается крайне актуальным прежде всего для бизнеса [Рингланд, 2008]. Что касается зарубежной лингводидактики и прикладной этнолингвистики, достаточно тесно связанной с межкультурной коммуникацией и, следовательно, с переводом, то информативный пример применения сценарной технологии в обучении можно найти в [Петерс, 2020]. Во французском оригинале статьи этот австралийский автор использует термин *scénario*, а для англоязычного пространства предлагает в аннотации два его соответствия – *script* и *protocol*³.

О сценариях применительно к сфере обучения в последние годы заговорили и в России, причем в двух ипостасях. Так, Н. С. Михайлова ставит вопрос о дидактическом сценировании и дидактических сценариях, подразумевая под ними не что иное, как алгоритмы приемов обучения [Михайлова, 2011]. А. С. Роботова пишет о необходимости «развития у учителя сценарного мышления, значимость которого возрастает с усилением неопределенности в окружающей действительности» [2010, с. 36].

В ВШП сценарный подход составляет основу обучения переводу. Во главу угла ставится *сценарий профессиональной деятельности* (назовем его макросценарием), когда в процессе обучения в максимально концентрированном виде воспроизводится «атмосфера» и ход (последовательность шагов) реальной работы.

Сценарный подход имеет две составляющие. Первая – это симулятивное воспроизведение во время учебы всех возможных жанров профессионального переводческого труда: синхронный или последовательный перевод на конференциях и семинарах, перевод пресс-конференции, переговоров и др.; письменная работа по индивидуальному заказу и в составе коллективного переводческого проекта, воспроизведенная в виде микросценариев. Вторая составляющая – это создание в школе «густой» профессиональной среды. Ее суть состоит в том, что все преподаватели ВШП (а также практикующие переводчики, плановые и внеплановые гости, слушатели) приглашаются на многие мероприятия в формате конференций, клубов, совещаний, в которых участвуют профессиональные переводчики. Все это формирует как профессиональное мышление, так и профессиональную солидарность.

Учебная конференция представляет собой академический формат, в самом полном виде воплощающий принципы сценарного подхода для устных переводчиков. Слушатели под наблюдением переводчиков-профессионалов в симулятивно-игровом режиме осваивают последовательность всех действий профессионального переводчика: подготовка к переводу на конференции, сам перевод и взаимодействие с коллегами, последующий самоконтроль. Макросценарий переводческой деятельности, конечно, многолик и вариативен, но в нем есть инвариантный набор ядерных компетенций (умений и навыков), который и ставится во главу процесса подготовки переводчика. Для устного переводчика это уже упомянутые конференции, а также переговоры за круглым столом и дискуссии. Разбиение в ходе обучения макросценария устного перевода на ряд основных микросценариев позволяет осознать в сопоставлении специфику каждого формата и сокращает путь от дилетанта до профессионала.

Для письменного переводчика главным академическим форматом является переводческий проект, выполняемый под наблюдением преподавателя-профессионала. Он предназначен для формирования умения выбрать верную стратегию перевода. Достижение этой цели связано главным образом с навыком быстро и безошибочно выявлять ведущие предметные, жанровые, лексико-терминологические и синтаксические характеристики исходного текста, что обеспечивается в ВШП с помощью текстуально-типологического подхода. Кроме того, в ходе реализации переводческих проектов вырабатываются умения переводчика работать в команде, создавать терминологические списки (ср. систему Н. Н. Гавриленко), редактировать, постредитировать и корректировать текст перевода.

³ Как видим, второй почти однозначно ассоциируется с русским термином *алгоритм*.

2.2. Текстуально-типологический подход

Текстуально-типологический подход (ТТП) был разработан в ВШП как продолжение и конкретизация идей Катарины Райс (Katharina Reiss) и предполагает освоение компетенций письменного перевода согласно типам текста, актуальным в коммуникации и переводе. Сами умения несколько дифференцируются в соответствии с обязательным в аудитории и практической деятельности **трехфазным** переводческим анализом текста: 1) предпереводческим; 2) аналитическим вариативным поиском, осуществляемым в процессе перевода; 3) аналитическим самоконтролем результатов (постпереводческим). На этой аналитической базе в рамках разработанной классификации транслатологических типов текста [Алексеева, 2008] будущий переводчик учится выстраивать свою стратегию перевода с учетом уже сложившихся для каждого типа текста конвенций.

2.3. Матричная организация образовательной среды

Представление о матричном моделировании лингвистических феноменов сегодня встречается нередко; достаточно привести в качестве примера «дискурсивные матрицы», описанные в статье Н. Н. Казыдуб [2006]. Однако в образовательной среде оно используется, пожалуй, впервые и является новаторским. *Матричный принцип обучения* в версии так называемой «рассеянной матрицы» был положен в основу методологического разнообразия при реализации проекта ВШП и потому в обучении доминирует методологический плюрализм, предполагающий совмещение в рамках общей матрицы разнородных методик разных авторов с целью обеспечить максимальную индивидуальность траектории подготовки студента с учетом его начального уровня и потребностей. Вместе с тем это внешнее многообразие строго регулируется и направляется руководителем учебного переводческого проекта через механизмы мониторинга.

Матричный принцип применяется и в целях регулирования долей обязательных аудиторных, обязательных самостоятельных и дополнительных компонентов обучения. Образовательная среда ВШП строится на сочетании двух архитектурных принципов: стратегически она представляет собой строгую систему обязательных компонентов, формирующих «плотную матрицу» (ее «сгусток»); а тактически – открытую (прагматическую) матрицу дополнительных возможностей обучения. Электронные ресурсы и доступы для самостоятельной и групповой работы, банки учебных аудио- и видеоматериалов и материалы локальной сети дают возможность для дополнительного тренинга тех навыков, которые каждый обучающийся считает особо важными для себя.

Кроме того, матричный принцип обеспечивает еще одну градацию гибкости: при выявлении лакун в компетенциях будущего переводчика принятая модель обучения способна элиминировать их на основе матрицы профессиональной среды.

3. Система непрерывного мониторинга качества подготовки

В ВШП была разработана сложная система непрерывного мониторинга качества обучения, без которой успех программы был бы невозможен.

Качество перевода, то есть понятие, регулирующее цели качественного обучения, – это довольно сложный и неоднозначный концепт. Илдико Хорват, президент консорциума ЕМСИ, переводчик АПС и руководитель переводческой программы Будапештского университета постулирует, например, что «перевод считается качественным, если он удовлетворяет ожиданиям заказчика» [Horvath, 2018, p. 123]. Проблема заключается, однако, в том, что разные заказчики обладают разными ожиданиями в различных коммуникативных ситуациях [Bühler, 1986; Gile, 1983] ⁴.

⁴ В частности, совершенно закономерно ожидать, что некоторые заказчики перевода, например учебных документов типа приложения к диплому, хотели бы видеть его перевод на английский язык, выполненный для американского университета (т. е. transcript для registrar) в несколько приукрашенном виде. То же касается неприкры-

Именно поэтому к работе в ВШП привлекаются практикующие переводчики с устойчивой репутацией на отечественном и международном переводческом рынке, преимущественно аккредитованные переводчики международных организаций (ООН, Европейские структуры и др.), где они работают на временных контрактах. Работая с ведущими мировыми переводческими структурами, они уже на практике очень хорошо понимают критерии качественного перевода в той или иной коммуникативной ситуации, с тем или иным заказчиком. Так, например, дипломатический дискурс часто характеризуется наличием многозначности из-за коннотативных оттенков значения у давно известного слова, поэтому переводчик всегда должен быть в курсе событий, влияющих на его непривычное толкование. По этой же причине в дипломатическом переводе применяются повышенные требования к точности передачи информации, порой допускающие прямое перекодирование, т. е. пословный перевод, и это во избежание подозрений и обвинений в манипулятивном воздействии через перевод⁵.

Приведем еще один пример из области переводческих конвенций. Институциональный перевод ООН характеризуется чтением уже подготовленных речей, причем оригинал часто приносится в кабину переводчика за несколько минут до самого события, а ораторы, как правило, обладают повышенной скоростью речи. В результате плотность информации возрастает, и поэтому переводчики должны не только хорошо знать институциональные клише, но и применять адекватные прагматической задаче стратегии перевода. Кроме того выдвигаются все более высокие требования к точности выражения мысли, и потому лингвистический буквализм начинает цениться выше, чем естественно звучащая фраза. В европейских же международных структурах, наоборот, акцент ставится на идиоматичности, т. е. естественности звучания текста перевода, и поэтому переводческие кальки воспринимаются как симптом плохого качества перевода, и это связано, вероятнее всего, с сильными среди европейских переводчиков-синхронистов (*interprètes de conférences*) позициями смыслового (т. е. интерпретативного!) перевода, разработанного некогда Даницей Селескович и Марианной Ледерер.

В ВШП система непрерывного мониторинга качества реализуется на всех этапах подготовки (подробнее см.: [Antonova, 2015, p. 18–19]).

Подготовительный этап обеспечения качества:

- строгий отбор кандидатов (эффективность тестов вступительных испытаний постоянно оценивается преподавателями);
- вступительные экзамены (как и выпускные экзамены) носят открытый характер; на экзаменах присутствуют наблюдатели из крупнейших центров перевода мира, а также от переводческих агентств и университетов-партнеров. Открытость позволяет выработать общие критерии оценки и отбора, а также способствует лучшей адаптации программы к международным стандартам и требованиям.

Мониторинг качества в ходе обучения:

- тщательный контроль последовательного формирования необходимых компетенций у слушателей, осуществляемый посредством методических совещаний;
- работа слушателей в группах и управляемая самостоятельная работа. Эта самостоятельная работа часто, особенно в начале обучения, контролируется специально привлекаемыми для этих целей выпускниками и не предусматривает формальной оценки. Но такая преемственность поколений ценна тем, что привносит дух братства в школу;

тых подделок документов и манипуляций с помощью перевода. Именно поэтому особую значимость приобретает понятие «этический кодекс переводчика».

⁵ Подробнее о реальных и мнимых возможностях манипулятивного воздействия через перевод см. [Фефелов, 2015, с. 54–60], но оговоримся сразу, что политико-дипломатический дискурс традиционно обязывает переводчика проявлять крайнюю осторожность в выборе эквивалентов, чтобы исключить их превратные (манипулятивные) толкования во внешней информационной среде.

- виртуальные классы и конференции с переводческими службами Евросоюза и ООН, а также университетами-партнерами, во время которых студенты имеют возможность получить экспертную оценку от «внешних» профессиональных переводчиков;
- очные и дистанционные мастер-классы с переводчиками МИД РФ, ООН, Европейской комиссии, Европейского парламента, ФАО и др., которые существенно дополняют учебный процесс, знакомят слушателей с различными переводческими подходами и институциональной культурой, принятой в различных международных организациях;
- возможность дистанционного руководства упомянутыми ранее письменными переводческими проектами со стороны опытных редакторов ООН;
- государственная экзаменационная аттестация с участием международных наблюдателей из организаций-партнеров по кластеру и представителей работодателей, которые осуществляют внешний контроль;
- конкурсная практика в лингвистических службах ООН является важнейшим стимулом процесса обучения. Для многих слушателей она становится поворотным пунктом в выборе ими дальнейшей профессиональной карьеры. При этом погружение в переводческий процесс ООН способствует распространению высоких стандартов качества перевода среди молодого поколения российских переводчиков. Самые талантливые успешно проходят через экзаменационное сито ООН и заполняют вакансии в переводческих службах ООН;
- в конце обучения студенты заполняют оценочные листы по курсам. Результаты опроса внимательно оцениваются администрацией и используются для дальнейшего совершенствования программ.

Мониторинг качества после завершения обучения в школе. ВШП пристально следит за развитием карьеры своих выпускников, особенно, в первые годы после окончания школы:

- выпускники поддерживают постоянный контакт со школой, сообщают о своих успехах и трудностях; в школе существуют установленные праздники (например, День переводчика), на которые собираются все выпускники;
- обратная связь поддерживается и с помощью работодателей (МИД России, ООН, переводческие агентства);
- выпускники работают вместе со своими бывшими преподавателями на конференциях и над различными письменными переводческими проектами;
- выпускники помогают вновь прибывшим студентам в организации их самостоятельной работы, что включает их в процесс методических совещаний / дискуссий с преподавателями, дает возможность участвовать в семинарах для преподавателей.

Мониторинг качества через преподавательское сообщество:

- регулярное посещение преподавателями занятий друг друга;
- периодические методические совещания;
- совместные публикации материалов (сборников статей и пособий по обучению переводу);
- открытые занятия для преподавателей из других российских вузов и переводчиков из международных организаций;
- развитая система повышения квалификации для преподавателей (семинары для преподавателей, организуемые переводческими структурами Евросоюза или в рамках международных консорциумов, членом которых является ВШП; временные контракты с переводческими структурами Евросоюза и ООН, которые дают возможность дополнительного опыта институционального перевода для преподавателей).

Таким образом, реализация системы непрерывного мониторинга качества в ВШП и кластерного принципа обучения на основе единой системы, опирающейся на сценарные стратегии и текстуально-типологический подход, делают процесс обучения в школе чрезвычайно эффективным. Это подвижная, гибкая модель. Возможно, именно этим объясняется столь быстрый успех ВШП, который измеряется ее результативностью – трудоустройством выпускников ВШП.

Заключение

Созданная на базе ВШП инновационная интерактивная система интенсивной подготовки переводчиков международного уровня в полной мере реализует представление о современных гуманитарных технологиях в сфере образования, наглядно демонстрируя их свойства: интерактивность, сочетание системного и матричного принципов, наукопродуцирующий импульс, самовоспроизводимость, интеллектуальная инновационность.

Показатели результативности в трудоустройстве выпускников определяются: 1) инновационным подходом к обучению переводчиков владеющих алгоритмами переключения на специфическую предметно-текстовую тематику конкретного заказчика; 2) повышенными требованиями к уровню компетенций выпускников; 3) внедрением в процессе обучения в профессиональную среду международного и отечественного переводческого рынка.

Анализ переводческого рынка показывает, что сегодня сформировался значительный опережающий спрос на программы повышения и обновления профессиональной квалификации в течение всей жизни. Именно этот тренд стал стимулом для создания Санкт-Петербургской высшей школы перевода при Герценовском университете.

При этом созданная в ходе проекта инновационная модель может быть использована в России и в других странах для создания новых систем подготовки квалифицированных переводческих кадров с какой-нибудь иной доминантой: научно-технический перевод, гуманитарный, юридический, аудиовизуальный перевод и т. п.

Список литературы

- Алексеева И. С. Реализация матричного подхода в подготовке переводчиков: индуктивно-лингвистическая концепция Андрея Фалалеева // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4, № 1. С. 63–79.
- Алексеева И. С. Текст и перевод: вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2010. 576 с.
- Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: НТО им. академика Вавилова, 2009. 178 с.
- Гарбовский Н. К. Дидактика перевода. Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 4. С. 36–50.
- Горшкова В. Е. Современное российское переводоведение: к обоснованию методологического стандарта. Рец. на кн.: Мишуров Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография. М.: Военный университет, 2018. 298 с. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 130–137.
- Казыдуб Н. Н. Дискурсивные матрицы в методологии лингвистической науки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, № 2. С. 177–186.
- Каширина Н. А. Переводческий анализ текста: Учеб. пособие для студентов специальности 031202 «Перевод и переводоведение» / Под ред. И. А. Цатуровой. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 133 с.
- Королькова С. А. Текстологическая модель обучения письменному переводу студентов языковых вузов: на материале французского языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2006. 20 с.
- Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. 192 с.
- Михайлова Н. С. Основы самообразовательной деятельности: пособие по курсу «Технологии и техники самообразовательной деятельности» для слушателей переподготовки специальности 1-08 01 71 – Педагогическая деятельность специалистов / Под ред. Т. А. Баб-

- киной. Гродно: ГрГУ, 2011. URL: http://ebooks.grsu.by/book_mihailova/2011-02-14-11-20-31.html (дата обращения 16.03.2021).
- Петерс Б.** Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Портер М.** Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 947 с.
- Рингланд Д.** Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии. Монография. 2-е изд. М.: ООО И. Д. Вильямс, 2008. 559 с.
- Роботова А. С.** Ресурсы улучшения профессиональной подготовки учителя (статья первая) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 10. С. 31–38.
- Фефелов А. Ф.** Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 48–72.
- Antonova, A.** Continuous Quality Assurance in Training Language Professionals. In: Antonova A. M., Bilterys I., Goncharov S. A. (eds.) *Learn, Teach, Coach, Mentor. Fourth Conference of MoU Universities “Training Language Professionals for International Organizations”*. St. Petersburg, Herzen University Press, 2015, pp. 16–20.
- Antonova, A.** Quality Assurance System in Training Translators and Interpreters for International Organizations developed in the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation. In: Goncharov S. A., Antonova A. M. (eds.). *Fighting the Fog in Multilingualism. A Festschrift in Honour of Irina S. Alekseeva*. St. Petersburg, Herzen University Press, 2014, pp. 67–72.
- Bühler, H.** Linguistic (semantic) and extralinguistic (pragmatic) criteria for the evaluation of conference interpretation and interpreters. *Multilingua*, 1986, no. 5 (4), pp. 231–235.
- Gile, D.** L'évaluation de la qualité de l'interprétation par les délégués: une étude de cas (Delegates' assessment of the quality of translation on specific examples). *The Interpreters' Newsletter*, 1983, no. 3, pp. 66–71.
- Horvath, I.** Quality in Conference Interpreter Training. In: *Multilingualism and Russia's Ethnic Cultures through English, French, German, Russian and Other Languages: Collection of articles*. Eds. Irina Alekseeva, Angelique Antonova, Viktor Kabakchi. St. Petersburg, Herzen University Press, 2018, pp. 122–132.
- Kautz, U.** *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. München, Iudicium, 2002, 643 S.

References

- Alekseeva, I. S.** Implementation of the matrix approach in the training of translators: inductive-linguistic concept of Andrey Falaleev. *Kazan Linguistic Journal*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 63–79. (in Russ.)
- Alekseeva, I. S.** Text and translational: theoretical issues. Moscow, International Relations Publ., 2008, 184 p. (in Russ.)
- Antonova, A.** Continuous Quality Assurance in Training Language Professionals. In: Antonova A. M., Bilterys I., Goncharov S. A. (eds.) *Learn, Teach, Coach, Mentor. Fourth Conference of MoU Universities “Training Language Professionals for International Organizations”*. St. Petersburg, Herzen University Press, 2015, pp. 16–20.
- Antonova, A.** Quality Assurance System in Training Translators and Interpreters for International Organizations developed in the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation. In: Goncharov S. A., Antonova A. M. (eds.). *Fighting the Fog in Multilingualism. A Festschrift in Honour of Irina S. Alekseeva*. St. Petersburg, Herzen University Press, 2014, pp. 67–72.

- Berne, E.** Games People Play. What do you say after say hello. Moscow, Ehksmo, 2010, 576 p. (in Russ.).
- Bühler, H.** Linguistic (semantic) and extralinguistic (pragmatic) criteria for the evaluation of conference interpretation and interpreters. *Multilingua*, 1986, no. 5 (4), pp. 231–235.
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic trends in the evolution of the Russian translation studies: pro and contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)
- Garbovsky, N. K.** Translation didactics. Russian School of Translation: Traditions and Challenges of the 21st Century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22 Translation Theory*, 2013, no. 4, pp. 36–50. (in Russ.)
- Gavrilenko, N. N.** Theory and methodology of teaching translation in the field of professional communication. Moscow, Scientific and Technical Society named after Academician Vavilov Publ., 2009, 178 p. (in Russ.)
- Gile, D.** L'évaluation de la qualité de l'interprétation par les délégués: une étude de cas (Delegates' assessment of the quality of translation on specific examples). *The Interpreters' Newsletter*, 1983, no. 3, pp. 66–71.
- Gorshkova, V. E.** Modern Russian Translation Studies: Towards a Substantiation of the Methodological Standard. Book review: Mishkurov E. N. Hermeneutics of translation (theoretical and methodological standard): Monograph. Moscow, Military University Publ., 2018. 298 p. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 130–137. (in Russ.)
- Horvath, I.** Quality in Conference Interpreter Training. In: Multilingualism and Russia's Ethnic Cultures through English, French, German, Russian and Other Languages: Collection of articles. Eds. Irina Alekseeva, Angelique Antonova, Viktor Kabakchi. St. Petersburg, Herzen University Press, 2018, pp. 122–132.
- Kashirina, N. A.** Translation analysis of the text: course guide for students majoring in 031202 "Translation and Translation studies". Ed. by I. A. Zaturova. Taganrog, TRTU Publ., 2005, 133 p. (in Russ.)
- Kautz, U.** Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. München, Iudicium, 2002, 643 S.
- Kazydub, N. N.** Discourse matrices in the methodology of linguistic science. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2006, vol. 4, no. 2, pp. 177–186. (in Russ.)
- Korolkova, S. A.** Textological model of teaching translation students of language universities: on the material of the French language. Author's abstract of a PhD. Pyatigorsk, 2006, 20 p. (in Russ.)
- Latyshev, L. K., Semenov, A. L.** Translation: theory, practice and teaching methods. Moscow, Academia Publ., 2003, 192 p. (in Russ.)
- Mikhailova, N. S.** The Basics of Self-Educational Activities: course guide "Technologies and Techniques of Self-Educational Activities" for students of retraining programmes, majoring in 1-08 01 71 – Pedagogical activity of specialists. Ed. by T. A. Babkina. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2011. (in Russ.) URL: http://ebooks.grsu.by/book_mikhailova/2011-02-14-11-20-31.html (accessed 16.03.2021).
- Peeters, Bert.** Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 84–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Porter, M.** The competitive advantage of nations. Moscow, Alpina Publisher, 2016, 947 p. (in Russ.).
- Ringland, G.** Scenarios in business. 2nd ed. Moscow, OOO I. D. Williams, 2008, 559 p. (in Russ.)
- Robotova, A. S.** The Resources to Improve Teacher's Skills Development. (The first article). *Universum: Bulletin of the Herzen University*, 2010, no. 10, pp. 31–38. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Сергеевна Алексеева, кандидат филологических наук, доцент

Анжелика Михайловна Антонова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Irina S. Alekseeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Anzhelika M. Antonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.07.2021;

одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021

The article was submitted 23.07.2021;

approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Научная статья

УДК 811.122.2'04

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-117-134

Новый перевод первой аэнтюры «Песни о нибелунгах» на русский язык

Ксения Константиновна Кашлева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

kkashleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1343-1630>

Аннотация

Анализируются существующие переводы средневековой немецкой эпической поэмы «Песнь о нибелунгах» на русский язык. Переводы, выполненные М. И. Кудряшевым в 1889 г. и Ю. Б. Корнеевым в 1972 г., основаны на устаревшем издании «Песни о нибелунгах», сделанном К. Барчем. Издание К. Барча представляет собой не критическое издание какой-либо из основных рукописей, а в некотором роде компиляцию. Основой для издания К. Барча стала рукопись В, в текст которой он внес несколько тысяч исправлений. По этой причине издание К. Барча является не подходящим для перевода источником. Кроме того, в переводе Ю. Б. Корнеева содержится большое число фактических неточностей и добавлений, вызванных стремлением переводчика соблюсти размер оригинала. В статье показывается необходимость создания нового перевода средневерхненемецкого памятника литературы на русский язык. Статья дает краткий обзор проблем, стоящих перед переводчиком, а именно: соотношение содержания перевода и оригинала с точки зрения точности, необходимость комментариев, сообщающих читателю недостающую или толкующих неясную информацию. В статье приводятся доводы в пользу филологического перевода в виде прозаического подстрочника с комментариями, которые позволят читателю глубже проникнуть в суть текста, отстоящего от него не только в пространстве другой культуры, но и во времени. Статья предлагает новый перевод первой аэнтюры «Песни о нибелунгах» (рукопись В) с комментариями.

Ключевые слова

«Песнь о нибелунгах», средневерхненемецкий язык, героический эпос, критическое издание рукописей, средневековая поэзия

Для цитирования

Кашлева К. К. Новый перевод первой аэнтюры «Песни о нибелунгах» на русский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 117–134. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-117-134

New Translation of the First *Nibelungenlied* Adventure into Russian

Kseniia K. Kashleva

National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

kkashleva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1343-1630>

Abstract

This article analyzes the existing translations of the German medieval epic poem *Nibelungenlied* into Russian. Russian translations, made by M. I. Kudryashev in 1889 and Yu. B. Korneev in 1972, were based on the outdated publication

© Кашлева К. К., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 117–134
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 117–134

of the *Nibelungenlied* edited by K. Bartsch. The edition by K. Bartsch is rather a compilation than a critical study. The basis for this edition was the manuscript B, in which K. Bartsch made a great number of amendments. That is why K. Bartsch's edition cannot be regarded as a suitable source for translation. In contrast, the translation by Yu. B. Korneev contains a number of factual inaccuracies and additions caused by the translator's aim to keep the original metre. The article shows that it is necessary to make a new Russian translation of the Middle High German masterpiece. The article provides a review of possible problems facing a translator: accuracy of translation; making comments that give missing information or explain unclear places in the text. It argues in favour of overt translation with comments that help readers to understand the text which is a product of both another culture and another time. The article features a new translation of the first chapter of the *Nibelungenlied* (the manuscript B) with comments.

Keywords

Nibelungenlied, Middle High German, epic poetry, critical edition of manuscripts, medieval poetry

For citation

Kashleva, K. K. New Translation of the First *Nibelungenlied* Adventure into Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 117–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-117-134

Состояние вопроса

«Песнь о нибелунгах», памятник немецкой литературы конца XII – начала XIII в., долгое время является объектом пристального внимания специалистов.

Поэма дважды была переведена на русский язык, однако оба перевода не лишены существенных недостатков.

Перевод Ю. Б. Корнеева имеет значительно количество недочетов и неточностей, на что указывал А. Я. Гуревич в обширной статье, посвященной этому переводу [Гуревич, 1976]. А. Я. Гуревич рассмотрел несколько культурно-исторических концептов (и поведенческих «практик»), значимых для средневековой рыцарской культуры, два важных эпизода поэмы, а также представления автора поэмы о европейской географии и один из его стилистических приемов. Почти во всех разбираемых им примерах он отдает предпочтение более раннему переводу М. И. Кудряшева, считая его более точным. А. Я. Гуревич в итоге приходит к выводу, что Ю. Б. Корнеев не счел нужным углубляться в обычаи, идеалы и настроения людей, которые жили во время создания «Песни о нибелунгах». Нельзя не согласиться, что во многих случаях Ю. Б. Корнеев расставил акценты иначе, нежели в оригинальном тексте. Например, строфа 1036 (рук. В¹) у Ю. Б. Корнеева звучит так:

«Когда настало утро и небо заалело,
Кримхильда приказала нести к собору тело
Того, кто был при жизни ей Богом дан в мужья.
Вслед за носилками, в слезах, шли все ее друзья»
[Песнь о нибелунгах, 2008, с. 146].

Хотя в оригинале:

*Diu naht was zergangen. man sagte, ez wolde tagen.
dô hiez diu edel vrouwe zuo dem munster tragen
Sîfriden den herren, den vil lieben man.
swaz er dâ vriunde hete, di sach man weinende gân*
[Schulze, Grosse, 2010, S. 304].

«Ночь прошла. Говорили, [когда] начало светать,
Благородная дама велела нести к собору
Господина Зигфрида, своего любимого супруга.
Всех его друзей видели идущими за ним в слезах».

¹ Здесь и далее нумерация строф приводится по критическому изданию рукописи В [Schulze, Grosse, 2010].

Как видно из подстрочника, у Ю. Б. Корнеева друзья Зигфрида превратились в друзей Кримхильды. Кроме того, в переводе Ю. Б. Корнеева появилось упоминание Бога. По данным *Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank* (MHDBDB), лексема *got* почти всегда встречается в тексте в прямой речи (87,8 % из всех употреблений лексемы). В прямой речи эта лексема, как правило, входит в состав устойчивых клишированных словосочетаний типа *Nu lôn iu got* 'да вознаградит вас Бог'. Напротив, в речи автора лексема *got* употребляется только в контексте 'молитва Богу' / 'церковная служба' (см. строфы 31, 841, 1061, 1100, 1244, 1423, 1865) или в форме генитива как составная часть словосочетания со значением 'принадлежащий Богу', например: *gotes hand* 'десница Божия' (строфа 1576); *gotes arme* 'покинутый Богом' (строфы 1077, 1572). О том, что Ю. Б. Корнеев не всегда уместно добавляет в перевод упоминание Бога, невольно христианизировав языческие эпизоды текста, писал и А. Я. Гуревич [1976, с. 288–290].

У Ю. Б. Корнеева Румольт «орудует» на кухне сам [Песнь о нибелунгах, 2008, с. 113], хотя в обязанности кухмейстера входило руководство кухней и поварями, а не собственноручная готовка. Остальные вассалы «не покладая рук» «готовили дворец» к приезду гостей: «уж коли пир назначен, зал в срок убрать изволь» [Песнь о нибелунгах, 2008, с. 113], как будто они не рыцари, а дворцовая челядь. В оригинале же сказано о том, что вассалам надлежало проследить за устройством почетных мест для гостей [Schulze, Grosse, 2010, S. 228]. М. И. Кудряшев в этом моменте более точен («им той порой скамей пришлось поставить много») [Песнь о нибелунгах, 1889, с. 231].

У обоих переводчиков возникли сложности с придворными должностями (строфы 8–9). И М. И. Кудряшев, и Ю. Б. Корнеев переводят их названиями российских должностей (чашник, постельничий / спальник, стряпчий, стольник), хотя обязанности российских и европейских придворных должностей различались. М. И. Кудряшев, кроме того, называет Этцеля царем (авантюра 24), что, вероятно, могло быть употребительно в XIX в., однако не соответствует ни современным историческим представлениям, ни тексту оригинала.

Конец поэмы в переводе Ю. Б. Корнеева частично разобран А. Я. Гуревичем [1976, с. 304–306]. Однако его анализ нужно дополнить замечанием о том, что в строфах 2352–2363 переводчик опустил вновь возникающий там мотив мести: Кримхильда не просто так нарушает клятву, данную Дитриху. Иные штрихи переводчик добавляет и к образам Хильдебранда и Этцеля. В оригинале Хильдебранд говорит, что убийство не помогло достичь Кримхильде желаемого (строфа 2372) и что он отомстит за Хагена, несмотря на то, что Хаген принес самому Хильдебранду горе. Ю. Б. Корнеев опускает в переводе этот резонный вывод Хильдебранда, зато вкладывает в его уста слова о самопрощении. М. И. Кудряшев перевел конец поэмы более точно, но и его перевод не может считаться удовлетворительным.

Существенным недостатком обоих переводов является выбор текста оригинала. И перевод Ю. Б. Корнеева, и перевод М. И. Кудряшева выполнены по изданию К. Барча (по первому изданию 1886 г. и по его переизданию 1972 г. под редакцией Г. де Боора соответственно). Но дело в том, что данный вариант «Песни о нибелунгах» представляет собой в некотором роде компиляцию, выполненную Барчем. Как отметил Г. Райхерт, К. Барч нередко «улучшал» дословный текст рукописи В и внес в текст несколько тысяч исправлений [Reichert, 2005, S. 8]. Все это делает издание К. Барча не подходящим для перевода источником.

По этим причинам существует необходимость в создании нового перевода «Песни о нибелунгах». Возникает закономерный вопрос, каким должен быть перевод этой поэмы на русский язык. Прозаический перевод нередко воспринимается сухим, буквальным и явно проигрывающим стихотворному переводу по воздействию на читателя, но аудитория таких переводов шире, чем кажется на первый взгляд. По замечанию Н. И. Пригариной, Н. Ю. Чалисовой и М. А. Русанова, одна из задач филологического перевода – «заманить» читателя, который хочет узнать, что на самом деле говорил автор, в комментарий [Хафиз, 2012, с. 88, 94]. Комментарий дополняет и расширяет перевод, позволяя читателю глубже проникнуть в суть текста, который отстоит от него не только в пространстве другой культуры, но и во

времени². «Отказываясь от точности метра и рифмы, переводчик получает больше возможности передать точность образов, интонации, стиля произведения», – писал М. Л. Гаспаров [1993, с. 538] (см. также: [Андреев, 2015]).

Прозаический перевод «Песни о нибелунгах» не позволяет, конечно, сохранить нибелунгову строфу, однако дает возможность максимально точно передать смысл и образы исходного текста.

Перевод и комментарии

С учетом всех приведенных соображений был выполнен прозаический перевод первой авантюры по критическому изданию [Schulze, Grosse, 2010]. Добавления, необходимые для построения непротиворечивых и понятных с точки зрения русского языка предложений, даны в квадратных скобках³. Комментарии приводятся после текста.

Несмотря на сложившуюся традицию называть героев «Песни о нибелунгах» современными вариантами имен (т. е. Зигфрид, Кримхильда, Хаген и пр.), в данном переводе сохранены средневерхненемецкие варианты имен. Такой стилистический прием позволяет придать тексту больше архаичности, важной для восприятия текста читателем. Однако в комментариях и в основном тексте статьи имена персонажей приводятся в соответствии со сложившейся академической традицией.

Авантюра 1

- 1 Росла в Бургундии весьма благородная девица,
 [И] не было никого пригожей на всей земле.
 [Ее] звали Кримхильт. Прекрасной дамой [потом] стала она;
 Из-за нее лишились жизни многие герои.
- 2 О ней заботились три знатных и благородных короля:
 Прославленные герои Гунтер и Гернот,
 И молодой Гизельхер, замечательный герой.
 Была сестрой им [эта] дама. О ней пеклись государи.
- 3 Эти щедрые высокородные владыки
 [Были] необыкновенными, непомерно сильными и смелыми героями.
 Страна их называлась Бургундией.
 Много удивительного совершили они потом в землях Этцеля.
- 4 Жили они в Вормсе на Рейне со своими воинами.
 Им служили множество видных рыцарей
 С почетом и славой до конца жизни.
 Из-за вражды двух благородных дам кончина их была печальна.

² Одна из последних работ о роли комментария, формирующего мета- и паратекст художественного произведения, связывает перевод и с произведениями, написанными сравнительно недавно. Их социально-идеологическую фоновую информацию понимать все равно сложно [Изволенская, 2021].

³ Этот прием хорошо обоснован теоретически и проиллюстрирован на практике А. Ф. Лосевым в переводе древнегреческих философских текстов [Лосев, 1993, с. 527–528, примеч. 212]. Но он годится и для перевода современных гуманитарных текстов *вместо пространных сносок* для раскрытия асимметричного этнокультурного смыслового контекста, что показано в [Петерс, 2020].

- 5 Благородную королеву, их мать, звали фрау Ута.
Их отца звали Данкрат. [Он] им оставил власть
После смерти. [Он был] смелым благородным человеком,
Который, кроме того, в молодости завоевал большой почет.
- 6 Были три короля, как я сказал,
Весьма мужественными. Им служили
Также лучшие герои, о которых говорили [повсюду],
Сильные и отважные, не знавшие страха в упорных сражениях.
- 7 То был Хагне из Тронеге, а также его брат,
Весьма проворный Данкварт. Ортевин из Меца,
Два маркграфа – Гере и Эккеварт,
[И] Фолькер из Альца, в самом расцвете сил.
- 8 Начальник кухни, прославленный герой Румольт,
Синдолът и Хунольт – эти господа заботились
О великолепии двора. [Они были] вассалами трех королей.
Там было еще много героев, мне всех не перечислить.
- 9 Конюшней ведал Данкварт, а сын его сестры,
Ортевин из Меца, был королевским сенешалем.
Был кравчим выдающийся герой Синдолът.
Был камерарием Хунольт. Заботились они о славе [двора].
- 10 О могуществе двора в самом расцвете славы,
О великом достоинстве и рыцарских забавах,
В которых эти господа радостно проводили жизнь, –
Об этом вам доподлинно не смог поведать бы никто.
- 11 Окруженной этим величием Кримхильт приснился сон,
Как приручила она сильного, прекрасного и дикого сокола,
Которого [потом] растерзали два орла у нее на глазах.
Разве могло быть сильнее на свете горе, чем ее?
- 12 Этот сон рассказала она своей матери Уте.
Та не смогла объяснить лучше достойной [девице]:
– Сокол, которого ты приручила, – это благородный муж.
Если Бог не защитит его, потеряешь его ты быстро.
- 13 – Зачем вы говорите мне о муже, моя возлюбленная мать?
Отвергну я любовь героя,
Красавицей останусь до самой смерти.
И никогда любовь мужчины мне не принесет беду.
- 14 – Сейчас не зарекайся сильно, – возразила ее мать. –
На этом свете станешь ты счастливой лишь
Благодаря любви мужчины. Прекрасной дамой станешь ты,
Если соединит тебя Бог с добрым рыцарем.

- 15 – Оставьте эти речи, моя госпожа, – сказала она.
Очень часто со многими женщинами случается так,
Что любовь, в конце концов, вознаграждается страданиями.
Хочу я избежать такого, чтобы не случилось со мной ничего плохого.
- 16 В душе Кримхильт совсем любовь отвергла.
Достойная [девушка] прожила много приятных дней,
Не встретив никого, кого бы она смогла полюбить.
Потом она с честью стала женой отважнейшего героя.
- 17 То был тот самый сокол, которого она увидела во сне,
Растолкованном матерью. Как жестоко отомстила она
Близким родственникам, убившим его!
Смерть его принесла гибель сыновьям многих матерей.

Комментарии

Строфа 1

Едва ли не самая известная широкому читателю строфа (*Uns ist in alten mæren wunders vil geseit...*) в рукописи В отсутствует. Перед нами сразу предстает главная героиня Кримхильда, которая выступает активным действующим лицом с начала и до конца поэмы.

В «Песни о нибелунгах» (как и в других германских сказаниях) женщина играет важную, а нередко и ключевую роль. Б. И. Ярхо отмечал, что героини сюжетов, восходящих к эпохе Великого переселения народов, «коварные и кровожадные мстительницы или убийцы, трагичные и величественные в своей жестокости» [Сага о Волсунгах, 1934, с. 20]. Австрийский миннезингер Гуго фон Монфорт в песни № 24 говорит об этом так:

*Kriemhilt, die schön vom rein,
die bracht all held in nôt:
ze Etzelburg tett es die vein
da lagentz all tót <...>⁴*
[Montfort, 2005, S. 84].

Образ Кримхильды служит стержнем сюжета: поэма начинается с ее юных лет и заканчивается с ее гибелью. Неслучайно составитель «Амбрасской героической книги» (начало XVI в., содержит рукопись d «Песни о нибелунгах» на листах 95r – 127v) озаглавил «Песнь о нибелунгах» как «Кримхильт» (*Ditz Puech Heÿffet Chriemhilt*).

1,1: Росла в Бургундии (*E(z wuohs) in Burgonden*)

В «Песни о нибелунгах» упоминаются как реальные топонимы (Вормс, Ксантен), так и вымышленные (Страна нибелунгов). Реальные топонимы при этом не всегда совпадают с картой: например, представления автора о том, где находится Исландия, весьма смутны. Когда же речь идет о тех местах, которые ему знакомы, он более точен. Королевство бургундов в «Песни о нибелунгах» расположено в среднем течении Рейна со столицей в Вормсе.

В основе «Песни о нибелунгах» лежит сильно переработанный и искаженный рассказ о падении бургундского королевства. Согласно историческим свидетельствам, германское племя бургундов поселилось на Майне и Рейне в IV в. С 406 г. король Гундахар начал собирать под свою руку земли на левом берегу Рейна. В 413 г. там образовалось бургундское ко-

⁴ «Кримхильт, красавица с Рейна, принесла всем героям беду: сделала она так, что в Этцельбурге все они лежали мертвыми».

ролевство со столицей в Вормсе. Дальнейшая бургундская экспансия на запад окончилась в 436–437 гг. их поражением в северной Галлии от полководца Западной Римской Империи Флавия Аэция. После этого часть бургундов осела на территории Женевы и вдоль реки Роны (юго-восток современной Франции). Второе бургундское королевство было завоевано франками в 534 г. [Goffart, 2006, p. 143–144; McConnell et al., 2001, p. 138], и в дальнейшем стало частью Франкского государства, а затем современной Франции.

Лангобардский историк VIII в. Павел Диакон ошибочно изменил дату гибели первого бургундского королевства с 436–437 гг. на 451 г., связав поражение бургундов с Атиллой [Paulus Diaconus, 1914]. Реальная история, как видно из этого исторического экскурса, значительно отличается от того, что рассказано в «Песни о нибелунгах».

весьма благородная девица (*ein vil edel magedîn*)

Лексема *magedîn* (уменьшительное от *maget*) в средневерхненемецком языке (далее свн.) обозначала молодую незамужнюю девушку [Wege et al., 2016, S. 31]. Частотность употребления этой лексемы была сравнительно невысока как в героическом эпосе, так и в свн. литературе в целом. Согласно данным MHDDB, слово *maget* употреблялось в 8,6 % случаев из всех обозначений женщин во всех жанрах и в 10 % случаев в героическом эпосе. Для обозначения незамужней девушки высокого происхождения могли использоваться лексемы *juncvrouwe* (частотность 3,7 % в героическом эпосе; неоднократно встречается в «Песни о нибелунгах») и *vrouwelîn* (лишь 0,05 % в героическом эпосе и ни одного употребления в «Песни о нибелунгах»). Намного чаще в героическом эпосе употреблялись лексемы *vrouwe* (замужняя женщина из высшего сословия) и *wîp* ('женщина'): их доля в этой лексико-семантической группе составляет 31,3 и 13,3 % соответственно.

В свн. литературе, как правило, лексически маркировались не только возраст, социальный и матримониальный статус женщины, но и тип ее связи с героем, состоит ли она в законном браке с мужчиной (*kone*, *hûsvrouwe*, *wirtinne*), является его любовницей (*kebes*) или же вдовой (*witewe*). Однако в героическом эпосе эти лексемы крайне редки. В «Песни о нибелунгах» *kone* употребляется только единожды (строфа 1241), *hûsvrouwe* – трижды (строфы 835, 1224, 1322), *kebes* – дважды (строфы 836, 843) и *witewe* тоже дважды (строфы 1129, 1140). Возможно, это связано с жанром произведения.

Средневерхненемецкая лексема *edel* означала высокое, благородное происхождение и указывала на сословное положение, а не на внутренние качества человека.

1,3: Кримхильт (*Kriemhilt*)

В свн. языке это имя имело два метрических акцента, т. е. по одному на корень. Главное ударение падает на первый слог. Этимология этого имени неясна [Schramm, 1965].

В скандинавской литературной традиции немецкой Кримхильде «соответствует» более всего Гудрун, однако при наличии явных аналогий ставить знак равенства между этими персонажами нельзя. Их поступки, особенно в части поведения по отношению к братьям, отражают культурно-исторические коды разных эпох. Если Кримхильда мстит за мужа, то Гудрун мстит за братьев, что, как указывает А. Я. Гуревич, является отражением более ранней стадии развития сказания. Для Гудрун превыше всего ее долг перед братьями (т. е. родом), поэтому месть братьям за мужа для нее невозможна. Совершенно иная морально-этическая мотивировка направляет поступки Кримхильды, для нее узы брака иерархически уже выше и важнее в социальном отношении, нежели кровные [Гуревич, 1975, с. 20].

1,4: Из-за нее лишились жизни многие герои (*dar umbe muosen degene vil verliesen den lîp*)

Лексема *degen* входит в лексико-семантическую группу слов, означающих понятие «герой». К этой группе относятся также лексемы *helt*, *recke* и *wîgant* [Heinzle, 2013, S. 1039].

В каждой строфе оригинального текста четвертая строка имеет большее количество ударных слогов, чем остальные строки, поэтому ритмически она воспринималась слушателями как кульминационная. Уже здесь появляется одна из многочисленных отсылок вперед. Эта строка по смыслу переключается с последней строкой первой авертюры (17,4), образуя вместе с ней своеобразную рамку. В этой строке звучит трагический лейтмотив поэмы.

Строфа 2

В рукописях A, L, D, I, J, (h), K, d, k между строфами B1 и B2 есть еще одна строфа, описывающая красоту Кримхильды.

*Der minnechlichen meide triuten wol gezam
in muote küener recken. niemen was ir gram.
âne mâzen schoene sô was ir edel lîp.
der juncvrouwen tugende zierten anderiu wîp*
[Heinzle, 2013, S. 1040].

(«Прекрасная девушка заслуживала, чтобы ее полюбил
Всем сердцем отважный герой. У нее не было врагов.
Сверх всякой меры высокородная была прекрасна.
Достоинства молодой королевны восхваляли и другие дамы.»)

В сходном духе описывается Кримхильда (Гудрун) и в «Саге о Вельсунгах». В беседе придворная дама говорит о «красоте, мудрости и вежестве» королевской дочери [Сага о Волсунгах, 1934, с. 176].

Вторая строфа повествует о братьях Кримхильды, одновременно указывая на ее социальное (сестра королей) и семейное (незамужняя девушка) положение.

2,2: Гунтер и Гернот (*Gunther unde Gêrnôt*)

Король бургундов Гунтер – один из важнейших персонажей поэмы и связанных с ней текстов (например, «Вальтарий», «Вальдере», «Старшая Эдда»). Он является одним из главных героев германских преданий, берущих начало в эпохе Великого переселения народов, наряду с вождем гуннов Этцелем (Аттилой) и королем остготов Дитрихом (Теодорихом Великим). Имя «Гунтер» восходит к имени бургундского короля Гундахара, упомянутого в кодексе законов «Бургундская правда». Кодекс был создан в конце V в. во время правления короля Гундобада. В нем короли Гибика, Гундомар, Гизлахар и Гундахар названы предками Гундобада [Drew, 1972, p. 24]. В «Старшей Эдде» Гибика зовут Гьюки (*Gjuki*), и он приходится отцом трем королям. Гундомар соответствует Герноту (Гутторм в «Старшей Эдде», Герноц в «Тидрек-саге»), Гизлахар – Гизельхеру, Гундахар – Гунтеру (скандинавский вариант: Гуннар). Никаких исторических сведений о них не сохранилось.

Однако «Песнь о нибелунгах» (как и все прочие тексты, в которых действуют эти герои) весьма вольно обходится с исторической хронологией. Так, хотя точный год рождения Теодориха неизвестен, предполагается, что он родился около 450 г., а значит, не мог действовать в одно время с Аттилой, который умер в 453 г.

прославленные герои (*di recken lobelich*)

Несогласованное прилагательное стоит в постпозиции к определяемому существительному, что продиктовано стихотворным размером. Лексема *recke* употребляется в рукописи В реже, чем лексема *degen* (0,1 против 0,42 %), а вот в рукописи С использование этих лексем сопоставимо (0,5 и 0,48 %), что можно рассматривать, как одно из проявлений ярко выраженной языковой разницы между этими рукописями.

Строфа 3

Если первая строфа указывает на географическое положение, а вторая – на социальный статус персонажей, то третья строфа дает нам примерную временную локализацию. Она связана с именем Этцеля (Аттилы).

3,4: в землях Этцеля (*in Etzelen lant*)

Земли Этцеля, короля гуннов, подробно описываются во второй части поэмы. Его главная крепость (*Etzelnburc*) располагалась на территории современной Венгрии, предположительно в Эстергоме (нем. Гран) на южном берегу Дуная или в Обуде (нем. Офен) [Schulze, Grosse 2010, S. 812].

Этимология имени «Аттила» неясна [Snædal, 2015], однако название его крепости – явный экзоним (свн. *Etzel* «Аттила» + *burc* «крепость»). Как называли сами гунны свое поселение, неизвестно.

*Строфа 4***4,2: множество видных рыцарей (*vil stolziu ritterschaft*)**

В «Песни о нибелунгах» прилагательное сильного склонения часто усиливается наречием *vil*. На сочетание *vil* + *прилагательное* приходится 68 % всех вхождений лексемы *vil* в тексте поэмы (MHDBDB).

Лексема *ritterschaft* («группа рыцарей») является собирательным существительным и номинирует одно из ключевых понятий придворной культуры высокого Средневековья. Слово «рыцарь» (*ritter*) в данном случае имеет два значения: 1) конный воин; 2) благородный воин, которому пожаловали рыцарство в ходе специальной церемонии. Значение «рыцарское сословие» лексема *ritterschaft* приобрела значительно позже.

4,4: Из-за вражды двух благородных дам (*von zweier edelen frouwen nît*)

Лексема *nît* в свн. могла означать враждебные чувства, зависть, боевую ярость, злобу. Это значение она унаследовала от двн. *nîd*. Ср. древнеангл. *nîþ*, древнесакс. *nîð*, древнефризск. *nith* с теми же значениями (*Nîþ*). Однако в древнеисл. *nîð* могло использоваться в значении «проклятье» (ср. «Сага об Эгиле», глава 57).

*Строфа 5***5,1: их мать звали фрай Ута (*frou Uote ir muoter hiez*)**

По версии рукописи С (строфа 1158), после смерти своего супруга Ута основала имперское аббатство в Лорше. Лорш расположен примерно в 20 километрах к востоку от Вормса.

Весьма интересным представляется, что в 1167 г. аббатом Лоршского монастыря стал Зигхард фон Шауэнбург, которого некоторые исследователи считали возможным автором рукописи С. Поскольку он приходился внуком жившей неподалеку от Лорша Уте фон Кальв (дочери Адальберта II), исследователи предположили, что это говорит в пользу того, что именно Зигхард около 1150 г. сложил базу редакции *С [McConnell et al., 2001, p. 225–226]. Однако никаких фактических доказательств в подтверждение этой версии найти не удалось.

Здесь «Песнь о нибелунгах» опять расходится с реальными историческими событиями. Монастырь в Лорше был основан в 764 г. франкским гауграфом Канкором и его матерью Виллисвиндой [Innes, 2000, p. 18]. В 772 г. монастырь вошел в число королевских монастырей Карла Великого и стал важным культурным и научным центром [Schutz, 2003, p. 165]. Приблизительно ко времени создания «Песни о нибелунгах» монастырь потерял большую часть своих привилегий, а затем и независимость, когда Фридрих II одобрил его передачу архиепископу Майнца [Häse, 2002, S. 2].

Более близким по времени к созданию «Песни о нибелунгах» событием является основание монастыря Всех святых в Шварцвальде. Считается, что он был основан Утой фон

Шауэнбург после смерти ее супруга, герцога Сполето Вельфа VI, не позднее 1196 г. [Sigwart, 1995, S. 115].

5,2: Их отца звали Данкрат (*ir vater der hiez Dancrât*)

В рукописях А и С отец бургундских королей также носит имя Данкрат, в рукописи D – Данкварт (*Dancwart*). Только рукопись k, датируемая концом XV в., дает его имя как Гибих (*Gibich*) в соответствии с именем этого полулегендарного бургундского короля в других текстах («Видсид», «Бургундская правда»; Гьюки (*Gjúki*) в скандинавских текстах).

Строфа 6

В этой строфе впервые звучит голос автора. Она выступает как переходное звено между предыдущими строфами, рассказывающими о королевской семье, и следующими строфами, описывающими королевский двор.

6,1: как я сказал (*als ich gesaget hân*)

Говоря о себе, автор чаще всего использует местоимение *ich* (строфы 8, 20, 39, 68, 129 и т. д.), однако встречаются варианты *wir* (строфы 90, 380 и др.) и безличное *man* (строфы 6, 27, 1060). Иногда он обращается прямо к слушателю, используя личное местоимение: *als ich iu hân geseit* «как я уже **вам** рассказал» (строфа 568, а также аналогичные обороты в строфах 181, 627, 2376). Это сближает рассказчика и слушателя, подчеркивая вместе с тем, что «Песнь о нибелунгах» – это *mære*, т. е. нечто широко известное, о чем рассказывают много и с удовольствием. Герои и ситуации поэмы упоминаются во многих произведениях XII–XIV вв. Гуго фон Монфорт «читал // и, конечно, слышал» это предание [Montfort, 2005, S. 84]; а в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха герои обсуждают совет Румольта не ехать к гуннам (куплет 420).

В конце «Плача» (*Die Klage*) есть комментарий, указывающий на то, что епископ Пильгрим фон Пассау повелел записать на латыни *mære*, которое ему рассказал один шпильман – очевидец событий. Там говорится также, что с тех пор это *mære* стали чаще рассказывать немцы [Schulze, 2007, S. 4].

Строфа 7

7,1: Хагн из Тронеге (*von Tronege Hag(e)ne*)

Хаген, один из центральных персонажей поэмы, приходится родственником (*æheim*) бургундским королям. Топоним в имени Хагена (Тронье) до сих пор не получил однозначного толкования. Его отца звали Альдриан (строфа 1750). Это имя, предположительно, заимствовано из «Тидрек-саги», где конунг нибелунгов Альдриан назван отцом Гуннара, Герноца, Гислера и Гримхильд. Жена Альдриана родила и еще одного сына – Хегни (Хагена), но не от мужа, а от альва (см. «Тидрек-сага», гл. 169).

Упоминается Хаген и в «Вальтарии».

Строфа 8

Несмотря на то что в основе «Песни о нибелунгах» лежат события V в., в поэме упоминаются реалии, современные ее автору, в том числе придворные должности. Эта и следующая строфы содержат их перечисление.

Уже при мерovingском дворе выделялись пять важных должностей: маршал, трухзес (во Франции – сенешаль), камерарий, майордом и кравчий. При дворе Карла Великого основных должностей по управлению дворцовым хозяйством было восемь. В X–XII вв. при дворах европейских государей происходит выделение четырех главных должностей: камерарий, трухзес, кравчий и маршал. С конца XII в. эти должности при императорском дворе стали наследственными. Эти обязанности имели вид почетной службы, а их ежедневное выполнение возлагалось на низших должностных лиц и слуг [Властные институты..., 2011, с. 131–135].

Важным для перевода представляется то, что бургундское королевство принадлежало германской культуре, а современный регион Бургундия теперь принадлежит почти целиком французской (см. примеч. к 1,1). И хотя в русской традиции многие реалии поэмы передаются на немецкий манер, придворным должностям затруднительно подобрать эквиваленты. В данном переводе названия должностей даются так, как они приняты в русскоязычных исторических работах, посвященных этому периоду [Властные институты..., 2011].

8,1: Начальник кухни (*der kuchenmeister*)

Должность кухмейстера (*magister coquinae*) давалась управляющему кухней и всем кухонным хозяйством при дворе (обеспечение продовольствием, надзор за поварами и кухонными слугами) [Властные институты..., 2011, с. 137].

Строфа 9

9,1: Конюшней ведал Данкварт (*Danchwart der was marschalc*)

Лексема *marschalc* означала один из высших чинов при дворе того времени, управляющего конюшнями и руководящего выездами (*comes stabuli*). Первоначально это слово использовалось для обозначения конюха (двн. *marahscalk*, от *marah* 'лошадь' и *scalc* 'слуга' [Schützeichel, 2011, S. 216]). Маршал заботился о безопасности короля, дисциплинарном надзоре за двором, об организации внешнего хода гофтагов, а на войне был предводителем всего войска (с XII в.) [Властные институты..., 2011, с. 135–136].

сын его сестры (*der neve*)

В свн. языке, начиная с XII в., слово *neve* чаще всего означало сына сестры [Jones, 2011, p. 120]. Однако эта лексема могла использоваться и для обозначения сына брата (племянника), брата матери (дяди), кузена и даже просто родственника [Ibid., pp. 22–26, 119–126].

9,2: Был королевским сенешалем (*truhsæze*)

Еще одна высокая придворная должность, трукзес (двн. *truh(t)sāz(zo)*), или сенешаль (свн. *seneschalt*, от фр. *sénéchal*, восходящего к двн. или позднелат. *sinescalcus*, *seniscalcus* [Seebold, 2011, S. 843]). Он управлял придворным хозяйством и имуществом, надзирал за доходами с фиска, отвечал за обслуживание двора короля [Властные институты..., 2011, с. 135].

Упоминается при описании двора наряду с кравчим [Stackmann, Bartsch, 2000, S. 86] и камерарием [Ibid., S. 318] также в «Кудруне» [Ibid., S. 11].

9,3: был кравчим (*schenke*)

Придворная должность (двн. *scenco*), управляющий винными погребами. Часть своих обязанностей кравчий делил с трукзесом.

был камерарием (*kamerære*)

Эта должность была развита слабее всего. В XI–XIII вв. камерарий распоряжался ведением дворцового хозяйства, его доходами и расходами, заведовал королевской сокровищницей и гардеробом. Постепенно на первый план среди его обязанностей выдвинулись функции казначея [Властные институты..., 2011, с. 136].

Строфа 10

10,2: [o] рыцарских забавах (*von ir ritterschaft*)

Ritterschaft в данном случае означает рыцарскую жизнь и рыцарские обычаи, т. е. турниры и войну.

10,4: Об этом вам доподлинно не смог поведать бы никто (*des enkunde iu ze wære niemen gar ein ende geben*)

Важной особенностью текста «Песни о нибелунгах» являются клитики, характерные для средневерхненемецкого языка. Большое количество как проклитик, так и энклитик отчасти обусловлено широко использовавшимся двойным отрицанием, когда клитика с отрицательным значением присоединяется к глаголу (проклитика) или местоимению (энклитика) в дополнение к отрицательному слову.

Строфа 11

После рассказа о бургундском дворе автор возвращается к повествованию о Кримхильде. Сон Кримхильды описывается и в других текстах, например, в «Саге о Вельсунгах» (гл. 25).

11,2: сильного, прекрасного и дикого сокола (*einen valken, starc, schæn und wilde*)

Первоначально и в «Саге о Вельсунгах» Кримхильда (Гудрун) говорит о том, что ей снился сокол с золотым оперением. Однако, рассказывая свой сон Брюнхильде, она говорит уже об олене (с золотой шерстью). Возможно, это следствие наложения разных метафор. Сравнение с оленем встречается в скандинавских сагах (ср. *fyrir því at svá bar hún af öllum konum at fegrð sem hjörtr af öðrum dýrum* «ибо она была красивее всех женщин, как олень красивее других зверей» в «Саге о Рагнаре Меховые Штаны и его сыновьях») (Ragnars saga, 1943–1944, II. Karítuli), тогда как сокол был одним из символов, использовавшихся в лирике миннезингеров (см., например, стихотворение Кюренберга *Falkenlied*).

11,3: растерзали два орла (*zwêne aren erkrummen*)

В «Тидрек-саге» у Гуннара (Гунтера) на щите был изображен коронованный орел, а у Хегни (Хагена) – орел без короны.

Erkrummen ‘царапать (клювом, лапами, когтями)’. Очень редко используемая лексема (всего 6 вхождений в MHDDBD, из них половина приходится на «Песнь о нибелунгах»).

11,4: Разве могло быть сильнее на свете горе, чем ее? (*ir enkunde in dirre werlde leider nimmer geschehen*).

Ср. в «Саге о Вельсунгах»: *Var mér þat svá mikill harmr, at ek máttu trautt bera* [Völsunga saga, 1943–1944, chapter 25]. – «Стало мне это за великое горе, так что едва могла я снести» [Сага о Волсунгах, 1934, с. 179]. Несмотря на то что Кримхильда рассказывает всего лишь о сне, эмоции, которые она при этом испытывает, крайне сильны. В авантюре 16 Кримхильда снова говорит о своей скорби, рассказывая Зигфриду свои второй и третий сны: *daz ich sô sêre weine des gêt mir wærlîche nôt* «у меня была серьезная причина так сильно плакать» (строфа 918), *daz tuot mir an dem herzen wê* «от этого мое сердце заболело» (строфа 921).

Строфа 12

12,1: Этот сон рассказала она своей матери Уте (*den troum si dô sagete ir muoter Uoten*)

В «Саге о Вельсунгах» сон Кримхильды толкует Брюнхильда (а не Ута, как в «Песни о нибелунгах»), и сам сон более развернут: Кримхильде снится не только смерть Зигфрида, но и смерть ее братьев [Сага о Волсунгах, 1934, с. 179].

Строфа 13

Некоторые исследователи отмечают, что диалог о любви между Утой и Кримхильдой построен по образцу аналогичного диалога между Лавинией и ее матерью в «Энеиде» Генриха фон Фельдеке [Schulze, Grosse, 2010, S. 707]. Однако границы стандартного женского поведения раздвигает дочь (Кримхильда), а не мать (Ута), в отличие от «Энеиды» [Rasmussen, 1997, p. 66].

13,3: Красавицей останусь до самой смерти (*sus scæm ich wil belîben unz an mînen tôt*)

Мотив сохранения девственности как способ для девушки остаться неизменной и не утратить свои выдающиеся качества в поэме возникает дважды. Сначала об этом заявляется эксплицитно – устами Кримхильды (ее уникальное достоинство – красота), затем показывается имплицитно – в сценах сватовства к Брюнхильде и начала ее супружеской жизни (уникальность Брюнхильды заключается в физической силе, позволяющей на равных сражаться с воинами-мужчинами). Однако если Брюнхильда теряет свои способности после замужества, то красота Кримхильды не тускнеет (строфы 1146–1147). Эта разница в последствиях продиктована разными причинами. Сверхъестественная сила Брюнхильды никак не объясняется в «Песни», тогда как в «Саге о Вельсунгах» она предстает в качестве воительницы (*skjaldmær*), наказанной Одином («Один уколол меня сонным шипом в отместку за это и рек, что никогда больше не одержу я победы, и приказал мне выйти замуж») [Сага о Волсунгах, 1934, с. 161]. «Сага о Вельсунгах» объединяет, таким образом, сохранившиеся в «Старшей Эдде» истории валькирии Сигдривы и Брюнхильды. В «Песни о нибелунгах» образ и предыстория Брюнхильды, сознательно или нет, подверглись сильному сокращению по сравнению с «Сагой о Вельсунгах» и «Старшей Эддой». Брюнхильда из «Песни о нибелунгах» уже не валькирия, о проклятии Одина не идет речи, однако в полном соответствии с ним она теряет свою силу. Кримхильда, напротив, должна сохранить свою красоту, чтобы выйти замуж во второй раз.

*Строфа 14***14,4: Если соединит тебя Бог с добрым рыцарем (*ob dir noch got gefüezet eins rehte quoten ritters lîp*)**

В то время как Кримхильду тревожит вероятная гибель ее возлюбленного, Ута делает акцент на радостях брака и переводит спор-беседу с дочерью на эту тему. Осталось не растолкованным, кто именно погубит супруга Кримхильды.

*Строфа 15***15,3: что любовь, в конце концов, вознаграждается страданиями (*wie liebe mit leide ze jungest lônē kan*)**

Эта строка перекликается со словами из стихотворения Дитмара фон Айста *liēp âne leit mac niht sîn* ‘любви без горя не бывает’ или из «Тристана» Готфрида Страсбургского *liēp unde leit diu wâren ie an mînnen ungescheiden* ‘в любви всегда смешиваются радость и горе’ [Felder, 2006, S. 210]. Лексема *liēp* могла иметь значения ‘возлюбленный’, ‘радостный, приятный’.

*Строфа 16***16,4: Потом она с честью стала женой отважнейшего героя (*sît wart si mit êren eins vil kûenen recken wîp*)**

Это предпоследний, четвертый, пролепсис (опережающий рассказ о последующем событии) первой авантюры. Только в нем говорится о радостном событии, а не о гибели.

*Строфа 17***17,2-3: Как жестоко отомстила она // Близким родственникам, убившим его! (*wî sêre si daz rach an ir næhsten mîgen, die in sluogen sint*)**

Образ Кримхильды претерпевает в поэме наиболее существенные изменения. Если в первой части она явно пользуется сочувствием автора, то во второй части симпатии автора уже на стороне братьев Кримхильды, которая получает прозвание дьяволицы (*vâlendinne*). Это весьма редкая характеристика женского персонажа: она встречается всего в 2,85 % текстов в корпусе MHDBDB, а ее относительная частота в корпусе составляет примерно 3 вхождения на 1 млн словоформ.

Сюжет с приглашением Кримхильды и ее мстью нашел отражение в текстах, которые прямого отношения к сказаниям о нибелунгах не имеют.

Предательство и смерть Кримхильды обычно упоминались в контексте песен и преданий. Это, например, «Деяния данов» («Он нарочно принялся распевать красивую песню об известном предательстве, совершённом Гримильдой в отношении [своих?] братьев, стараясь этим знаменитым примером коварства вызвать у Канута боязнь того, что нечто подобное может произойти и с ним» [Саксон Грамматик, 2017, с. 70]); дидактическая поэма «Бегущий» Гуго фон Тримберга, где автор слушал «с удовольствием» о смерти Кримхильды, а также о Дитрихе Бернском, убитом Зигфридом драконе и о сокровище нибелунгов (все эти сюжеты перечислены отдельно) [Trimberg, 1908, S. 283]; упоминание предательства Кримхильды в стихах Марнера (*Der Marner*) [Willms, 2008, S. 351].

Имя Кримхильды отчасти стало нарицательным: празднеством Кримхильды (*Krimhiltens hôchzît*) могли назвать кровопролитное сражение (MHDBDB), а ее имя использовать для негативной характеристики женщины (*du übliu Chriemhilt* ‘ты, злобная Кримхильда’) [Schmid, 2018, S. 11–12].

Заключение

Уже существующие переводы «Песни о нибелунгах» на русский язык выполнены в стихотворной форме с сохранением нибелунговой строфы, что наложило на переводчиков довольно жесткие рамки и привело к немалому количеству неточностей.

Данная работа представляет собой прозаический перевод на русский язык первой авантюры. Прозаический перевод не дает возможности сохранить рифму и метр, однако позволяет максимально точно передать смысл поэмы. Кроме того, в отличие от прежних переводов на русский язык, новый перевод основан на современном критическом издании «Песни о нибелунгах».

Однако даже прозаический перевод содержит добавления, которые требуются для построения непротиворечивых и понятных с точки зрения русского языка предложений. Такие логические связки даны в квадратных скобках. Эти дополнения восстанавливают эллиптированные компоненты и обусловлены различиями в синтаксисе русского и средневерхненемецкого языков. В этом заключается принципиальное отличие таких вставок от «концептов», привнесенных в свой перевод Ю. Б. Корнеевым.

Отдельного комментария заслуживает перевод имен собственных, поскольку перенос имени в другую культуру «может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени, создать ложные ономастические реалии и серьезно исказить восприятие иноязычной культуры» [Фефелов, 2017, с. 5]. В данном переводе осознанно сохранены средневерхненемецкие варианты имен героев для придания тексту большей архаичности.

Еще одной переводческой проблемой является передача географических названий. Так, исторически бургундское королевство принадлежало к германской культуре, а современный регион Бургундия почти целиком принадлежит к французской. Необходимость древнегерманской адаптации «Песни о нибелунгах» влияет на выбор эквивалентов при переводе на русский (т. е. в пространство «третьей», внешней культуры). В русской традиции многие реалии этой «креолизованной» зоны называются на немецкий манер: Бургундия, а не Бургонь⁵, Рейн, а не Рен, Маас, а не Мёза и т. д. [Там же, с. 12]. Однако Мервингов и Каролингов сейчас невозможно отделить от Франции, несмотря на их германское (франкское) происхождение, из-за чего некоторые культурные реалии в русском традиционно обозначаются на французский манер (например, «сенешаль»).

⁵ При этом по-французски королевство бургундов иногда называется *Burgondie*, в отличие от Бургундии (*Bourgogne*) в составе Франкского государства (а затем Франции).

Перевод сопровождается подробными комментариями, содержащими информацию исторического, культурного и филологического характера. В комментариях соответствующие фрагменты «Песни о нибелунгах» анализируются в сопоставлении с другими литературными произведениями, так или иначе связанными с поэмой, или с произведениями, созданными в ту же эпоху. Большая часть сведений, представленных в комментариях, на русском языке ранее не излагалась и неизвестна широкому читателю.

Эта работа призвана положить начало новому комментированному переводу «Песни о нибелунгах», отвечающему всем современным филологическим требованиям.

Список литературы

- Андреев М. Л.** Гаспаров – переводчик Ариосто // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 25–31.
- Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Т. П. Гусаровой. М.: КДУ, 2011.
- Гаспаров М. Л.** От переводчика // Лудовико Ариосто. Неистовый Роланд. М.: Наука, 1993. С. 538–539.
- Гуревич А. Я.** Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975.
- Гуревич А. Я.** Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения / Под ред. В. А. Карпушиной. М.: Наука, 1976. С. 276–314.
- Изволенская А. С.** О роли переводческого комментария: социально-политические реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 166–180. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180
- Лосев А. Ф.** Бытие. Имя. Космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
- Песнь о Нибелунгах с введением и примечаниями / Пер. со средневерхненем. М. И. Кудряшева. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889.
- Песнь о нибелунгах: Эпос / Пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Петерс Б.** Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Сага о Волсунгах / Сост. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934.
- Саксон Грамматик.** Деяния данов: В 2 т. / Пер. с лат. А. С. Досаева. М.: SPSL; Русская панорама, 2017. Кн. 1–16.
- Фефелов А. Ф.** Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2017. 251 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35052003> и <http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMjgxNQ/cGFnZTAwMQ&q=фефелов>
- Хафиз: Газели в филологическом переводе / Пер. Н. Пригарина, Н. Чалисова, М. Русанов. М.: РГГУ, 2012. Ч. 1. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности. Вып. 40; Восток и античность в классических текстах. № 4)
- Drew, K. F.** (ed.). The Burgundian Code: Book of Constitutions or Law of Gundobad; Additional Enactments. University of Pennsylvania Press, 1972.
- Felder, G.** Kommentar zur “Crône” Heinrichs von dem Türlin. De Gruyter, 2006.
- Goffart, W.** Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire. University of Pennsylvania Press, 2006.
- Häse, A.** Mittelalterliche Bücherverzeichnisse aus Kloster Lorsch: Einleitung, Edition und Kommentar. Otto Harrassowitz Verlag, 2002.

- Heinzle, J.** (Hrsg.). Das Nibelungenlied und die Klage. Berlin, 2013. (Bibliothek des Mittelalters 12)
- Innes, M.** State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400–1000. Cambridge University Press, 2000.
- Jones, W. J.** German Kinship Terms (750–1500): Documentation and Analysis. De Gruyter, Inc., 2011.
- McConnell W., Wunderlich W., Gentry F., Mueller U.** (eds.). The Nibelungen Tradition: An Encyclopedia. Taylor & Francis Group, 2001.
- Montfort H. von.** Das poetische Werk. Walter de Gruyter, 2005.
- Paulus Diaconus.** Historia Romana. Liber XIV, 4–5. Crivellucci ed., 1914. URL: http://www.intratext.com/IXT/LAT0907/_PE.HTM (accessed 21.09.2020)
- Rasmussen, A. M.** Mothers and Daughters in Medieval German Literature. Syracuse University Press, 1997.
- Reichert, H.** (Hrsg.). Das Nibelungenlied. Berlin, New York, De Gruyter, 2005.
- Schmid, F. M.** Die Fassung *C des Nibelungenlieds und der Klage. De Gruyter, 2018.
- Schramm, G.** Der Name Kriemhilt. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 1965, Bd. 94, Ht. 1, S. 39–57.
- Schulze, U.** (Hrsg.), **Grosse, S.** (Komm., Übersetzer). Das Nibelungenlied: Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch (Reclam Bibliothek), 2010.
- Schulze, U.** Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Editionsprozess des Nibelungenliedes. 2007. DOI 10.1515/9783484604988.0.1
- Schutz, H.** Carolingians in Central Europe, their history, arts, and architecture: A cultural history of Central Europe, 750-900. BRILL, 2003.
- Schützeichel, R.** Althochdeutsches Wörterbuch. De Gruyter, 2011.
- Seebold, E.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Auflage. Walter de Gruyter, 2011.
- Sigwart, J.** Das ehemalige Prämonstratenserkloster Allerheiligen und die Denkmalpflege im 19. und 20. Jahrhundert. Denkmalpflege in Baden-Württemberg – *Nachrichtenblatt der Landesdenkmalpflege*, 1995, Bd. 24, Nr. 3, S. 115–122.
- Snædal, M.** Attila. *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2015, vol. 20, pp. 211–219. DOI 10.4467/20843836SE.15.014.2800
- Stackmann K., Bartsch K.** (eds.). Kudrun. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2000.
- Trimberg, H. von.** Der Renner. Tübingen, 1908.
- Völsunga saga. Jónsson G., Vilhjálmsen B. Reykjavík, Bókaútgáfan Forni, 1943–1944.
- Wegera, K.-P., Schultz-Balluff, S., Bartsch, N.** Mittelhochdeutsch als fremde Sprache. Erich Schmidt Verlag, 2016.
- Willms, E.** (eds.). Der Marner. Berlin, Boston, De Gruyter, 2008.

Список источников

- MHDBDB – Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank / Middle High German Conceptual Database. 1992–2021 (laufend). URL: <http://www.mhdbdb.sbg.ac.at/> (accessed 21.01.2021).
- Níþ. In: An Anglo-Saxon Dictionary Online. Bosworth J., Toller T. N. et al. (eds.). URL: <https://bosworthtoller.com/23775> (дата обращения 21.09.2020).
- Ragnars saga loðbrókar ok sona hans. In: Fornaldarsögur Norðurlanda, 1943–1944. URL: https://heimskringla.no/wiki/Ragnars_saga_lo%C3%B0br%C3%B3kar_ok_sona_hans (accessed 21.09.2020)

References

- Andreev, M. L.** Gasparov is as a Translator of Ariosto. *Voprosy literatury*, 2015, no. 5, pp. 25–31. (in Russ.)
- Drew, K. F.** (ed.). *The Burgundian Code: Book of Constitutions or Law of Gundobad; Additional Enactments*. University of Pennsylvania Press, 1972.
- Fefelov, A. F.** Proper Names in Intercultural Communication and Translation: A Study Guide. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2017. Electronic edition. 251 p. (in Russ.) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35052003> and <http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtMjg5NQ/cGFnZTAwMQ&q=фефелов>
- Felder, G.** *Kommentar zur “Crône” Heinrichs von dem Türlin*. De Gruyter, 2006.
- Gasparov, M. L.** From the translator. In: *Ludoviko Ariosto. Neistovij Roland*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 538–539. (in Russ.)
- Goffart, W.** *Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire*. University of Pennsylvania Press, 2006.
- Gurevich, A. Ya.** Medieval Heroic Epic of the Germanic peoples. In: *Beovul’f. Starshaja Jedda. Pesn’ o nibelungah*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. (in Russ.)
- Gurevich, A. Ya.** Medieval Literature and its Modern Perception. Of the Translation of the Nibelungenlied. In: *Karpushin V. A. (ed.). Iz istorii kul’tury srednih vekov i Vozrozhdeniya*. Moscow, Nauka, 1976, pp. 276–314. (in Russ.)
- Gusarova, T. P.** (ed.). *Power Institutions and Official Positions in Europe in the Middle Ages and in the Early Modern Period*. Moscow, KDU Publ., 2011. (in Russ.)
- Hafez:** Ghazals in Overt Translation. Transl. by N. Prigarina, N. Chalisova, M. Rusanov. Moscow, RGGU, 2012, pt. 1. (in Russ.) (*Trudy Instituta vostochnykh kul’tur i antichnosti*. Vyp. 40; *Vostok i antichnost’ v klassicheskikh tekstakh*)
- Häse, A.** *Mittelalterliche Bücherverzeichnisse aus Kloster Lorsch: Einleitung, Edition und Kommentar*. Otto Harrassowitz Verlag, 2002.
- Heinzle, J.** (Hrsg.). *Das Nibelungenlied und die Klage*. Berlin, 2013. (Bibliothek des Mittelalters 12)
- Innes, M.** *State and Society in the Early Middle Ages: The Middle Rhine Valley, 400–1000*. Cambridge University Press, 2000.
- Izvolenskaya, A. S.** Commenting on Culture-Bound Elements in Fiction: Overcoming Social and Political Bias in M. Bulgakov’s “A Dog’s Heart”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 166–180. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180
- Jones, W. J.** *German Kinship Terms (750–1500): Documentation and Analysis*. De Gruyter, Inc., 2011.
- Losev, A. F.** *Being. Name. Cosmos*. Ed. by A. A. Takho-Godi. Moscow, Mysl’, 1993. (in Russ.)
- McConnell W., Wunderlich W., Gentry F., Mueller U.** (eds.). *The Nibelungen Tradition: An Encyclopedia*. Taylor & Francis Group, 2001.
- Montfort H. von.** *Das poetische Werk*. Walter de Gruyter, 2005.
- Paulus Diaconus.** *Historia Romana. Liber XIV, 4–5*. Crivellucci ed., 1914. URL: http://www.intratext.com/IXT/LAT0907/_PE.HTM (accessed 21.09.2020)
- Peeters B.** Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 84–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Rasmussen, A. M.** *Mothers and Daughters in Medieval German Literature*. Syracuse University Press, 1997.
- Reichert, H.** (Hrsg.). *Das Nibelungenlied*. Berlin, New York, De Gruyter, 2005.
- Saxo Grammaticus.** *Gesta Danorum*. Transl. from Latin by A. S. Dosaev. Moscow, SPSL; Russkaya panorama, 2017. (in Russ.)

- Schmid, F. M.** Die Fassung *C des Nibelungenlieds und der Klage. De Gruyter, 2018.
- Schramm, G.** Der Name Kriemhilt. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 1965, Bd. 94, Ht. 1, S. 39–57.
- Schulze, U.** (Hrsg.), **Grosse, S.** (Komm., Übersetzer). Das Nibelungenlied: Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch (Reclam Bibliothek), 2010.
- Schulze, U.** Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Editionsprozess des Nibelungenliedes. 2007. DOI 10.1515/9783484604988.0.1
- Schutz, H.** Carolingians in Central Europe, their history, arts, and architecture: A cultural history of Central Europe, 750–900. BRILL, 2003.
- Schützeichel, R.** Althochdeutsches Wörterbuch. De Gruyter, 2011.
- Seebold, E.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Auflage. Walter de Gruyter, 2011.
- Sigwart, J.** Das ehemalige Prämonstratenserkloster Allerheiligen und die Denkmalpflege im 19. und 20. Jahrhundert. Denkmalpflege in Baden-Württemberg – *Nachrichtenblatt der Landesdenkmalpflege*, 1995, Bd. 24, Nr. 3, S. 115–122.
- Snædal, M.** Attila. *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2015, vol. 20, pp. 211–219. DOI 10.4467/20843836SE.15.014.2800
- Stackmann K., Bartsch K.** (eds.). Kudrun. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2000.
- The Nibelungenlied with introduction and comments. Transl. from Middle High German by M. I. Kudryashev. St. Petersburg, Tip. N. A. Lebedeva, 1889. (in Russ.)
- The Nibelungenlied: Epos. Transl. from Middle High German by Yu. Korneev. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. (in Russ.)
- Trimberg, H. von.** Der Renner. Tübingen, 1908.
- Völsunga saga. Jónsson G., Vilhjálmsen B. Reykjavík: Bókaútgáfan Forni, 1943–1944.
- Wegera, K.-P., Schultz-Balluff, S., Bartsch, N.** Mittelhochdeutsch als fremde Sprache. Erich Schmidt Verlag, 2016.
- Willms, E.** (eds.). Der Marner. Berlin, Boston, De Gruyter, 2008.
- Yarho B. I.** (ed.). Völsunga saga. Moscow, Academia Publ., 1934. (in Russ.)

List of Sources

- Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank / Middle High German Conceptual Database (MHDBDB). 1992–2021 (laufend). URL: <http://www.mhdbdb.sbg.ac.at/> (accessed 21.01.2021).
- Niþ. In: An Anglo-Saxon Dictionary Online. Bosworth J., Toller T. N. et al. (eds.). URL: <https://bosworthtoller.com/23775> (дата обращения 21.09.2020).
- Ragnars saga loðbrókar ok sona hans. In: Fornaldarsögur Norðurlanda, 1943–1944. URL: https://heimskringla.no/wiki/Ragnars_saga_lo%C3%B0br%C3%B3kar_ok_sona_hans (accessed 21.09.2020)

Информация об авторе

Ксения Константиновна Кашлева, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Kseniia K. Kashleva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.04.2021;
 одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 01.07.2021
 The article was submitted 27.04.2021;
 approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 01.07.2021

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-135-150

Модус интенциональности русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

В статье утверждается положение о том, что модус интенциональности как социокультурный феномен у языковой личности развивается через социокоммуникативные установки. Единицами анализа социокоммуникативных установок являются смысловые акцентуации языковой личности, воплощенные в множественности и многомерности ассоциативно-вербальных связей. Особую роль в накоплении и концентрации смысла играют средства ассоциативной грамматики. Автор развивает и проверяет на новом материале высказанные ранее Ю. Н. Карауловым положения о взаимодополнительности словоизменительной, словообразовательной и семантической вариативности в связи с множественностью способов концентрации смысла в ассоциативно-вербальной сети (АВС) русской языковой личности (РЯЛ). На новейших экспериментальных материалах, собранных в азиатских регионах России и организованных в пополняемые базы ассоциативно-вербальных данных – СИБАС 1 (2007–2013) и СИБАС 2 (2014–2021), апробируются разные приемы векторного анализа акцентуаций как на всем массиве ассоциатов, так и в пределах отдельных ассоциативных полей (АП). Предлагаемая методология работы с ассоциативным материалом показывает разные способы входа в АВС для доступа к одним и тем же точкам концентрации смысла, что помогает оценить в качественном и количественном отношении вклад диссипированной в сети грамматики в формирование и эволюцию смысловых акцентуаций РЯЛ. Гипотетически это позволит представить конструирование динамики ассоциативно-вербальной гиперсети (АВГС) РЯЛ на основе совмещения векторов акцентуаций ее подсистем (т. е. сетей словоизменительной, словообразовательной или смысловой вариативности) как в актуальной диахронии, так и в исторической ретроспективе. Ассоциативная грамматика в силу ее диссипированности может рассматриваться в качестве одного из ключей к формализации смысловых связей АВГС.

Ключевые слова

интенциональность личности, ассоциативно-вербальные гиперсети, множественность и многомерность связей, русская языковая личность, социокоммуникативные установки, ассоциативная грамматика, векторы смысловых акцентуаций

Для цитирования

Шапошникова И. В. Модус интенциональности русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 135–150. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-135-150

The Mode of Intentionality of the Russian Language Personality through the Prism of Associative Grammar

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

The article states that the mode of intentionality, being a socio-cultural phenomenon, manifests itself in the language personality in the form of its socio-communicative attitudes. In comparison with subconscious sets of the “general cultural script” which motivate and support the functioning of a socio-cultural system as a whole, the socio-communicative attitudes of the language personality are much more flexible, susceptible to multiple changes in the social network of communication. The socio-communicative attitudes of the language personality are studied with the units of analysis that can be called semantic accentuations embodied in the multiplicity and multidimensionality of links in the human associative-verbal network (AVN). Yu. N. Karaulov’s ideas about the complementarity of word-changing, word-forming and semantic variability in the AVN of the Russian language personality (RLP) are developed and tested in the article on new materials in connection with the multiplicity of ways of concentrating meaning. Using the latest experimental materials of the associative-verbal database SIBAS 1 (2007–2013) and SIBAS 2 (2014–2021), the author puts to the test different techniques of vector analysis, both on the entire array of associates and within individual associative fields (AFs). These techniques include: an automatic generation (extraction from the entire array of associates) of the AFs of the studied word-forming units; a comparative psychoglossic analysis of the current diachronic dynamics of the AFs of the selected stimuli; constructing vectors of lexico-grammatical variation of the reactions in these AFs against the background of their semantic vectors; extracting particular word-changing and word-forming paradigms from the entire array of associates with a subsequent analysis of their contribution to the concentration of meanings, etc. Such methods show different entrances to the AVN for access to the same points of concentration of meaning and help to assess the contribution of the dissipated throughout the network associative grammar to the formation of semantic accentuations of the RLP. Hypothetically, it seems possible to imagine the construction of the fluctuation dynamics of an associative-verbal hypernetwork (AVHN) of the RLP on the combination of accentuation vectors of its subsystems (networks of word-changing, word-forming or semantic variability) in the current diachrony and historical retrospective.

Keywords

mode of intentionality, associative-verbal hyper network, multiplicity and multidimensionality of links, Russian language personality, socio-communicative attitudes, associative grammar, vectors of semantic accentuation

For citation

Shaposhnikova, I. V. The Mode of Intentionality of the Russian Language Personality through the Prism of Associative Grammar. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 135–150. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-135-150

Введение

Через динамическую живую систему культуры языковая личность наследует ее установочный каркас. Ученые, исследующие мотивационно-установочную сферу в диалоге личности с ее культурной средой, оперируют понятием *интенциональности*. Этот термин применяется многопланово. Целостный модус личности в культуре описывается как *интенциональная личность, интенциональный мир личности*. Различные комплексы сформированных культурой артефактов¹ – ее *интенциональные миры* – как пишет С. В. Лурье, «принципиально внелогичны» [Лурье, 2010, с. 161]. *Модус интенциональности*, таким образом, представляет собой «характер восприятия действительности», сложившийся у личности в процессе ее вживания

¹ Здесь мы используем термин *артефакт* в том расширенном смысле, который ему придает С. В. Лурье: артефакты – это «любые объекты и явления (и внешние, и внутриспсихические), в том случае если они сформированы в результате любых культурных процессов» [Лурье, 2010, с. 155].

в мир через окружающую социокультурную систему². Живущие в социокультурной системе люди взаимодействуют в пределах общего коммуникативного пространства, где они могут реализовать свои социокоммуникативные потребности и где в онтогенезе формируется личность ребенка.

У языковой личности установочный механизм культуры воплощается прежде всего в системе ее вербальных значений, которые усваиваются вместе со способами манипуляции ими и овнешняющими их «телами» языковых знаков, т. е. вместе с социокоммуникативными установками на оперирование осмысляемой вербаликой. Эти установки реальны; они эксплицируются статистически сообразно актуальным когнитивно-коммуникативным потребностями «усредненной» личности с помощью моделей ассоциативно-вербальной сети (АВС), получаемых экспериментально. Как артефакт культуры решающее влияние на социокоммуникативные установки личности оказывает интериоризируемая ею социокоммуникативная сеть. В концепции С. В. Лурье сложная психологическая структура образов, культурных констант («интериоризированный обобщенный культурный сценарий»), представляет собой «каркас интенционального мира» [Лурье, 2010, с. 160]³. В отличие от относительно жесткой системы культурных констант, социокоммуникативные установки более пластичны, в процессе интериоризации они гибко откликаются на изменчивость социокоммуникативной среды.

Для изучения социокоммуникативных установок как внутреннего мотивационного арсенала языковой личности, необходимы единицы анализа, доступные для измерения и оценки на модели АВС. В качестве таких единиц мы рассматриваем *смысловые акцентуации языковой личности*, которые поддаются описанию с помощью векторных моделей. Смысловые акцентуации маркируются *психоглоссами*, дающими статистическую картину направленности (интенсивности и экстенсивности) связей.

Динамика социокоммуникативных процессов закономерно воздействует на все параметры АВС. Изменения в плотности коммуникации, направленности, частоте, содержании, насыщенности контактов в социокоммуникативной сети приводят в итоге к изменениям социокоммуникативных установок, что отражается флуктуациями АВС. В СССР длительное время наблюдалась высокая устойчивость социокоммуникативных сетей с внутренней направленностью векторов интересов коммуникантов. Последние десятилетия прошлого века отмечены глубокими изменениями социокоммуникативного плана, приведшими к оживлению внутренних и внешних миграционных процессов, смещению вектора интересов больших групп населения с внутреннего на внешний. Сопровождавшая эти изменения конфликтная смыслоутратность отразилась и на социокоммуникативных установках русской языковой личности (РЯЛ) [Шапошникова, 2019]. Особую значимость в этом плане для психологии и лингвистики имеют накопленные с 1987 г., в годы российской перестройки и последующие десятилетия, экспериментальные материалы и базы больших ассоциативно-вербальных данных. Эмпирические факты, которые нам дает динамика ассоциативно-вербальной гиперсети (АВГС) в актуальной диахронии, флуктуации множественных связей между узлами ее подсистем можно рассматривать как материал для психодинамических исследований и модуса интенциональности носителя русской культуры.

²«Социокультурная система представляет собой совокупность носителей данной культуры, которые объединены, прежде всего, общим интериоризированным обобщенным культурным сценарием, позволяющим в любых ситуациях сохранять необходимый уровень коммуникации и взаимодействия» [Лурье, 2010, с. 166].

³В западной практике тема интенциональности при взаимодействии личности с ее культурным полем рассматривается с нейрофизиологической и общекогнитивной позиций; она также активно обсуждалась в рамках дискуссий о зеркальных нейронах (см. подробнее в [Шапошникова, 2020]). Наряду с термином *shared intentionality* «совместная интенциональность», которая оценивается как видоспецифичная характеристика коммуникации человека в отличие от приматов [Tomasello, 2014], в работах по этому направлению используются термины *shared intersubjective space* «общее межсубъектное пространство», *we-centric space*, *we-ness* «Мы-центричное» пространство и др. в рамках понятийного аппарата теории, развиваемой в трудах В. Галлезе и его коллег [Gallese et al., 2007, Gallese, 2008; 2009; Gallese, Cuccio, 2015].

Постановка задачи

Векторы смысловых акцентуаций в АВС могут проявлять себя в разных направлениях и разными способами. Анализируя ассоциативные материалы последней трети прошлого века, Ю. Н. Караулов обнаружил связь между словоизменительной, словообразовательной и смысловой вариативностью в сети. Так, исследуя *семантическую функцию* словообразовательных гнезд в ассоциативных полях (АП) и в АВС в целом, он пришел к выводу о том, что круг типичных свойств феноменов, названных стимулом, задает в определенной степени и перечень словообразовательных гнезд. «Словообразовательные гнезда своим наличием указывают в ассоциативной статье своеобразные *точки концентрации смысла*, точки концентрации сем, характеризующих слово-стимул» [Караулов, 2010, с. 167] (курсив наш. – И. Ш.). Акцентируя определенные смыслы, словообразовательная вариативность одновременно умножает частоту их активации, создавая эффект смыслового накопления: «Если стимул каждой ассоциативной статьи сравнить с музыкальной темой, то сама статья будет произведением на заданную тему, а словообразовательные структуры в этой статье выступят в роли семантико-грамматического контрапункта, обеспечивая и увеличение частотности соответствующей семы, и фиксацию способов ее не только словообразовательного, но и словоизменительного варьирования, и представляя собой одновременно способ диссипированного существования в семантической памяти носителя АВС языковых единиц и систем продукции» [Там же, с. 172]. Таким образом, *смысл «разлит» на лексике вместе с грамматикой*. Не случайно в онтогенезе ребенок осваивает грамматику языка вместе с лексикой.

Идея Ю. Н. Караулова о связи лексико-грамматической (словоизменительной и словообразовательной) вариативности со смысловой вариативностью в АВС заслуживает особого внимания, поскольку она, как нам думается, открывает новый путь к формализации ассоциативных связей, откликаясь на их множественность и многомерность. Множественность связей предполагает разнообразие приемов анализа ассоциативных процессов, а также возможность осуществления входа в АВГС через разные «пункты доступа» к одним и тем же точкам концентрации смысла.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать и апробировать несколько взаимодополняющих друг друга методических приемов анализа двух взаимодействующих ассоциативных узлов, используя разные способы входа в АВГС. На наш взгляд, это необходимо для более надежного *выявления точек концентрации смысла*. Перечислим эти способы.

Первый способ входа – генерирование АП словообразовательной единицы. Эта задача реализуется, например, с помощью функции селекции ассоциатов по их морфологическим компонентам в обратном словаре СИБАС [Шапошникова, 2021]. Второй вход – зонирование интересующих нас АП в прямом словаре и последующее психоглоссирование выявляющихся при этом смысловых акцентов. Третий – анализ словоизменительной и словообразовательной деривации единиц исследуемых узлов на всем массиве ассоциатов через обратный словарь. Четвертый – психоглоссирование лексико-грамматической вариативности внутри АП и оценка ее вклада в формирование смысловых акцентуаций. Наконец, пятый – отбор словообразовательных гнезд из всего массива ассоциатов по обратному словарю и анализ их вклада в формирование смысловых акцентуаций.

К методологии анализа: множественность входов в АВГС

Ранее мы предложили прием экспликации лексико-грамматических установок РЯЛ через генерирование АП словообразовательных единиц из всего массива ассоциатов [Там же]. Напомним его суть на примере табл. 1, в которой приводятся фрагменты такого АП для словообразовательной единицы, графически представленной финалью *-ция*. Полужирным курсивом выделены два слова *милиция* и *полиция*, которые и станут предметом нашего содержательного анализа в данной статье, представляющего не меньшую значимость, что и его

методология. Видно, что в АП -ция представленная словами *милиция* и *полиция* когнитивная единица склонна занимать 1) статистически первые по интенсивности и экстенсивности связей позиции и что 2) соответствующие ей лексические репрезентанты конкурируют между собой, значимо меняя свои рейтинги в разные периоды времени, причем 3) с противоположными по направленности векторами их ассоциативного веса. Такие статистические флуктуации в «трактовке» этих (и других) важных общественно-значимых понятий могут сигнализировать об определенной эволюции (или резкой смене) социокоммуникативных установок РЯЛ, мотивируя исследовательский поиск, возможно, связанных с этим смысловых акцентуаций в соответствующих АП.

Таблица 1

Динамика соотношений удельного веса *полиция* и *милиция*
в АП словообразовательного элемента -ция в РАС, СИБАС 1 и СИБАС 2
(охват актуальной диахронией – около 40 лет)

Table 1

The Dynamics of the Ratios of the Associative Weight of the Units *полиция* and *милиция*
in the AFs of the Word-forming Element -ция in RAS, SIBAS 1 and SIBAS 2
(the Coverage of the Current Diachrony is about 40 Years)

РАС (1988–1997)	СИБАС 1 (2008–2013)	СИБАС 2 (2014–2021)	РАС (1988–1997)	СИБАС 1 (2008–2013)	СИБАС 2 (2014–2021)
Интенсивность связей (частота активации одной и той же единицы)			Экстенсивность (разветвленность) связей (с разными единицами)		
<i>милиция</i> 226; <i>революция</i> 179; ... (еще 10 единиц на -ция); <i>полиция</i> 27	<i>милиция</i> 112; <i>информация</i> 100; ... (еще 18 единиц на -ция); <i>полиция</i> 13	<i>полиция</i> 222; <i>информация</i> 157; <i>нация</i> 117; ... (еще 6 единиц на -ция); <i>милиция</i> 54	<i>милиция</i> 107; <i>революция</i> 57; ... (еще 8 единиц на -ция); <i>полиция</i> 19	<i>милиция</i> 39; <i>информация</i> 38; ... (еще 20 единиц на -ция); <i>полиция</i> 7	<i>информация</i> 73; <i>полиция</i> 72; ... (еще 10 единиц на -ция); <i>милиция</i> 22

Флуктуации внутри таких полей, извлеченные из всего массива узлов АВГС, приобретают статус маркеров актуальных смысловых процессов, протекающих в сознании РЯЛ, мотивирующих активацию новых дериватов и словообразовательных моделей.

Проиллюстрируем подробнее различные аспекты флуктуации внутри АП -ция на примере слов *милиция* и *полиция*. В актуальной диахронии эти единицы показывают особую подвижность. Их статистические показатели отражают динамику социокоммуникативных установок дискурса российского общества, сложившихся за последние 30–40 лет в ходе перестроечных потрясений и реформирования силовых структур. Обратимся к АП этих лексем в *прямых словарях* РАС и СИБАС 2 (табл. 2)⁴. Зонирование и психоглоссирование этих полей поможет выявить смысловые структуры зафиксированных в них психических значений.

⁴ Статистика общей структуры ассоциативных полей из каждого источника (РАС и СИБАС 2) приводится в первой строке таблицы. Например, *милиция* в СИБАС 2 (126, 54, 0, 42). Первый показатель – 126 – общее количество реакций с данным словом; из них 54 разных, 0 отказов и 42 единичных. Примеры в каждой семантической зоне сопровождаются числовыми показателями количества таких реакций в сети (например, *защита* 6), если числового показателя нет, то реакция была единичной (например, *не милиционирует*). Формат статьи не позволяет нам привести полный список реакций из самых интенсивных зон, даются только отдельные примеры и суммарные числовые показатели по наполнению каждой зоны (% от общего количества реакций АП).

Таблица 2

Сравнительный анализ динамической структуры АП «Милиция» и «Полиция»
в РАС и СИБАС-2

(охват актуальной диахронии – около 40 лет)

Table 2

Comparative Analysis of the Dynamics of the AFs “Милиция” and “Полиция”
in RAS and SIBAS-2

(Coverage of the Current Diachrony is about 40 Years)

РАС (1988–1997)		СИБАС 2 (2014–2021)	
Милиция (108 + 71 + 3 + 57)	Полиция (104 + 42 + 0 + 33)	Милиция (126, 54,0, 42)	Полиция (136, 81, 1, 67)
Зона 1. Номинации: Раскрытие понятия об организации и ее членах			
полиция 3; милиционер 2; власть; мафия; мент. Итого: 7,4 %	милиция 11; детектив 2; милиционер. Итого: 13,5 %	полиция 52; копы; орган; полиция!; уже полиция. Итого: 46 %	милиция 19; мент 3; органы 2; коп; копы. Итого: 22 %
Зона 2. Сфера деятельности и функция			
порядок 2; мафия; охрана порядка; правопорядок. Итого: 4,6 %	нравов 44; порядок 3; охрана 2; нравственность; проблема; служба. Итого: 52,9 %	закон 5; охрана 3; порядок 3; защита 2; штраф 2; государство; заключение; коррупция; кража; наказание. Итого: 22,2 %	закон 10; нравов 7; охрана 6; защита 3; порядок 3; преступление 3; безопасность; взятки; задержание. Итого: 39 %
Зона 3. Психологические состояния и качества личности			
спокойствие; страх. Итого: 1,85 %	боль. Итого: 0,96 %	напряжение; справедливость; страх; честь. Итого: 3,2 %	опасность 2; недоверие; несправедливость; страшно. Итого: 5,1 %
Зона 4. Знаки-атрибуты			
форма 2; кепочка; люди в сером; машина; мигалка; сигнал; серена. Итого: 10 %	дубинка; пистолет; полицейские машины; форма. Итого: 3,85 %	форма 4; фуражка 3; дубинка 2; жезл; мигалка; погоны. Итого: 11,9 %	машина 3; форма 2; буханка; дубинка; дубинки; надпись; оружие. Итого: 11,8 %
Зона 5. Какая и как воспринимается			
советская 7; моя 4; родная 2; коррумпированная; надежная; наша; позорная. Итого: 23 %	налоговая; плохая; тайная. Итого: 2,9 %	синий 4; голубой; конная; плохие люди; плохо. Итого: 6,35 %	синий; строгая. Итого: 1,5 %
Зона 6. Локации (когда, где)			
рядом 2; ГАИ; в городе; ГПУ; Динамо; КПЗ; МВД; метро; ночь; обшарпанное здание; отделение. Итого: 11 %	США 3; Америка 2; детектив 2; Майами 2; в городе; в погоне; за границей; кино; запад; на Западе. Итого: 14,4 %	комендантский час; России; страны; тюрьма. Итого: 3,2 %	МВД 2; города; Майами; обезьянник; округа; пост; скорая помощь; тюрьма; Финляндии; ФСБ. Итого: 8,1 %

Окончание табл. 2

РАС (1988–1997)		СИБАС 2 (2014–2021)	
Милиция (108 + 71 + 3 + 57)	Полиция (104 + 42 + 0 + 33)	Милиция (126, 54,0, 42)	Полиция (136, 81, 1, 67)
Зона 7. Действия			
нас бережёт 8; бережет 6; приехала 4; не дремлет; не тронет; поймала; работает; разогнала тучи; разыскала преступника. Итого: 30,55 %	взяла; в погоне; забирать; ловит; не догонит; обозналась; откройте; стрелять. Итого: 7,7 %	не милиционирует; приехала; спасёт. Итого: 2,4 %	защищает; ищет; нас бережёт; не приехала; отстала; работает; спасает; стоп; хромает. Итого: 6,6 %
Зона 8. Эмоциональные оценки и иное			
беда; беспомощная; бяки; сброд; сволочи; тут как тут; шакалы. Итого 9,25 %	менты 2; ай-цвай-полицай; хрен; мусорятник; надсмотрщик. Итого: 6,7 %	мусор 2; мусора; всему голова; дядя Степа; МУС. Итого: 4,8 %	мент 3; мусор 3; беспредел; бессмысленно; лол. Итого: 7,35 %
Векторы акцентуаций (психоглоссы) в структуре АП (в скобках % от общего количества реакций).			
Стрелки показывают уменьшение ассоциативного веса (смысловой значимости) зон			
Зона 7 (30,5) → Зона 5 (23) → Зона 6 (11) → Зона 4 (10) → Зона 8 (9,25) → Зона 1 (7,4) → Зона 2 (4,6) → Зона 3 (1,85)	Зона 2 (52,9) → Зона 6 (14,4) → Зона 1 (13,5) → Зона 7 (7,7) → Зона 8 (6,7) → Зона 4 (3,85) → Зона 5 (2,9) → Зона 3 (0,96)	Зона 1 (46) → Зона 2 (22,2) → Зона 4 (11,9) → Зона 5 (6,35) → Зона 8 (4,8) → Зона 6 (3,2) = Зона 3 (3,2) → Зона 7 (2,4)	Зона 2 (39) → Зона 1 (22) → Зона 4 (11,8) → Зона 6 (8,1) → Зона 8 (7,35) → Зона 7 (6,6) → Зона 3 (5,1) → Зона 5 (1,5)

Анализ смысловой структуры АП *милиция* и *полиция* в РАС (первый и второй столбцы) показывает, что она разная у этих лексем, хотя в ней и выделяются сходные зоны. Наполнение этих зон ассоциатами в АП *милиция* отражает еще живой советский опыт взаимодействия с этой организацией и наблюдения за ее деятельностью. Отсюда и доминирование зон 7 и 5. А эмоционально-оценочная зона наполнена характерным для перестройки негативом в восприятии действий любых государственных структур того времени. АП *полиция*, напротив, по своему составу восходит преимущественно к опыту восприятия западных реалий, почерпнутых из западной же кино- и медиапродукции и усиленных в перестроечный период хвалебными в адрес Запада сочинениями отечественных СМИ. Вместе с тем в зоне номинаций допускаются взаимотолкования (*милиция* → *полиция* 3; *полиция* → *милиция* 11), что может быть спровоцировано и общим для этих слов суффиксом, и пересечением смыслов. Соотношение удельного веса этих единиц в АП *-ция* (см. табл. 1, первый и четвертый столбцы) также отражает упомянутые реалии предперестроечного и перестроечного времени.

Если мы обратимся к данным частотного словаря НКРЯ (табл. 3)⁵, то увидим показатели частотности лексем *милиция* и *полиция* в текстах, соответствующие тем же реалиям. Более

⁵ Создатели НКРЯ рассматривают частотный словарь как материал для определения лексического ядра языка, по этой причине вводится порог ограничений на список слов по частоте употребления. Для словарей, основанных на базах со стомиллионными словоупотреблениями, этот порог определяется в пределах 5 ipm. В НКРЯ этот по-

того, если *милиция* также включена составителями в список подкорпуса единиц частотного словаря живой устной речи (с показателем 22.7 ipm), то *полиция* в него еще не попала. В том же списке находим *милиционер* 20.2 ipm и даже *полицай* 10.1 ipm. *Полицейский* в нем не отмечен ни как прилагательное, ни как существительное.

Таблица 3

Сравнительные данные из НКРЯ о частотности рассматриваемых единиц*

Table 3

Comparative Data from the RNC on the Frequency of the Analyzed Units

	ipm	Художественная литература			Публицистика		
		1950– 1960-е	1970– 1980-е	1990– 2000-е	1950– 1960-е	1970– 1980-е	1990– 2000-е
милиция	89.9	62.4	94.9	122.4	16.3	40.4	108.8
полиция	38.2	41.1	27.4	38.9	37.1	35.6	54.2
милиционер	52.1	84.0	54.5	73.8	28.2	29.4	58.5
полицейский (сущ.)	18.4	14.7	12.5	24.0	37.1	34.5	23.6
полицейский (прил.)	12.7	12.9	10.1	14.6	14.8	18.0	16.2
полицай	4.9	4.8	26.5	4.0	1.5	4.0	3.0

В СИБАС 2 по данным последнего десятилетия (см. табл. 2, третий и четвертый столбцы) наблюдается очевидное сближение смысловых структур психических значений этих двух единиц. Можно видеть подспудное стремление со стороны языковой личности прояснить для себя функции и суть организации, сменившей старые «ярлыки» на новые, отсюда и преобладание зон 1 и 2. Вместе с тем удельный вес слова *милиция* в АП *-ция* по отношению к *полиция*, как было показано в табл. 1, начинает существенно падать, а содержательные изменения в его зонах (см. табл. 2) свидетельствуют о развитии закономерной тенденции перемещения образа милиции в прошлое, для молодого поколения это уже виртуальная сфера (кино- и медиаиндустрии). В АВГС СИБАС *полиция* и *милиция* (как и все единицы с финалью *-ция*) далеки по своим статистическим показателям от ассоциативных доминант, но по отношению к другим суффиксальным единицам в сгенерированных нами условных АП *-ция* им принадлежат первые позиции. В этом смысле они ассоциативно доминируют в своей группе, меняясь местами в разные периоды времени в зависимости от принятых социокоммуникативных установок в отношении овнешнения этих образов вербальным «ярлыком».

Покажем далее, как проявляет себя эффект диссипированности словоизменительных и словообразовательных парадигм в составе зонированных АП *полиция* и *милиция* (табл. 4). Согласно Ю. Н. Караулову, развертывание словообразовательных структур в разных АП не отличается стабильностью и зависит от их общего наполнения реакциями. При этом словообразовательные гнезда становятся видимыми в АП, если в его составе не менее 100 реакций. Для более полного их развертывания лучшую картину дают статьи с наполнением от 500 единиц

рог снижен до 2,6 ipm (20 тысяч лемм) для рангового списка и до 0,4 ipm в алфавитном списке (50 тысяч лемм) [Ляшевская, Шаров, 2009, с. X]. В алфавитном списке *милиция* и *полиция* отмечены, но их частоты уступают другим единицам с этой же финалью. Ср: организация 312.4; ситуация 298.8; информация 269.2; федерация 258.9; позиция 167.6; продукция 130.8; революция 102.9; администрация 98.3; реакция 97.2; реализация 95.1; традиция 93.1; редакция 91.5; **милиция** 89.9; концепция 71.9; **полиция** 38.2. С учетом специфики значений **милиция** и **полиция**, их частотные текстовые показатели приводятся в динамике и в распределении по двум функциональным типам текстов (художественная литература и публицистика). В АВС у них, как мы уже видели, **первое место** в рейтинге активации единиц на *-ция* (см. табл. 1).

и выше [Караулов, 2010, с. 177]. Наши предварительные наблюдения за различными АП подтверждают эти выводы. Все наши АП *милиция* и *полиция* приближаются в этом отношении к нижней нормативной границе наполняемости, несколько превышая ее (см. первую строку в табл. 2).

Опишем виды варьирования, которые обнаруживаются в этих полях. Таблица 2 дает нам общую картину отраженных в названиях зон смысловых граней, представляющих образы *полиция* и *милиция*. Объекты представлены с точки зрения их деятельности, локализации, отличающих их знаков, эмоционального восприятия и пр. Но это одни и те же объекты. Варьируют способы представления смысла в АП в целом и в каждой из его зон. Смысл раскрывается и концентрируется в ней через синонимы, функциональные и стилистические аналоги: *милиция*, *полиция*; *полицейский*, *коп*, *милиционер*; *машина*, *буханка*; *милиционер*, *мент*; антонимы: *опасность*, *безопасность*; *справедливость*, *несправедливость*; различные части речи (и разные словообразовательные гнезда): *милиция*, *милиционер*, *не милиционирует*; *охрана*, *охранять*, *правоохранение*; *защита*, *защищать*; *полиция*, *полицейский*, *полицай*; *право*, *правоохранение*, *правопорядок*. Наконец, наблюдается и словоизменительное варьирование реакций: *мент*, *менты*; *коп*, *копы*; *дубинка*, *дубинки*; *стража*, *стражи* порядка; *порядок*, *стражи порядка*; *нас бережет*, *беречь*, *меня бережет*, *бережет*.

Исходя из тезиса Ю. Н. Караулова о том, что разные виды варьирования так или иначе связаны отношениями взаимодополнительности со смысловым варьированием (смысловыми инвариантами), теоретически можно предполагать, что большая интенсивность или экстенсивность той или иной зоны в структуре АП задается, помимо прочих факторов, и большей вариативностью единиц в ее составе. Вместе с тем, теоретически же, такая зависимость, если даже она выявится, ни в коей мере не может рассматриваться как самодостаточный показатель, поскольку «яркость» ассоциативного узла (его насыщенность) обеспечивается прежде всего другим фактором, а именно частотой активации ассоциата, т. е. очень устойчивыми по частоте совместной встречаемости цепочками ассоциативных пар.

Рассмотрим конкретный пример из СИБАС 1: *деньги* → *тратить* 306; *платить* 153; *считать* 137. Здесь мы видим очень крепкую ассоциативную связь стимула с инфинитивами глаголов, раскрывающих перед нами конвенциональную картину манипуляций с объектом *деньги*. Вместе с тем эти три ассоциативные пары представляют одну и ту же грамматикализованную⁶ структуру [V + N (*деньги*) в винит. пад.], показывающую направленность действия на объект, «разлитую» в данном случае по лексемной сети единиц *деньги*, *трат/и/ть*, *плат/и/ть*, *счит/а/ть*, каждая из которых вносит свою смысловую вариацию в общую картину манипуляций с объектом *деньги*. Три глагольных единицы связаны парадигматически единой моделью словопроизводства, повторение этой модели с разным глагольным лексическим наполнением (и глагольными словообразовательными единицами *-а*; *-и*) интенсифицирует установки активности языковой личности по отношению к объекту *деньги*.

Для определения вклада морфологической вариативности в интенсивность смысловых акцентуаций в анализируемом АП, примем за основу простой критерий – количество реакций, связанных словоизменительным и (или) словообразовательным варьированием в каждой из выделенных нами зон в структуре АП *милиция* и *полиция*. Точность подсчета будет, правда, затруднена характерной для АВС возможностью нескольких видов формально-семантического варьирования одной и той же единицы, иногда выходящего за пределы одной зоны. Так, например, лексемы *защита*, *защищать*, входящие в одно словообразовательное гнездо, относятся к двум разным зонам (см. зоны 2 и 7 в табл. 2). А группа дериватов *полиция*, *милиция*, *коррупция*, *сигнализация* может быть объединена на основе инвариантной единицы – *ция*, но слова *полиция*, *милиция* из нее вхожи в словообразовательные отношения и на основе других их морфологических компонентов (*полиция*, *полицейский*, *полицай*; *милиция*, *милиционер*, *не милиционирует*). В силу этих методологических проблем количество и структура

⁶ В том смысле, который этому термину придавал Ю. Н. Караулов [1999, с. 69–79].

словообразовательных гнезд в данном случае пока не принимается к рассмотрению; нас интересует лишь сам факт наличия единиц в каждой зоне, склонных к вариативности внутри одного АП. Полученные в результате данные о вкладе варьирования в смысловую разработку разных зон приводятся в табл. 4.

Таблица 4

Суммарные данные о словообразовательном и словоизменительном варьировании в АП *милиция* и *полиция* на фоне векторов смысловой структуры этих АП

Table 4

Summary Data on Word-forming and Word-changing Variation in the *милиция* and *полиция* AFs against the Background of the Semantic Vectors of these AFs

Милиция (РАС – 1988–1997) Всего в АП 108 единиц	Полиция (РАС – 1988–1997) Всего в АП 104 единицы	Милиция (СИБАС 2 – 2014–2021) Всего в АП 126 единиц	Полиция (СИБАС 2 – 2014–2021) Всего в АП 136 единиц
Векторы акцентуаций (психоглоссы) в структуре АП (в скобках % от общего количества ассоциатов в АП).			
Стрелки показывают уменьшение ассоциативного веса (интенсивности) смысловых зон			
Зона 7 (30,5) → Зона 5 (23) → Зона 6 (11) → Зона 4 (10) → Зона 8 (9,25) → Зона 1 (7,4) → Зона 2 (4,6) → Зона 3 (1,85)	Зона 2 (52,9) → Зона 6 (14,4) → Зона 1 (13,5) → Зона 7 (7,7) → Зона 8 (6,7) → Зона 4 (3,85) → Зона 5 (2,9) → Зона 3 (0,96)	Зона 1 (46) → Зона 2 (22,2) → Зона 4 (11,9) → Зона 5 (6,35) → Зона 8 (4,8) → Зона 6 (3,2) = Зона 3 (3,2) → Зона 7 (2,4)	Зона 2 (39) → Зона 1 (22) → Зона 4 (11,8) → Зона 6 (8,1) → Зона 8 (7,35) → Зона 7 (6,6) → Зона 3 (5,1) → Зона 5 (1,5)
Векторы (психоглоссы) вариативности единиц (в % от общего количества ассоциатов в АП)			
Зона 7 (33,8) → Зона 5 (11,88) → Зона 2 (7,56) → Зона 1 (5,4) → Зона 6 (2,16)	Зона 2 (46,8) → Зона 1 (14,56) → Зона 7 (4,16) → Зона 6 (2,08)	Зона 1 (70,56) → Зона 2 (13,86) → Зона 4 (6,3) → Зона 8 (5,04) → Зона 5 (2,52) → Зона 7 (1,26)	Зона 1 (47,6) → Зона 2 (35,36) → Зона 3 (13,6) → Зона 4 (9,52) → Зона 8 (5,44) = Зона 7 (5,44)

Как показывают исходные данные таблицы, даже в АП средней наполненности смысловые зоны, составляющие его интенсивное ядро, характеризуются наибольшей вариативностью своих единиц, при этом флуктуации их вариативности в актуальной диахронии направляются векторами смысловых акцентуаций внутри АП (см. выделенные полужирным стилем зоны).

Вместе с тем психоглоссированная структура вариантности единиц АП не идентична векторам акцентуаций в зонированной исходной структуре. Это значит, что для получения более точных данных о соотношении общей вариативности ассоциатов с семантической структурой на уровне АП нужны более тщательные разработки материалов не только интенсивности, но и экстенсивности разных по наполняемости АП с учетом характера и вариативности затребованных в анализе смысловых акцентов. Принимая во внимание неоднородную представленность словообразовательных гнезд в структурах разных АП прямого словаря, рассмотрение их вклада в смысловые акцентуации (здесь речь о словообразовательных гнездах, а не просто о вариантах ассоциатов) должно исходить прежде всего из его оценки на всем массиве ассоциатов через *обратный словарь*. Эта же методика поможет эксплицировать значимость словоизменительных парадигм.

Таблица 5

Словоизменительная парадигма и словообразовательные гнезда *милиция* и *полиция* на всем массиве ассоциатов в СИБАС 1 и СИБАС 2 (приводятся АП словоформ из обратных словарей)

Table 5

Word-changing and Word-forming Paradigms *милиция* and *полиция* on the Entire Array of Associates Selected from SIBAS 1 and SIBAS 2 (with the AFs of Reactions by Word-forms)

Милиция	Полиция	Милиция	Полиция
(СИБАС 1 – 2008–2013)			(СИБАС 2 – 2014–2021)
МИЛИЦИЯ штраф 17; КГБ 14; безопасность; коррупция; правосудие; преследовать 6; служба 5; беззаконие; законность; звонить 4; приказ; следовать 3; беспредел; дело; мошенник; позвонить; свистеть; убежать; форма 2; бегать; бежать; безопасный; воровать; гражданин; договориться; жест; закон; красный; ложь; наркотик; начальник; попласть; принять; сигнал; след; стоять; увещье; фамилия; чиновники 1; (112, 39) МИЛИЦИЯ, АРМИЯ служба 1; (1, 1) МИЛИЦИЯ, ГАИ беспредел 1; (1, 1) МИЛИЦИЯ, СКОРАЯ ПОМОЩЬ безопасность 1; (1, 1)	ПОЛИЦИЯ коррупция 3; беззаконие; законность; КГБ; преследовать 2; гражданин; штраф 1; (13, 7)	МИЛИЦИЯ полиция 19; погоны; прокурор 9; следователь 4; арест; вызов; криминал; мент; отдел; следствие 2; лица; нелегал; погоня; полицейский; преступность; приход; происшествие; светофор; скрываться; убийство; участок; ФСБ 1; (55, 22)	ПОЛИЦИЯ милиция 52; милиционер 13; мент 12; ФСБ 10; прокурор 9; криминал; погоня; следователь; следствие 8; арест 7; офицер; пост 5; погоны; сотрудник 4; привод; участок 3; академия; беззаконность; взятка; воры; мусор; опера; отдел; печаток; полковник; преступность; скрываться; сыщик 2; аферист; бандиты; валить; взятку; сыщик 2; аферист; визит; власти; властный; военная; точничество; дела; дерьмо; детектив; должностная; защищать; звание; исследование; исчезнуть; контроль; кража; красть; лейтенант; незаконная; опрос; оргазм; охрана; поймать; порядок; появление; преступник; проверка; продажная; борки; режим; сажать; скандал; скрытый; следить; статья; стук; убежать; уголовник; характеристика; чин 1; (227, 72). ПОЛИЦИЯ! милиция 1; (1, 1). ПОЛИЦИЯ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ привод 1; (1, 1)

Милиция	Полиция	Милиция	Полиция
(СИБАС 1 – 2008–2013)		(СИБАС 2 – 2014–2021)	
МИЛИЦИИ (род. / дат. п.) сигнал 2 ; начальник 1 ; (3, 2) МИЛИЦИЮ (вин. п.) атаковать 1 ; (1, 1)	ПОЛИЦИИ (род. п.) начальник 1 ; (1, 1)	МИЛИЦИИ (род. п.) отряд; полковник; пункт; следователь; сотрудник 1 ; (5, 5)	ПОЛИЦИИ (род. п.) офицер 9 ; сотрудник 8 ; наряд; отдел 6 ; полковник 2 ; вызов; лейтенант; отряд; пост; следователь; устав; участок 1 ; (38, 12)
МИЛИЦИОНЕР честный 8 ; свистеть 5 ; штраф 3 ; дядя 2 ; будущий; жесткий; злой; интересоваться, КГБ; коррупция; красный; настырный; разговаривать; следовать 1 ; (28, 14) МИЛИЦИОНЕР НА ДОРОГЕ стоять 1 ; (1, 1)	ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ед. ч., им. п.) жестокий; законность; палка; пуговица 1 ; (4, 4) ПОЛИЦЕЙСКИЕ (мн. ч., им. п.) служба 1 ; (1, 1)	МИЛИЦИОНЕР мент 4 ; полицейский 3 ; опасность; подчиненный; следователь; слежка; трезвый; угрюмый 1 ; (13, 8)	ПОЛИЦЕЙСКИЙ мент 12 ; милиционер 7 ; участок 6 ; погоны 3 ; господин; дубина; робот 2 ; арест; бывший; гад; грабитель; дядька; живот; лох; местный; мусор; недруг; нечестный; пост; преступность; прокурор; серьезный; сотрудник; сыщик; тайный; указатель 1 ; (53, 26) ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ФОРМА полиция 1 ; (1, 1)
МИЛИЦИОНЕРОМ (тв. п.) работать 1 ; (1, 1) МИЛИЦИОНЕРУ (дат. п.) сдавать 1 ; (1, 1)			ПОЛИЦЕЙСКИЕ (мн. ч., им. п.) плохие 1 ; (1, 1) ПОЛИЦЕЙСКИХ (мн. ч., род. п.) увольнение 1 ; (1, 1)
МИЛИЦЕЙСКАЯ форма 1 ; (1, 1)		МИЛИЦЕЙСКИЙ полицейский; пост 1 ; (2, 2)	ПОЛИЦЕЙСКАЯ академия; слежка 1 ; (2, 2)
			ПОЛИЦАЙ (ед. ч., им. п.) взятку; милиционер 1 ; (2, 2) ПОЛИЦАЕВ (мн. ч., род. п.) наряд 1 ; (1, 1)
			ПОЛИЦИОНЕР мент; милиционер 1 ; (2, 2)

Рассмотрим подробнее данные, приведенные в табл. 5. В ней показаны АП всех падежных словоформ *милиция* и *полиция* в обратных словарях, а также всех дериватов с корнями *полици-*, *милици-*⁷. В скобках после каждого АП первая цифра указывает на общее количество реакций этими словоформами, вторая – на количество стимулов, вызвавших эти реакции.

Обратные словари, в отличие от прямых, дают нам общее представление о факте присутствия единиц словоизменительной и словообразовательной парадигм интересующих нас лексем на всем массиве ассоциатов СИБАС 1 и СИБАС 2. Это позволяет нам выносить суждения о характере изменений социокоммуникативных установок на использование тел языковых знаков, представляющих соответствующие смысловые узлы в АВГС в течение соответствующего периода актуальной диахронии; в данном случае – в пределах последних 20 лет, т. е. периода активного реформирования государственных силовых структур.

Общий парадигматический вклад единицы *полиции(я)* в СИБАС 1 существенно уступает таковому у *милиции(я)*, что соотносится с данными, которые мы получили выше при анализе соответствующих АП прямых словарей.

Падежная парадигма *милиции(я)* в СИБАС 1 содержит 4 ассоциативных поля с именительным падежом, одно с вариантной формой родительного / дательного падежей и одно с винительным падежом. Общее количество реакций лексемой *милиции(я)* в разных ее падежах – 119, а сличение стимулов, вызвавших такое количество реакций во всех падежных АП, позволяет судить об экстенсивности (разветвленности) ее связей с другими единицами: их 40, и это число можно рассматривать как обобщенный (с учетом всех единиц, отмеченных в разных падежных вариантах АП) показатель. Словообразовательное гнездо извлекается из сети с двумя вариантами основ: *милици-* / *милицей-* и двумя дериватами (существительным и прилагательным): *милиции/я*, *милиции/онер*, *милицей/ск/ая*. Кроме того, дериват *милиционер* насчитывает достаточно большое количество и интенсивность связей в именительном падеже, а также имеет развитую падежную парадигму (именительный, творительный, дательный).

На этом фоне ассоциативный вес смыслового узла *полиции(я)* с его словоизменительной и словообразовательной вариативностью, значительно уступает узлу *милиции(я)*. Наполненность АП именительного падежа *полиция* почти в 9 раз слабее (кроме него разово фиксируется только словоформа родительного падежа). Общая разветвленность связей лексемы *полиция* – 8 единиц (против 40 у *милиция*), а ее словообразовательное гнездо однозвенное, хотя и с дериватом, имеющим варианты частеречные функции (существительным / прилагательным): *полиции/я*, *полицей/ск/ий*. Этот дериват отмечен только в именительном падеже, но в единственном и множественном числах.

В более позднем СИБАС 2 картина уже иная. Векторы смысловых акцентуаций и их лексико-грамматической поддержки сменили направление в сторону усиления ассоциативного веса *полиции(я)*. По этой причине АП именительного падежа стало интенсивнее и насыщеннее разнообразием связей: 227, 72 + одна говорящая сама за себя, образующая однокомпонентное АП, эмоциональная реакция *полиция!*. Хотя падежная парадигма все также представлена двумя падежами, именительным и родительным, но АП словоформы родительного падежа уже существенно укрепило свои позиции (38, 12). Вместе с тем дериват *полицейский*, активируемый по-прежнему парадигмой из именительного и родительного падежей единственного и множественного чисел, оброс довольно развернутым АП (54, 27). Кроме того, появилась конкурирующая с ним просторечная форма *полицай* (с теми же словоизменительными признаками). Наконец, находим и аналогическое новообразование *полицционер*.

Таким образом, структура словообразовательного гнезда существенно усложнилась и обогатилась. В ней фигурируют уже три основы: *полица-* / *полицей-* / *полици-*, 4 существительных и прилагательное. На фоне такого укрепления позиций лексемы *полиции(я)*, ассоциативный вес лексемы *милиции(я)*, наоборот, существенно снизился. Наблюдается падение интенсивности и экстенсивности ее связей, свертывание как словоизменительного, так и словообразователь-

⁷ Словообразовательные структуры всех единиц сверялись со словарями [Ефремова, 2005; 2010].

ного потенциала единиц этого узла и его дериватов. Словообразовательное гнездо сохранило пока тот же состав, но по параметрам интенсивность и разветвленность связей оно сильно ослабло. При этом во всех АП обратного словаря СИБАС 2, в отличие от СИБАС 1, наблюдаются взаимотолкования: *милиция* ↔ *полиция*, *полицейский* ↔ *милиционер*, *милиционер* → *полицейский*, *полицай*. Все это говорит о появлении новых векторов смысловых акцентуаций и предпочтений языковой личности.

Заключение

Модус интенциональности личности как установочный смыслоорганизующий фактор в диалоге представителей смыслового поля одной культуры экстраполируется на личность языковую (вербального транслятора культуры). Интенциональность языковой личности воплощается в ее социокоммуникативных установках, формирующих природную системность языкового сознания и отражающихся в материалах АВГС. Наличие экспериментальных материалов в формате больших баз ассоциативно-вербальных данных РЯЛ в актуальной диахронии (в пределах нескольких одновременно живущих поколений) позволяет выносить суждения о существенной зависимости социокоммуникативных установок от параметров социальных сетей и общей динамики социокоммуникативных реалий внешнего мира в условиях смыслоутратности и трансфера этнических констант. Единицами анализа динамических процессов такого порядка могут быть смысловые акцентуации языковой личности. Их экспликация проводится с помощью векторного анализа, который можно осуществлять как на всем массиве ассоциатов, так и на уровне конкретных АП, используя приемы, обеспечивающие доступ к узлам АВГС через разные входы. Например, генерирование и анализ флуктуаций АП словообразовательных элементов, генерирование и анализ парадигматики словоизменения на всем массиве ассоциатов АВГС; зонирование и психоглоссирование отдельных АП прямого словаря; психоглоссирование вариативности в структуре АП; экспликация и анализ словообразовательных гнезд на всем массиве ассоциатов по обратному словарю и др. Эти приемы могут рассматриваться как взаимоверифицирующие и комплементарные средства исследования смысловых акцентуаций, они могут дополняться статистическим анализом синхронизированных по времени текстовых (корпусных) данных. Возможности гибкого оперирования материалами АВГС обусловлены множественностью и многомерностью связей ее узлов. Ассоциативная грамматика в силу ее диссипированности может рассматриваться в качестве одного из ключей к формализации смысловых связей АВГС.

Список литературы

- Ефремова Т. Ф.** Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
- Ефремова Т. Ф.** Современный словарь русского языка: Три в одном: Орфографический. Словообразовательный. Морфемный. Ок. 20000 слов; ок. 1200 словообразов. единиц. М.: Астрель: АСТ, 2010. 699 с.
- Караулов Ю. Н.** Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю. Н.** Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 360 с.
- Лурье С. В.** Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13, № 2. С. 152–167.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.** Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Шапошникова И. В.** Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоград.

гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 24–38. DOI 10.15688/jvolsu2.2019.3.2

Шапошникова И. В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК, 2020. 336 с. (Studia Philologica)

Шапошникова И. В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329. DOI 10.17223/18137083/77/24

Gallese, V., Eagle, Morris N., Migone, P. Intentional Attunement: Mirror Neurons and the Neural Underpinnings of Interpersonal Relations. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 2007, vol. 55, iss. 1, pp. 131–175.

Gallese, V. Mirror Neurons and the Social Nature of Language: The Neural Exploitation Hypothesis. *Social Neuroscience*, 2008, vol. 3 (3–4), pp. 317–333.

Gallese, V. Mirror Neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 2009, vol. 19 (5), pp. 519–536.

Gallese, V., Cuccio, V. The Paradigmatic Body – Embodied Simulation, Intersubjectivity, the Bodily Self, and Language. In: T. Metzinger, J. M. Windt (eds.). Open MIND. Frankfurt am Main, MIND Group, 2015, 14 (T). DOI 10.15502/9783958570269

Tomasello, M. Horizon. The ultra-social animal. *European Journal of Social Psychology*, 2014, vol. 44, pp. 187–194.

Список источников

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Издательство Астрель: Издательство АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов; Т. 2: От реакции к стимулу: более 100000 реакций. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 08.08.2021).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2021 / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения 05.08.2021).

References

Efremova, T. F. A Monolingual Dictionary of the Russian Word-forming Units: about 1900 Word-forming Elements. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2005, 636 p. (in Russ.)

Efremova, T. F. A Modern Dictionary of the Russian Language: Three in One: Orthographic. Word-formative. Morphemic. About 20000 Words; about 1900 Word-forming Units. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010, 699 p. (in Russ.)

Gallese, V. Mirror Neurons and the Social Nature of Language: The Neural Exploitation Hypothesis. *Social Neuroscience*, 2008, vol. 3 (3–4), pp. 317–333.

Gallese, V. Mirror Neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 2009, vol. 19 (5), pp. 519–536.

Gallese, V., Cuccio, V. The Paradigmatic Body – Embodied Simulation, Intersubjectivity, the Bodily Self, and Language. In: T. Metzinger, J. M. Windt (eds.). Open MIND. Frankfurt am Main, MIND Group, 2015, 14 (T). DOI 10.15502/9783958570269

Gallese, V., Eagle, Morris N., Migone, P. Intentional Attunement: Mirror Neurons and the Neural Underpinnings of Interpersonal Relations. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 2007, vol. 55, iss. 1, pp. 131–175.

- Karaulov, Yu. N.** Active Grammar and Associative-verbal Network. Moscow, IRL PAS, 1999, 180 p. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Associative Grammar of the Russian Language. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2010, 360 p. (in Russ.)
- Lurye, S. V.** General Cultural Script and Functioning of Sociocultural Systems. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2010, vol. 13, no. 2, pp. 152–167. (in Russ.)
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A.** The Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (the Russian National Corpus). Moscow, Azbukovnik Publ., 2009, 1097 p. (in Russ.)
- Shaposhnikova, I. V.** Towards the explication of the universals of the Russian language personality on the model of the associative-verbal network. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 314–329. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/24
- Shaposhnikova, I. V.** Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-Communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 24–38. (in Russ.) DOI 10.15688/jvolsu.2019.3.2
- Shaposhnikova, I. V.** Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Epoch of Changes. Moscow, LRC Publishing House, 2020, 336 p. (Studia Philologica)
- Tomasello, M.** Horizon. The ultra-social animal. *European Journal of Social Psychology*, 2014, vol. 44, pp. 187–194.

List of Sources

- RAS – Russian Associative Dictionary. In 2 vols. Comp. by Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2002, vol. 1: From stimulus to reaction: about 7000 stimuli; vol. 2: From reaction to stimulus: over 100000 reactions. (in Russ.) URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 08.08.2021).
- SIBAS 1 and SIBAS 2 – Russian Regional Associative Database (2008–2021): Siberia and Far East. Comp. by I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. (in Russ.) URL: <http://adictu.nsu.ru> (accessed: 05.08.2021).

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
одобрена после рецензирования 20.06.2021; принята к публикации 01.07.2021
The article was submitted 24.05.2021;
approved after reviewing 20.06.2021; accepted for publication 01.07.2021

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика

Александр Борисович Алексеев

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Красногорск, Россия
neuausstaten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

Настоящая статья в определенной степени – насколько это возможно в рамках одной статьи – реферирует результаты нашего диссертационного исследования, проведенного на базе Московского государственного областного университета под руководством доктора филологических наук, профессора Э. А. Сорокиной. Актуальность темы исследования определяется антропоцентризмом современной лингвистической науки, демонстрирующимся в поступательном развитии персонологии, в том числе лингвоперсонологии и политической лингвоперсонологии как одного из зарождающихся научных направлений, пока еще не полностью обособленного от политической лингвистики. В статье отражены новые проблемы политической лингвистики, связанные с утверждением понятия *лингвоперсонема*, а также предложено несколько типов лингвоперсоном политик: политик-мифотворец, политик-актер, политик-алармист, политик-джентльмен (политик-леди), политик-агрессор, политик-маргинал. Большинство из этих терминов употреблялось нами в предыдущих публикациях, но только на данном этапе удастся представить более или менее целостную картину нашего видения сложного, многогранного феномена языковой личности политика. Согласно отстаиваемой нами точке зрения, созвучной социологическим теориям П. Бурдьё и М. Фуко, языковая личность политика – это разновидность творческой профессиональной языковой личности, в какой-то мере сравнимой с людьми, работающими в таких профессиональных средах, как шоу-бизнес, спорт, искусство и т. п., которая формируется прежде всего в политическом дискурсе. Установлено, что основные характеристики политического дискурса, своеобразно преломляясь в языковой личности политика, существенно трансформируют ее общую структуру, до последнего времени описываемую преимущественно – если не исключительно – в терминах влиятельной теории языковой личности Ю. Н. Караулова, предложившего различать вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой способности человека.

Ключевые слова

политическая лингвистика, языковая личность политика, профессиональная языковая личность, лингвоперсонема, политический миф, политическая лингвоперсонология

Для цитирования

Алексеев А. Б. О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

© Алексеев А. Б., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 151–166

The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician

Alexander B. Alexeyev

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation
Kransnogorsk, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The current paper sums up the results of the dissertation research conducted by the author at the Moscow Region State University which was supervised by Professor Ye. A. Sorokina, Doctor of Philology. The relevance of the chosen research topic is determined by anthropocentrism of modern linguistics which manifests itself in progressive development of personology, including linguistic personology and political linguistic personology as one of the emerging scientific disciplines that is not yet fully separated from political linguistics. This article looks at some new issues of political linguistics, one of which is the notion of linguopersoneme, and suggests several types of linguistic *personemes*: the mythmaker, the actor, the alarmist, the gentleman (the lady), the aggressor, and the marginal. Most of these notions and terms were used in our previous articles and yet it is only now that we present a more or less holistic vision of the complex and versatile phenomenon of the language personality of a politician. In our opinion, the language personality of a politician is a variety of a creative professional language personality, to some extent comparable to the people working in such professional spheres as show business, sport, art, etc. The language personality of a politician is formed in political discourse, as follows from the sociological theories by P. Bourdieu and M. Foucault. It was found that the main characteristics of political discourse manifest themselves in the politician's language personality in a specific way, thus forming its structure, which up to this moment was predominately described in terms of Yu. N. Karaulov's influential theory. These are verbal-semantic, cognitive and pragmatic levels of the language personality.

Keywords

political linguistics, language personality of a politician, professional language personality, linguistic personeme, political myth, political linguistic personology

For citation

Alexeyev, A. B. The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 151–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

Введение

Изучение политического дискурса, осуществляемое прежде всего в рамках политической лингвистики на стыке лингвистики, политологии, социологии и социальной философии, неизбежно предполагает, что в фокус внимания исследователей попадает и субъект политического общения, или, выражаясь иначе, языковая личность политика. Становление единой парадигмы *наук о человеке*, в которой, помимо лингвистики, антропологии, психологии и др., важное место занимает персонология¹, позволяет говорить о междисциплинарном характере исследовательских подходов к рассмотрению функционирования языка [Шапошникова, 2020, с. 6].

Сам термин «языковая личность» начиная с первых научных трудов Ю. Н. Караулова прочно вошел в понятийный аппарат ученых-лингвистов. Вместе с тем было бы неверным утверждать, что данное терминологическое обозначение лишено всяких внутренних противоречий и является универсальным, поскольку, с одной стороны, номинация «личность» уже предполагает, что человек владеет языком, а с другой – постоянно множасьщееся количество работ, посвященных рассмотрению типов и видов языковой личности, – так называемый «лингвоперсонологический бум» – приводит к возникновению других, менее удачных тер-

¹ Термин «персонология» (наука о личности) был впервые предложен американским психологом Г. Мюрреем (см. [Хьелл, Зиглер, 1999, с. 21]).

минов, как, например, «пунктуационная языковая личность» [Языковая личность..., 2015, с. 22], карикатурный характер которого очевиден.

К этому добавляются дискуссии об уместности таких терминов, как «речевая личность», «коммуникативная личность» и др., неизбежно высвечивающие сложность оперирования синонимичным им понятием «языковая личность». «Языковая личность – понятие как будто... достаточно уязвимое... Почему “языковая”, а не, скажем, речевая, текстовая, “семиотическая” (ведь анализируется семиотически понимаемый “след”)?», – размышляют лингвисты ² [Иванов, 2017, с. 6].

И всё же стоит отметить, что идеальных терминов ³ в науке – абсолютное меньшинство, а сквозная идея, положенная в основу антропоцентрической лингвистики, а именно необходимость обращения к человеку говорящему (лат. *homo loquens*, фр. *l'homme de paroles* ⁴), его внутреннему миру, когниции (сфере сознания человека) [Шапошникова, 2020, с. 6], эмоциям, несомненно, доказала свою научную состоятельность.

Языковая личность может быть изучена как минимум в двух ипостасях: либо она является индивидуальностью – лингвоперсоной, либо коллективным, усредненным типом личности – лингвоперсонемой [Языковая личность..., 2015, с. 281]. Одним из главных видов лингвоперсонем является профессиональная языковая личность, исследованию которой посвящены научные труды М. С. Быкановой [2014], С. Г. Лебедевой [2019], Т. Л. Масыч [2010], Э. А. Сорокиной [2017] и многих других ученых.

О новых проблемах в политической лингвистике

Рассмотренная в виде лингвоперсонемы, языковая личность политика – это прежде всего разновидность профессиональной языковой личности, но она ни в коем случае не сводима только к этому понятию, поскольку, как мы уже отмечали в иных публикациях, политика относится к тому типу «профессий», которые принято называть творческими: их особенность состоит в том, что они предполагают не столько наличие специального образования, сколько призвания к определенному виду общественной деятельности [Алексеев, 2018а, с. 207–208; Сорокина, Алексеев, 2019, с. 394–396]. В этом отношении, приводя выдержку из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия», повествующего в том числе о выборе героями профессионального – а шире – жизненного пути, мы сравнивали политика с писателем, поэтом [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 394]. Уместно также провести параллели между политиком и актером, политиком и спортсменом ⁵, политиком и шоуменом [Алексеев, 2020а].

Лексемы «политик», «политика» консубстанциональны (о явлении консубстанциональности см.: [Соколова, 2016, с. 16]), причем в обыденном языковом сознании они не имеют четкой дефиниции, являются фантомными, или «бестелыми», если воспользоваться метким эпитетом В. В. Маяковского:

...рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика»
[1983, с. 119].

² Один из способов преодоления нежелательной синонимичности и фактической взаимозаменяемости рассматриваемых терминов – глобальный подход к языку как «дому бытия» (по М. Хайдеггеру). При таком подходе понятие «языковая личность» превращается в термин-гипероним, органично вбирающий в себя более узкие термины – «речевая личность», «коммуникативная личность» (см. [Иванов, 2017, с. 6–7]).

³ Не существует и единой точки зрения на счет того, что можно считать идеальным термином, так как не решены окончательно проблема консубстанциональных терминов, проблема многозначности терминологических единиц, проблема неоднородности терминологий [Соколова, 2016, с. 12–13].

⁴ Название известной книги современного французского языковеда К. Ажежа (Claude Hagège).

⁵ Как и спорт, современная политика – это состязательный процесс, а политейинмент и вовсе часто превращается в (спортивное) состязание.

Но даже в рамках лингвополитической науки не существует единого понимания, что такое политика и кого можно считать политиком. Как пишет К. Хадсон, слова «политик», «политика» употреблять непросто, поскольку они означают очень разные вещи для разных людей [Hudson, 1978, p. 1]. В результате лингвисты до сих пор спорят о границах политического дискурса, задаваясь, например, вопросами типа: можно ли считать бытовой, «кухонный» разговор о политике политическим дискурсом? Формирование обыденной лингвополитологии (подробнее см.: [Алексеев, 2020б]), ставящей перед ученым сообществом задачу исследовать речь непрофессиональных политиков, а точнее, людей, равнодушных к политике, но не вовлеченных в активную публичную борьбу за власть, призвано решить проблему неоправданного игнорирования учеными дискурса «клиентов» политических институтов, сегодня более заметного, благодаря глобальной сети «Интернет», которая дает возможность выразить через нее практически любую точку зрения ⁶.

В то время как в политической лингвистике обозначаются новые направления (например, обыденная лингвополитология, политическая лингвоперсонология) становится ясным, что, несмотря на возросший интерес ученых к политической коммуникации и уже достаточное количество научных трудов, написанных по данной теме, вопросов, требующих разрешения, не убывает, а становится больше. Это и необходимость изучения гибридных политических дискурсов, особенно в связи с постоянным внедрением в политический дискурс элементов, традиционно ему несвойственных, например, развлекательного характера, соотносящихся со становлением политейнмента как политической реальности XXI в. [Боголюбов, 2020, с. 137]. Это и желательность если не пересмотра, то как минимум уточнения понятий *клиент* и *агент* политического дискурса в условиях дигитализации политики и наметившейся тенденции к маргинализации фигуры государственного деятеля. Это и важность рассмотрения новых политических стратегий – стратегии маргинализации, стратегии конструирования моральной паники (алармизма), стратегий политейнмента [Там же] – и усилившегося манипулятивного воздействия на сознание адресата, в том числе с помощью быстро эволюционирующих средств и способов, осмыслить которые наука порой не успевает. Наконец, национальная специфика политических дискурсов, несмотря на глобализацию и продолжающееся распространение западных, в первую очередь американских ценностей не «затирается», хотя в некоторых странах, как, например, в Турции, появляются политические жанры, подсказанные образцами из США. В качестве такового можно привести «речь после выборов» (*Seçim Sonu Konuşmaları*), отметив, что такие заимствования очень скоро приобретают несвойственные им в оригинальной культуре черты и поэтому представляют несомненный интерес для изучения [Ünlü, 2015].

По нашему мнению, не будет преувеличением сказать, что какой бы проблемой политической лингвистики ученый ни занимался, он имеет дело с субъектом дискурса, т. е. языковой личностью политика, формируемой прежде всего в политическом дискурсе, но допускающей ее рассмотрение и в качестве предискурсивного ⁷ феномена [Алексеев, 2018а].

Типы лингвоперсоном политика

Тезис, согласно которому языковая личность политика формируется в рамках политического общения, непосредственно соотносится с социологической теорией П. Бурдьё, считав-

⁶ Всё же нельзя абсолютизировать это положение, ибо во многих странах, включая Россию, за распространение так называемого языка вражды (hate speech), пропаганду экстремистских взглядов могут преследовать в уголовном порядке. Причем однозначного определения термина «язык вражды» не существует, – возможно, поэтому в США продолжает действовать первая поправка к Конституции (The first Amendment to the United States Constitution), гарантирующая неограниченную свободу слова.

⁷ Термин «предискурс» взят нами из работы французской исследовательницы М. Паво 'Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition'. «Я использую префикс *pré*... чтобы обозначить внешние по отношению к дискурсу данные (des données antérieures), которые мобилизуются во время его порождения», – пишет автор [Paveau, 2006, p. 17].

шего, что социальные пространства нуждаются в специфических агентах, выполняющих функцию трансляторов («переводчиков») социально приемлемых, одобряемых смыслов, и в этом качестве агенты порождаются самой социально-политической системой [Бурдье, 1993, с. 15]. Следует упомянуть в этой связи и влиятельную концепцию власти М. Фуко, увязанную с двумя ее ключевыми понятиями – дискурс и знание (*savoir, knowledge*). Французский философ писал, развивая ее, что дискурсы представляют собой «практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь» [Foucault, 1972, p. 49] (перевод наш. – А. А.). Мы полагаем, что эти идеи сохраняют свою фундаментальную значимость. Основные характеристики политического дискурса, своеобразно преломляясь в лингвоперсоне политика, конституируют ее общую структуру.

Одной из центральных черт политического дискурса ученые признают его мифологичность, достигающую стадии сверхмифологичности [Соколова, 2016, с. 44]. Это позволяет говорить о существовании лингвоперсоны политика-мифотворца, т. е. агента, стремящегося создать вновь или, быть может, возродить из забвения ранее существовавший в рамках данной цивилизации политический миф.

Так, в ходе политической кампании 2015–2016 гг. в США циркулировало немало политических мифов. Одним из центральных был миф о заговоре (в иной терминологии – конспирологический миф [Эрлих, 2016, с. 18]), согласно которому политики, журналисты, крупные бизнесмены, представляющие американский истеблишмент, чтобы удержать власть, сговорились между собой поставить «своего» человека, не допустить победы «народных» кандидатов, прежде всего Д. Трампа, который верил в его существование и использовал это убеждение в своих целях, разоблачая некую *rigged system*, сформировавшуюся в СМИ:

TRUMP: We're in the rigged system and the big part of the rigging are these dishonest people in the media... These people are the worst! (<https://www.youtube.com/watch?v=x0kTJGEhRyU>).

Для усиления лингвопрагматического воздействия на аудиторию оратор употребил для характеристики нечестных журналистов гиперболу *These people are the worst!*. Выражения 'rigged system' (мошенническая система), 'rigging' (мошенничество), 'broken system' (разбитая система) неоднократно повторялись и стали во время той кампании мифологемами американского политического дискурса, причем в том или ином виде они использовались и идеологическими противниками Д. Трампа:

SANDERS: And then sustaining that rigged economy is a corrupt campaign finance system undermining American democracy... (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Или

H. CLINTON: Yes, of course, we have special interests that are unfortunately doing too much to rig the game (Ibid.).

Республиканцы приложили все усилия, дабы заключить именно на основании мифических представлений о реальности определенного рода «дискурсивную коалицию» со сторонниками Б. Сандерса в демократической партии, политика, на самом деле, очень далекого от правых, протрамповских воззрений.

TRUMP: We like Bernie, I like Bernie... Because the system is rigged against Bernie... He can't win. Because the system is rigged. I have to say our system was rigged too... (https://www.youtube.com/watch?v=UeGfbkGMq_8).

В приведенной короткой реплике мифологема 'rigged system' повторена трижды. Основная прагматическая идея, заложенная в анализируемый фрагмент мифического дискурса, следующая: Б. Сандерс не имеет ни малейших шансов на победу, поскольку демократические политики и работники СМИ – мошенники; они делают всё, чтобы на выборах победила их фаворитка Х. Клинтон.

Люди, поддерживавшие Б. Сандерса, сами того не замечая, нередко говорили лестные для Д. Трампа слова, хвалили лидера республиканцев за то, что он не является представителем политического истеблишмента.

Rosario DAWSON: The media and the establishment are afraid of Trump because he has a ground swell – despite the media bias – of people who are behind him because he is not establishment and he is pointing out at the establishment and saying ‘You are fired!’... People are afraid, corporate media is afraid of losing their jobs... (<https://www.youtube.com/watch?v=Eo2i60NFM9k>).

Подчеркнутые фразы созвучны политической повестке Д. Трампа, который и сам утверждал, что он не-политик (неологизм «не-политик» образован нами по аналогии с англ. *non-politician*).

Другой влиятельный политический миф, до сих пор не изживший себя, – миф о незаконном вмешательстве России в выборы США, осуществленном В. В. Путиным, чтобы поддержать «друга» Д. Трампа и унизить Х. Клинтон.

Много политических мифов функционирует и в российском политическом дискурсе. Так, в книге «Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий» С. Е. Эрлих подробно анализирует то, как правительство, опираясь на подконтрольные СМИ, сознательно искажает исторические свидетельства о декабристах, изображая первых самоотверженных революционеров нашей страны марионетками и предателями. Декабристы в представлении многих политтехнологов – это «...попытка развала России изнутри, осуществленная англосаксами», что, излишне говорить, ничем не прикрытая клевета [2016, с. 107], продуцируемая только с одной целью: дискредитировать на основании исторических параллелей несистемных оппозиционеров, изображаемых иноагентами и наймитами Запада.

Не стоит думать, что политические мифы возводятся только из лжи, ведь на самом деле, если вернуться к конспирологическому мифу в США 2015–2016 гг., нельзя не отметить, что ряд заявлений Д. Трампа, обвинявшего СМИ в предвзятости, имели под собой рациональные основания. Как точно замечает писатель В. С. Бушин, «лучшие сорта лжи фабрикуются из полуправды» [2006, с. 27].

Помимо мифологичности политической коммуникации уместно отметить и ее театральность, ориентированность высказываний политического оратора на публику, его постоянной готовности разыгрывать на и для публики самые различные роли, причем нередко с интенцией всего лишь развеселить аудиторию, что связывает эту интенцию со стремлением к созданию политеймента [Алексеев, 2020a]. Еще в предыдущих публикациях мы предлагали в этой связи для выделения подобной персонемы наименование «политик-актер» [Там же]. Одним из наиболее характерных, эксплицитных маркеров выступлений политика-актера можно считать слово ‘fun’ (веселье), а также лексику из семантических полей «развлечение», «шоу-бизнес», «спорт», несерьезное содержание которых, тем не менее, отлично согласуется с серьезной политической аргументацией. Ограничимся буквально несколькими примерами:

CHRISTIE: So let’s do something fun tonight (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>);

RUBIO: So just give me one more minute because we gonna have fun here (https://www.realclearpolitics.com/video/2016/02/29/rubio_hits_trump_you_know_what_they_say_about_men_with_small_hands_you_cant_trust_them.html);

TRUMP: I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don’t have a musical instrument. I don’t have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we’ve broken a lot of records. We’ve broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don’t need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>).

Как видно из речи Д. Трампа, политик сравнивает себя со знаменитым музыкантом Элтоном Джоном, но не просто сравнивает, а фактически соревнуется с ним, устанавливает рекорды и т. п. При этом все подчеркнутые фразы относятся либо к семантическому полю

«спорт» (*break a record, basketball, hockey, sports*), либо к семантическому полю «шоу-бизнес» (*Elton John records, a musical instrument, a guitar, an organ*). Выступающий, актуализируя многозначность ключевых слов (*record* – музыкальная пластинка и рекорд, *organ* – орган, т. е. музыкальный инструмент, и орган)⁸, проявляет особую лингвокреативность, а также применяет короткие простые предложения и парцелляцию.

Алармизм – это неотъемлемый элемент любого политического дискурса⁹, в связи с чем оправдано введение категории «лингвоперсонема политика-алармиста». Часто кандидат не просто констатирует наличие какой-либо социальной проблемы, но и прагматически подчеркивает свой вклад в ее выявление на политических дебатах.

TRUMP: So, if it weren't for me, you wouldn't even be talking about illegal immigration... This was not a subject that was on anybody's mind until I brought it up at my announcement. And I said, Mexico is sending (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

Самой характерной чертой политиков-алармистов является то, что они имеют тенденцию преувеличивать масштабы социальной проблемы, что влечет за собой широкое использование генерализации, гипербола, эпитетов с гиперболическим значением.

TRUMP: Gangs all over the place. Chicago, Baltimore, no matter where you look (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).

Gangs all over the place – это явная гипербола, возникающая в результате «алармистской» генерализации. Здесь же Д. Трамп также применяет парцелляцию и эллиптическую структуру предложений для того, чтобы его речь была более динамичной и выразительной.

В американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. алармизм был широко представлен в речи не только Д. Трампа, но и других кандидатов, например, Б. Карсона, Б. Сандерса, Х. Клинтон.

Б. Карсон говорил о незаконной иммиграции как о некоей невероятно острой проблеме.

CARSON: Well, first of all, I recognize that we have an incredible illegal immigration problem (Ibid.).

Б. Сандерс, со своей стороны, вел речь о целой череде беспрецедентных кризисов.

SANDERS: I think most Americans understand that our country today faces a series of unprecedented crises (<https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88>).

Политический алармизм должен быть сочленен с понятием моральной паники (*moral panics*), введенным в науку социологом С. Коэном [Cohen, 2002]. Поскольку эту тему мы уже затрагивали [Алексеев, 2017а], отметим только, что неpolitкорректная, порой явно оскорбительная риторика Д. Трампа привела к моральной панике, выплескивавшейся «на улицу» в виде жестких, иногда силовых столкновений сторонников и противников бизнесмена, и потому была осуждена демократами в самых строгих выражениях.

H. CLINTON: When he was engaging in rhetoric that I found deeply offensive, I said basta... his rhetoric, his demagoguery, his trafficking in prejudice and paranoia has no place in our political system (<https://www.youtube.com/watch?v=OqgTFA1HnUM>).

В дискурсе Х. Клинтон лексема «риторика» – имеется в виду, конечно, риторика Д. Трампа – становится контекстуальным синонимом таких негативно маркированных слов, как «демагогия», «распространение предубеждений», «паранойя». Оратор применила не только прием градации – наиболее веское слово, фактически вменяющее идеологическому противнику

⁸ В данном случае мы наблюдаем своеобразную языковую игру (*language play*), в принципе характерную для лингвоперсонемы политика-актера. Следуя А. Ф. Боголюбову, мы различаем термины *language game* и *language play*. Последнее терминологическое обозначение является синонимом *word play* – игра слов. Понятие же *language game* – это социо- или лингвокультурная игра [Боголюбов, 2020, с. 138], *der Sprachspiel*, по Л. Витгенштейну.

⁹ См. также статью Е. С. Храбровой [2020], посвященную лингвистическому изучению алармизма в связи с пандемией коронавируса. Этой же теме посвящена статья М. А. Передревой, А. Р. Тувагиной [2020], рассматривающих, правда, возросший градус алармизма в СМИ преимущественно в социологическом ракурсе.

медицинский диагноз, ставится в конец реплики, – но и, используя глагол в единственном числе (*has*), подчеркнула неразрывную связь риторики Д. Трампа с его паранойей.

С традиционной точки зрения, политик должен быть вежливым, политкорректным, воздерживаться от оскорблений, придерживаться правил речевого этикета. В этом ключе лингвоперсонема политика может быть представлена в терминах «политик-джентльмен», «политик-леди», что проявляется в избрании кандидатами этикетных речевых жанров, например комплиментов.

TRUMP: ...this is one of the finest men, you not gonna find a finer man (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

SANDERS: Well, first of all, let me applaud my good friend Jim Webb for his service to this country in so many ways (<https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88>).

Другой этикетный речевой жанр, довольно часто встречающийся в политическом дискурсе, – извинение. Хотя извинение и предполагает просьбу о прощении за неправильный поступок, признание вины и прошение прощения всегда достойно истинных джентльменов.

SANDERS: Not only – not only do I apologize to Secretary Clinton – and I hope we can work together on an independent investigation from day one – I want to apologize to my supporters. This is not the type of campaign that we run (<https://www.youtube.com/watch?v=JDqZlGcSYtI>).

Показательно, что Б. Сандерс извиняется за поступок, совершенный не им лично, а его коллегами. Более того, политик считает себя морально обязанным извиниться не только перед Х. Клинтон и ее сторонниками, но и перед людьми, которые поддерживают его, Б. Сандерса. Инверсия (*not only do I apologize to Secretary Clinton*) наряду с парантезой (*– and I hope we can work together on an independent investigation from day one*) создают желаемый лингвопрагматический эффект, свидетельствуют об искренности кандидата.

Известно, однако, что отношение к вежливости, политкорректности в современном мире – неоднозначное. Джентльменское, вежливое, корректное поведение иногда признается проявлением неискренности или слабости. Ср.:

TRUMP: Look, the problem is we need toughness. Honestly, I think Jeb is a very nice person, he is a very nice person but we need tough people, we need toughness (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Характеризуя своего противника как приятного (*nice*¹⁰) человека, Д. Трамп утверждает, что США в настоящий момент нужен жесткий (*tough*) лидер, тем самым создавая контекстуальную антонимию лексем ‘nice’ и ‘tough’.

Поскольку политики склонны проявлять речевую агрессию, дискредитировать своих оппонентов, считаем возможным предложить термин «лингвоперсонема политика-агрессора». В лингвистической науке до сих пор нет универсальных критериев, руководствуясь которыми, можно бы было всегда диагностировать наличие речевой агрессии в тексте, что объясняется широкой представленностью в дискурсе прагматической, контекстной невежливости¹¹ [Ларина, Харлова, 2015, с. 35]. Проблема осложняется тем, что восприятие того или иного выражения в качестве вежливого или невежливого является отчасти субъективным. Тем не менее во многих случаях присутствие агрессивных элементов в дискурсе политика очевидно:

TRUMP: Even the slime, the slime sitting over there... (https://www.youtube.com/watch?v=UeGfbkGMq_8).

¹⁰ В английском языке лексема ‘nice’ наделена положительными коннотациями, но так было не всегда: еще во времена У. Шекспира это слово означало не «приятный», а «глупый». В речах Д. Трампа данная лексема нередко приобретала не свойственные ей коннотативные значения, в частности она относилась к «слабому» кандидату Джебу Бушу.

¹¹ Прагматическая невежливость противопоставляется абсолютной невежливости [Ларина, Харлова, 2015, с. 35], которая, однако, по сути, является абстрактной категорией. Как свидетельствует Дж. Калпепер, даже типично невежливое, агрессивное речевое поведение (например, выкрикивание бранных слов) в некоторых контекстах допустимо. Так, оно совершенно нормально в толпе футбольных фанатов [Culpeper, 2011, p. 22].

‘Slime’ переводится как «грязь», «слизь». Употребленная по отношению к людям (Д. Трамп говорит о работниках СМИ), лексема становится инвективой, сигнализирует инвективную коммуникативную стратегию.

К инвективной коммуникативной стратегии следует также отнести многочисленные диффамирующие ярлыки, придуманные Д. Трампом для унижения, осмеяния своих противников, часто выступавшие в качестве языковой игры¹² (подробнее см.: [Алексеев, 20186]).

Категория «лингвоперсонема политика-агрессора» может быть связана с дискредитацией, даже если она осуществлена сравнительно вежливо, без использования явных оскорблений, которые в дискурсе могут заменяться (имплицитной) этической оценкой, рационализацией, мифопоэтикой или – чаще всего – ссылкой на авторитет, сопоставлением взглядов политического противника и авторитетного лица [Каменева, Потапова, 2021, с. 86]. Для такой дискредитации нередко применяются риторические вопросы и перифразы.

SANDERS: Do we really feel confident about a candidate saying that she's going to bring change in America when she is so dependent on big money interests? (<https://www.youtube.com/watch?v=YrFurUjvXRU>).

Выражение *she is so dependent on big money interests* достаточно ясно указывает на продажность политика, хотя эта ее черта и не называется прямо.

Политики-агрессоры склонны употреблять разнообразные лингвостилистические средства, в частности военные метафоры (о военных метафорах с милитаристским содержанием и без него см.: [Крышталева, 2019]).

Еще один тип лингвоперсонемы политика – политик-маргинал. Термин «политик-маргинал» уже неоднократно использовался нами в прежних публикациях. Теме политической маргинальности посвящены научные труды А. М. Вафина [2016]. С другой стороны, о политиках-маргиналах – пусть вскользь – пишут и ученые, работающие в рамках политической лингвистики. Так, А. Ф. Боголюбов полагает, что современные либералы – «это, за редчайшим исключением, маргиналы всех мастей» [2020, с. 136]. По мнению ученого, «крупные фигуры, способные быть кризисными управляющими на политическом Западе, почти перевелись, между элитами идет словесная “драчка”» [Там же].

В этой связи, как нам видится, следует отметить, что, во-первых, термины «политический маргинал», «политик-маргинал» не оценочные, хотя, быть может, лексема «маргинал», наделенная в обыденном (не научном!) языковом сознании отрицательными коннотациями, располагает к их такому прочтению. Во-вторых, политические и лингвистические тенденции, упоминаемые А. Ф. Боголюбовым в отношении «политического Запада», с большой долей вероятности обнаружатся и в других странах, традиционно не относящихся к Западу¹³, ведь именно США задают современную повестку дня, о чем, в частности, напоминают турецкие исследователи [Ünlü, 2015].

Мы рассматриваем лингвоперсонему «политик-маргинал» в ее связи с коммуникативной стратегией маргинализации¹⁴, которая может осуществляться несколькими способами. Несколько упрощенно выразим их в виде следующих форм самоидентификации.

¹² В значении как ‘language play’, необходимой при создании диффамирующего ярлыка, так и ‘language game’, актуализируемой в дискурсе в том смысле, что до последнего времени профессиональным политикам было несвойственно такое широкое использование инвектив.

¹³ Слово «Запад» в современном российском политическом дискурсе, по нашему мнению, представляет собой одну из ключевых мифологем, которая ложится в основу не только мифа о декабристах, «предателях Родины», но и многих других политических мифов. Вместе с тем это слово, шаблонно наделяемое отрицательными коннотациями (ср.: «враждебный Запад», «коллективный Запад» и т. д.), многозначно, и дискуссия о том, является ли Россия в культурном и историческом смыслах Западом, развернувшаяся в XIX в. между западниками и славянофилами, служит наглядным подтверждением того, что Россия на самом деле претендовала быть частью просвещенного, развитого Запада.

¹⁴ Суть этой стратегии описывается нами достаточно подробно в [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384–392], а исходные положения были сформулированы в [Алексеев, 20176].

1. «Я есть не-политик» (или: «Я нетипичный политик»).

TRUMP: I said: 'Didn't you do a horrible ad at me 2 weeks ago? ...how do you pivot from that to saying you think I'm a wonderful person?' He said: 'No problem, sir!' you know why? Politicians, they can do that. I have a hard time doing it, they can do it (<https://www.youtube.com/watch?v=RxzraR2R31g>).

Осуждая политиков, конструируя имидж нечестных, лицемерных людей, Д. Трамп с помощью прагматического использования личных местоимений ('they' vs 'I'), актуализации базовой оппозиции политической коммуникации, обычно выражаемой учеными через дихотомии «мы – они», «свои – чужие», подчеркивает: я не-политик, я аутсайдер. Ср.:

Kellyanne CONWAY: So if you consider yourself a change-maker, an outsider, a non-politician, if you are sick of empty promises and lousy results... (<https://www.youtube.com/watch?v=Pkt7EqFWii4>).

К. Конуэй, менеджер президентской кампании Д. Трампа, впоследствии советник президента, применяет для семантизации слова «не-политик» контекстуальные синонимы «люди, изменяющие мир», «аутсайдеры», «не-политики». При этом оратор обращается непосредственно к адресату, акцентирует личное местоимении 'you', делает своеобразный комплимент аудитории, конечно, в большинстве состоящей из непрофессиональных политиков. Тем самым достигается еще одна цель: формируется общность с избирателем.

2. «Я женщина»¹⁵.

CLINTON: Senator Sanders is the only person who ... would characterize me, a woman running to be the first woman president, as exemplifying the establishment (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Или:

H. CLINTON: I can't imagine any one being more of an outsider than the first woman President. I mean really, let us think about this now (<https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU>).

Лексема «аутсайдер»¹⁶, таким образом, в дискурсе Х. Клинтон не просто синонимична гендерному маркеру «женщина», но и наделяется значением схожим с тем, в котором оно употреблялось в речах сторонников Д. Трампа.

3. «Я революционер».

Формула в принципе характерна для большинства политических маргиналов, настойчиво призывающих к переменам.

TRUMP: Politicians are all talk, no action... We need a change. We need a very big change. We're going to make our country great again (<https://www.youtube.com/watch?v=Nyl4xIVS-jw>).

Формула «Я революционер» может трансформироваться в маркер ассоциативно связанной самоидентификации «Я социалист»¹⁷.

¹⁵ Эта стратегия, наверно, возможна даже в таких странах, как ФРГ, где в роли национального лидера долгое время выступает женщина, поскольку феминистическое движение там по-прежнему очень активно. Между тем хотелось бы подчеркнуть, что в большинстве стран Запада и в России в том числе (если исходить из того, что Россия – все-таки Запад) женщины не являются даже меньшинством, тем более ущемленным в правах. По словам А. Ф. Фефелова, прекрасная половина человечества представляет собой мнимое меньшинство [Фефелов, 2014, с. 41], или, можно сказать, квазименьшинство. Однако вопрос о маргинализированном статусе женщин в системе политических институтов, на наш взгляд, остается дискуссионным.

¹⁶ Вообще, как и слово «маргинал» в обыденном языковом сознании, лексическая единица «аутсайдер» отрицательно коннотирована. В американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. произошла амелиорация этих слов, хотя употребления термина 'marginal' американскими политиками нами обнаружено не было, – его заменили синонимы (outsider, non-politician, etc.).

¹⁷ О своей принадлежности к социалистам неоднократно говорил сенатор Б. Сандерс. В США – капиталистической, развитой стране – социалистические воззрения европейского происхождения, действительно, маргинальны, а социалисты находятся, как правило, на периферии американского политического спектра.

Анализируя российский политический дискурс, мы находим вполне уместным рассмотреть еще один способ маргинализации – «Я против всех»¹⁸, опробованный К. Собчак в 2017–2018 гг., когда она баллотировалась в президенты.

СОБЧАК: Если сегодня графа «против всех» в моем лице наберет голоса – это позволит перевернуть систему. Я не знаю ни одного примера, когда люди оставались бы дома и что-то при этом изменилось.

Или:

СОБЧАК: Всё старое должно быть снесено... Предлагаю голосовать «против всех» на этих как бы выборах, и это – то небольшое, что мы можем сделать сегодня (<https://sobchakprotivvseh.ru/blog/7/>).

Как видно из приведенных реплик, призыв голосовать «против всех» (а по существу, это манипуляция, так как голосовать всё равно предлагалось за конкретного кандидата – К. Собчак) сочетался с довольно радикальными, даже революционными требованиями «перевернуть систему», «снести всё старое».

Стратегия маргинализации, реализуемая через формулу «Я женщина», тоже получила национальную специфику, например в речах К. Гордон.

ГОРДОН: Мы страна матерей-одиночек, на которых всем плевать. Когда-то я принимала участие в оппозиционных акциях, пыталась найти общий язык с кремлевскими представителями, я поняла, что все кормятся у одной и той же лоханки и, по факту, удовлетворяют или свои амбиции, или пытаются заработать на нас деньги.

Или:

ГОРДОН: Я хочу ... стать голосом для женщин, чьи права попораны. (<http://www.mk.ru/politics/2017/10/30/ekaterina-gordon-sobralas-v-prezidenty-za-prava-bab.html>)

Другими словами, К. Гордон не просто заявила, как Х. Клинтон, «Я женщина, а потому не могу быть частью политического истеблишмента», а, во-первых, подчеркнула, что она мать-одиночка, во-вторых, эксплицитно обозначила, что права женщин¹⁹ в России попораны и что на них «пытаются заработать деньги». Политик не стеснялась и слов со сниженной стилистической окраской («плевать», «лоханка»).

Заключение и выводы

Когда уже сейчас написано достаточное количество работ о языковой личности политика, изучены основные лексические единицы, часто употребляемые политиками, а также грамматические – в первую очередь синтаксические – особенности речи политиков, когда описаны многие политические концепты, в том числе связанные с политическими метафорическими моделями, исследованы лингвопрагматические категории, определяющие политический дискурс, теория языковой личности Ю. Н. Караулова, имевшая огромное значение для антропоцентрической лингвистики, включая политическую лингвоперсонологию, не может оставаться единственной в науке.

Не вызывает сомнения, что изучение языковой личности политика актуально и востребовано в современной антропоцентрической лингвистике. Мы предложили свое видение проблемы влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика, обозначили некоторые типы лингвоперсономы политика, конструируемые в рамках полити-

¹⁸ Возможность использовать способ маргинализации «Я против всех» в российском политическом дискурсе объясняется политическими реалиями нашей страны: дебатами по поводу того, надо ли оставить в избирательных бюллетенях строку «против всех», фактическим отсутствием политической репрезентации для большого количества либерально настроенных граждан, растущим недовольством по поводу того, что избираются всегда одни и те же лица и т. д. В этой связи не случайно, что аналогов коммуникативной стратегии маргинализации, осуществляемой по формуле «Я против всех», в американском политическом дискурсе нами не найдено.

¹⁹ Имеются в виду права в самом широком смысле слова, а не только политические права.

ческого общения, соотносимые с его основными характеристиками. Наше видение этого вопроса можно представить в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

Типы языковой личности политика,
соотнесенные с характеристиками политического дискурса

Table 1

Types of the language personality of the politician
linked to the characteristics of the political discourse

Характеристика политического дискурса	Тип языковой личности (ЯЛ) политика
Мифологичность	ЯЛ политика-мифотворца
Театральность	ЯЛ политика-актера
Алармизм	ЯЛ политика-алармиста
Вежливость (речевой этикет)	ЯЛ политика-джентльмена (-леди)
Агональность (аргументативность)	ЯЛ политика-агрессора
Полевое устройство дискурса, где есть центр и периферия	ЯЛ политика-маргинала

Важными терминами при лингвополитологическом рассмотрении языковой личности политика являются лингвоперсонема и лингвоперсона. Если первое терминологическое обозначение – в известной степени абстракция, то второе ориентирует ученого на исследование характерных черт конкретных языковых личностей политика. Вместе с тем разработка теории лингвоперсонемы политика позволит усовершенствовать процедуру анализа языковой личности политика в целом, поскольку может не только предложить научному сообществу новые термины, но и изменить взгляд лингвистов на изучаемый феномен.

Несмотря на то что выделение уровней языковой личности – вербально-семантического, когнитивного и прагматического – по-прежнему остается актуальным [Асланова, 2014], назревает необходимость выработки собственно лингвополитологической теории, объясняющей структуру языковой личности политика несколько иначе. Наша точка зрения лучше всего суммируется с помощью следующей таблицы:

Таблица 2

Структура языковой личности (ЯЛ) политика

Table 2

The structure of the language personality of politician

	Лингвоперсонема	Лингвоперсона		
		Проявленный тип	Слабо проявленный тип	Непроявленный тип
ЯЛ политика	Политик-мифотворец	+	+-	-
	Политик-актер	+	+-	-
	Политик-алармист	+	+-	-
	Политик-джентльмен / -леди	+	+-	-
	Политик-агрессор	+	+-	-
	Политик-маргинал	+	+-	-

Список литературы

- Алексеев А. Б. Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017а. № 2. С. 47–57.
- Алексеев А. Б. Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции // Политическая лингвистика. 2017б. № 6. С. 51–58.
- Алексеев А. Б. Профессиональная языковая личность политика как предискурсивный и дискурсивный феномен // Учен. зап. УлГУ. Серия: Лингвистика. 2018а. Вып. 1 (22). С. 207–211.
- Алексеев А. Б. Языковая игра в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018б. Т. 16, № 1. С. 57–63.
- Алексеев А. Б. Политеймент и влияние его стратегий на языковую личность политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18, № 2. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102
- Алексеев А. Б. Дискурс реагирования: лингвополитологический подход // Учен. зап. УлГУ. Серия: Лингвистика. 2020б. Вып. 1 (25). С. 41–48.
- Асланова М. Г. Структура профессиональной языковой личности политика (на материале американского политического дискурса) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 96–102.
- Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение *Марша шпионов* Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Бушин В. С. Неизвестный Солженицын. М.: Алгоритм, 2006. 448 с.
- Быканова М. С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсивных манифестаций А. Н. Скрябина и К. Дебюсси): Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 195 с.
- Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Вафин А. М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М.: Канон+, 2016. 152 с.
- Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: Монография. Иваново: ПресСто, 2017. 359 с.
- Каменева В. А., Потапова Н. В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 84–97. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI в. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Ларина Т. В., Харлова М. Л. Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 34–42.
- Лебедева С. Г. Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма “A Beautiful Mind”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 27–45.
- Масыч Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 214 с.
- Маяковский В. В. Сила класса, слава класса: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 333 с.

- Передреева М. А., Туватина А. Р.** Формирование массовых настроений: моральная паника и СМИ // Форум молодых ученых. 2020. № 6 (46). С. 538–542.
- Соколова М. А.** Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина *power*): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 176 с.
- Сорокина Э. А.** Особенности термина «профессиональная языковая личность» // Современные проблемы экологии языка: Материалы науч.-практ. конф. Астрахань, 2017. С. 269–277.
- Сорокина Э. А., Алексеев А. Б.** Профессиональная языковая личность политика-маргинала как объект лингвополитологического изучения // Терминология: становление, развитие, функционирование: Коллективная монография / Под ред. С. И. Маджаевой. Астрахань: Изд-во Астрахан. ГМУ, 2019. С. 369–401.
- Фефелов А. Ф.** Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, № 2. С. 40–49.
- Храброва Е. С.** Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 152–161.
- Хьелл Л., Зиглер Д.** Теория личности (Основные положения, исследования и применение): Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 608 с.
- Шапошникова И. В.** К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15
- Эрлих С. Е.** Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование / Под ред. Н. Д. Голева. М.: ЛЕНАНД, 2015. Вып. 2. 432 с.
- Cohen, S.** Folk devils and moral panics. The creation of the Mods and rockers. London & New York, Routledge, 2002. 281 p.
- Culpeper, J.** Impoliteness. Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 292 p.
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Hudson, K.** The language of modern politics. London, Macmillan Press, 1978, 167 p.
- Paveau, M.** Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2006, 256 p.
- Ünlü, Ç.** Balcony Speech as an Example of American-style Post-election Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (accessed 21.04.2021) (in Turk.)

References

- Alexeyev, A. B.** Constructing moral panic in political media discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 2, pp. 47–57. (in Russ.)
- Alexeyev, A. B.** Marginalization as a strategy of the political discourse of deconstruction. *Political Linguistics*, 2017, no. 6, pp. 51–58. (in Russ.)
- Alexeyev, A. B.** The professional language personality as a prediscursive and discursive phenomenon. *The Scientific Notes of UIGU. Series: Linguistics*, 2018, vol. 1 (22), pp. 207–211. (in Russ.)
- Alexeyev, A. B.** The use of language play in political discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018b, vol. 16, no. 1, pp. 57–63. (in Russ.)

- Alexeyev, A. B.** Politainment and the influence of its strategies on the language personality of the politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020a, vol. 18, no. 2, pp. 91–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102
- Alexeyev, A. B.** The reactive discourse: political linguistic approach. *The Scientific Notes of UIGU. Series: Linguistics*, 2020, iss. 1 (25), pp. 41–48. (in Russ.)
- Aslanova, M. G.** The structure of the professional language personality of politician (on the basis of the American political discourse). *Political Linguistics*, 2017, no. 3, pp. 96–102. (in Russ.)
- Bogolubov, A. F.** Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic) *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Bourdieu, P.** Sociology of politics. Trfnsl. from French. Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.)
- Bushin, V. S.** Unknown Solzhenitsyn. Moscow, Algoritm, 2006, 448 p. (in Russ.)
- Bykanova, M. S.** The language personality of a musician in an ethnocultural aspect (at an example of discourse manifestations of N. A. Skrjabin and Debussy). Cand. Diss. of Philology. Belgorod, 2014, 195 p. (in Russ.)
- Cohen, S.** Folk devils and moral panics. The creation of the Mods and rockers. London & New York, Routledge, 2002. 281 p.
- Culpeper, J.** Impoliteness. Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 292 p.
- Erlikh, S. E.** The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2016, 552 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Dialectics of race and racism markers in 'The Adventures of Tom Sawyer' and 'The Adventures of Huckleberry Finn'. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49. (in Russ.)
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Golev, N. D.** (ed.). The language personality: modeling, typology, portrait-making. Moscow, LENAND, iss. 2, 432 p. (in Russ.)
- Hjelle, L., Ziegler, D.** Personality theories. Basic assumptions, research, applications. Transl. from English. St. Petersburg, Piter, 1999, 606 p. (in Russ.)
- Hudson, K.** The language of modern politics. London, Macmillan Press, 1978, 167 p.
- Ivanov, D. I.** The theory of a synthetic language personality: Monograph. Ivanovo, PresSto, 2017, 359 p. (in Russ.)
- Kameneva, V. A., Potapova, N. V.** Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 84–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Khrabrova, E. S.** Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basic of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2020, no. 2 (37), pp. 152–161. (in Russ.)
- Kryshtaleva, V. E.** Military metaphors in the discourse of the presidents of Russia and France in the Beginning of the 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 77–90. (in Russ.)
- Larina, T. V., Kharlova, M. L.** Impoliteness and rudeness in interpersonal interaction of Americans. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 34–42. (in Russ.)
- Lebedeva, S. G.** Linguostatic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film A Beautiful Mind). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 27–45. (in Russ.)

- Masyh, T. L.** Law enforcement officers' professional language picture of the world (on the basis of the Russian language). Cand. Diss. of Philology. Volgograd, 2010, 214 p. (in Russ.)
- Maykovsky, V. V.** The strength of the class, the glory of the class. Moscow, Sovremennik, 1983, 333 p. (in Russ.)
- Paveau, M.** Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2006, 256 p.
- Peredreeva, M. A., Tuvatina, A. R.** The formation of mass emotions: moral panics and mass-media. *Forum of Young Scientists*, 2020, no. 6 (46), pp. 538–542 (in Russ.)
- Shaposhnikova, I. V.** On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15
- Sokolova, M. A.** Polysemy of the English political terminology (on the example of consubstantial term power). Cand. Diss. of Philology. Moscow, 2016, 176 p. (in Russ.)
- Sorokina, E. A.** Peculiarities of the term 'professional language personality'. In: Modern problems of language ecology. Materials of a practical science conference. Astrakhan, 2017, pp. 269–277. (in Russ.)
- Sorokina, E., Alexeyev, A. B.** The professional language personality of a politician-as-marginal as an object of the political linguistic study. In: Terminology: formation, development, functioning. Collective monograph. Ed. by S. I. Madzhaeva. Astrakhan, Astrakhan State Medical University Press, pp. 369–401. (in Russ.)
- Ünlü, Ç.** Balcony Speech as an Example of American-style Post-election Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (accessed 21.04.2021) (in Turk.)
- Vaphin, A. M.** Political marginals in Russia and Europe: Limonov, Fortaine, Con-Bendit and other cases. Moscow, Kanon+, 2016, 152 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев, кандидат филологических наук

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 23.04.2021;
одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 01.06.2021
The article was submitted 23.04.2021;
approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 01.06.2021

Научная статья

УДК 821.133.1, 82-9

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180

Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы

Мишель Дебрени

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Новосибирск, Россия

micheledebrenne@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0147-5986>

Аннотация

В статье закладывается фундамент дальнейшего изучения образа России, представленного на страницах 400 томов комиксов на французском языке, опубликованных с 1849 г. до наших дней. В данной работе понятие «комикс о России» выделяется на основе двух главных признаков. К ним отнесены 1) произведения, действие в которых происходит в царской России, в СССР или современной России; 2) произведения, в которых есть действующее лицо из обозначенного исторического или географического пространства. Сначала намечается типология комиксов о России; выделяются следующие: документальные, исторические, приключенческие, комические и комиксы-адаптации произведений художественной литературы. Затем проводится анализ визуального ряда комиксов, в первую очередь обложек. Объектом анализа становятся также такие рекуррентные элементы произведений, как снег, красный цвет, пятиконечная звезда, поезда, кровь, оружие, красивые девушки, некрасивые пожилые дамы, старые автомобили. Кроме того, обсуждаются причины фактического отсутствия таких привычных стереотипов о России, как черная икра, медведи и некоторых других. Затем на примере заимствованных слов, топонимов, антропонимов и отдельных высказываний подробно анализируется влияние русского языка на формирование образа России во франкоязычных комиксах. В частности рассматриваются случаи употребления кириллицы, транслитерированного текста и вставок отдельных букв из кириллицы в латиницу, наличие или отсутствие перевода, его правильность. Подчеркивается, что в некоторых случаях используются несуществующие топонимы, имена и фамилии, лишь отдаленно напоминающие русские. В связи с их достаточно высокой частотностью автор ставит вопрос о том, являются ошибки случайными или они свидетельствуют о явном пренебрежении авторов к адекватному отображению действительности. Автор разработал типовой фрейм для анализа контента любого комикса о России. В этом фрейме учтены некоторые аспекты, не затронутые в статье, а именно характеристика «русских» персонажей и их действий. Фрейм позволит рассмотреть эволюцию образа и его сопряженность с исследуемым жанром, а также сопоставить полученный образ России с образами, бытующими во французских СМИ, произведениях литературы и кино. В перспективе предполагается выяснить, является ли использование выявленных стереотипов результатом слабой информированности авторов о российской действительности или же преднамеренного желания создавать и закреплять свой образ чужой страны.

Ключевые слова

комикс, французский язык, стереотипы, образ России, имагология

Для цитирования

Дебрени М. Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 167–180. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180

© Дебрени М., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 167–180
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 167–180

Image of Russia in French-Language Comics

Michèle Debrenne

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
micheledebrenne@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0147-5986>

Abstract

This article initiates research on the representation of Russia in French comic books. From 1849 to the present about 400 volumes have been published. In this paper, the notion “comics about Russia” include: a) a book of comics in which the action takes place either in the tsarist Russia, the USSR or contemporary Russia, b) a book in which a character or a place of the above period are involved. After an overview of the types of books and genres of comics about Russia (documentary, historical, adventure, science fiction, comical, as well as literary adaptations), an analysis of the visual aspect of comic books, mainly the covers, is given. Such recurring elements as snow, red color, five-pointed star, trains, blood, weapons, beautiful girls, ugly old ladies, and old cars are considered. We discuss the reasons for the practical absence of such stereotypes as black caviar, bears and some others. Then we analyze the role of the Russian language in the realization of the image of Russia, on the example of borrowed words, toponyms, anthroponyms, and utterances. Cyrillic, transliterated text and insertion of certain letters from Cyrillic into Latin are examined, as well as the presence or absence of translation and its correctness. The author underlines cases in which nonexistent toponyms, names and surnames, remotely resembling Russian words, are used. The question is whether such errors are accidental or indicate the authors' evident lack of interest in the adequate depiction of the reality. At the end of the paper the author proposes a frame for the analysis of any comic book about Russia. Apart from the mentioned above, this frame takes into account such aspects as characteristics of the “Russian” personages and their actions. Hopefully, the frame will make it possible to observe the evolution of the image of Russia, the link between stereotypes and the type of comic book as well as to compare the same image in French mass-media, literature, and movies. In the future we would like to find out whether the use of these stereotypes comes from the authors' insufficient knowledge of the Russian reality, or from their intention to create and reinforce the existing stereotypical image of this country.

Keywords

comic books, French language, stereotypes, image of Russia, imagology

For citation

Debrenne, M. Image of Russia in French-Language Comics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 167–180. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180

Введение

Известно, что род литературы, называемый «bandes dessinées» (BD, досл. «рисованные полосы», далее БД), является неотъемлемой частью франкоязычной лингвокультуры, распространенной главным образом во Франции и Бельгии. Во франкоязычных странах БД занимают значительную часть книжного рынка. К примеру, в 2019 г. было продано 48 млн экземпляров книг (+ 11 % к предыдущему году) на общую сумму в 555 млн евро, опубликовано 5 500 новинок, регулярно проводятся выставки и фестивали. БД разбивается на различные жанры: от научно-фантастического до исторического, от детективного расследования до учебного, и поэтому его читательская аудитория состоит далеко не только из детей или подростков. Влияние БД на представления его любителей о мире может сравниться только с киноискусством, и поэтому, как нам кажется, интересно рассмотреть, как Россия представлена на страницах БД, и в дальнейшем сопоставить его с образом России в кино или в СМИ (см., например, [Бажан, 2017]). Подчеркнем, что в данной статье мы не стремимся оценивать образы России дореволюционного и постреволюционного времени, мы лишь хотим изучить и показать, какими средствами он реализуется. Для этого мы воспользуемся инструментами имагологии.

1. Имагология как наука об образе

Имагология (или имиджелогия) – относительно новая наука, определяющаяся как «сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [Ощепков, 2010, с. 251]. Учитывая, что в настоящей работе предметом нашего рассмотрения являются комиксы на французском языке, т. е. полимодальный текст, в котором визуальный ряд играет столь же важную роль, что и слова, мы не станем ограничиваться «лингвистической» имагологией, т. е. языковыми средствами воплощения образа России. Мы также предпочтем нейтральный термин «образ» маркированному термину «имидж», поскольку мы согласны с утверждением Т. А. Кожевниковой о том, что «в отличие от образа, в имидже обнаруживается значительный воздействующий потенциал, в том числе аргументативный и даже манипулятивный» [Кожевникова, 2016, с. 57].

Основной компонент образа (как, впрочем, и имиджа) – стереотип. В социологическом смысле этот термин был впервые введен Уолтером Липпманом [Lippman, 1922]. Стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность. Липпман утверждал, что стереотипы передаются из поколения в поколение, часто воспринимаются людьми как некая данность и реальность. В его понимании, они обладают устойчивостью, но не являются ни полностью ложными представлениями, ни полностью истинными, а сочетают в себе вымысел или домыслы с реальными чертами объекта.

Этностереотипы, или национальные стереотипы, – это стереотипы восприятия, т. е. «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей» [Садохин, 2014, с. 130]. На основе подобных схем у каждого народа формируется общее представление о разных народах и о себе самом, иными словами, создается некий этнический образ, т. е. «форма краткого описания», основанная на чувственном восприятии представителей того или иного этноса в целом [Там же, с. 131], например: «Все русские ленивы, а китайцы трудолюбивы, немцы пунктуальны, а французы галантны». В такой трактовке стереотип рассматривается теорией межкультурной коммуникации как крайне негативное глубинное явление, формируемое в парадигме «свой / чужой» и препятствующее как нормальному межнациональному общению, так и пониманию друг друга. При этом он (или система сложившихся стереотипов) получает новое терминологическое обозначение – *bias*¹. Вместе с тем, как подчеркивает Берт Петерс [2020], стереотип стереотипу рознь: у этносов и национальных социумов есть такие привычные и укоренившиеся поведенческие нормы, которые обязательны для понимания и соблюдения при изучении иностранных языков.

Стереотипы можно разделить на собственные (автостереотипы), описывающие собственный этнос, и внешние (гетеростереотипы), описывающие другой этнос. Феномен стереотипного восприятия российской лингвокультуры иностранцами часто ассоциируется с выражением *развесистая клюква*. Не суть важно, каково его происхождение. Существенно для понимания процессов межкультурной коммуникации лишь то, что оно в яркой форме указывает на факты преувеличения – умышленного или «художественного» – различных российских реалий в «свидетельствах» иностранцев по причине отсутствия у них точной информации². Позже, в начале XX в., это выражение многократно использовалось в русских текстах,

¹ Терминологические связи между культурным сдвигом, смещением, рефракцией, с одной стороны, и стереотипами (предвзятостью, необъективностью), с другой, описаны в [Жеребцова и др., 2021].

² Существует много гипотез происхождения этого термина. Его обычно датируют XIX в. В этой связи даже всплывают имена Д. Дефо и А. Дюма-сына, которые в своих литературных произведениях нелепо передавали русский быт и реалии, что закрепилось в рассказе одного француза о величественной клюкве – *sous l'ombre d'un klukva majestueux*, под сенью которой он якобы сидел во время своего пребывания в Москве.

а сегодня термин *клюква* применяется в качестве иронической оценки атрибутов стереотипного мышления в кинематографе, литературе, различных СМИ. Любопытно, что оно гораздо более известно в России, где приобрело символическое значение, подчеркивающее исторически неприятную специфику ее «культурного диалога» с западной цивилизацией³, чем во Франции.

Ниже мы рассмотрим, из каких стереотипных элементов состоит образ России во франкоязычных комиксах. Мы постараемся приблизиться к ответу на вопрос о том, являются ли эти элементы результатами попыток, порой неудачных, отражения действительности, или, наоборот, отражением стремления (интенции) создать свой (субъективный) портрет данной страны. В конце статьи будет предложен фрейм для анализа образа России в БД.

2. Франкоязычные комиксы о России

В отличие от перешедшего в русский язык американского термина «комикс» или японского «манга» (странные картинки), у французского термина «банд дессине» нет детской развлекательной коннотации. БД о России представлены во всех жанрах этого искусства, можно даже заметить, что «комических» БД меньше, чем других. Акцент в них часто ставится на создании увлекательного, а не развлекательного текста. Эти функции (и средства их реализации) нужно четко различать, как, например, в [Сухих, Горшкова, 2020] на материале микрофильма научного содержания, в котором комическая форма подчинена науке и не обесценивает ее.

По нашим данным, со времени выхода первой БД о России знаменитого карикатуриста Г. Доре (1854), названной *Живописная, драматическая и карикатурная истории Святой Руси*⁴, и до публикации последней (на момент написания этой статьи), а именно двенадцатого тома сериала Сиско под названием *Русская рулетка* (2021), было опубликовано 233 различных произведения. С учетом того, что некоторые из БД являются многотомными сериалами, мы насчитали 389 книг, так или иначе связанных с Россией. Если сопоставить эту цифру с общим каталогом БД во Франции (24 300 различных наименований в 2019 г.), то это лишь небольшая его часть, но, тем не менее, мы считаем, что наша выборка является достаточно репрезентативной и позволяет создать цельную картину.

В этом материале представлены как многотомные истории, например десяти томные приключения казака Яна Каледина (1983–1992), так и отдельные эпизоды многотомного сериала (см, например, второй том серии *Mattéo*, в котором рассказывается о приключениях главного героя в Петрограде во время Февральской революции, или *Corto Maltese en Sibérie*, в котором известный герой Уго Пратта оказывается на Дальнем Востоке России во время Гражданской войны). В остальных случаях (114 из 233), мы имеем дело с однетомными изданиями.

В рамках настоящего исследования мы исходим из тезиса о культурно-историческом единстве русского характера (образа) на протяжении последних двух веков, а именно, что, несмотря на известные «сословные» различия, черт, сближающих русских людей двух эпох больше, чем отдаляющих друг от друга. При этом понятие русскости персонажа, принятое в работе, задается извне, оно отражает восприятие западным реципиентом как России вообще, так и французских произведений о ней. Другими словами, мы учитываем тот бесспорный факт, что этнокультурная информация о каком-либо социуме при пересечении «ментальных» границ неизбежно подвергается определенной рефракции. Применительно к Франции это значит, например, что к русским относятся и те, кто «этническим» русским по фамилии не является (например, барон фон Унгерн в *Ungern Khan*⁵, расстрелянный по приговору суда

³ Она прекрасно описана у Ф.М. Достоевского, наблюдения которого не теряют своей актуальности. См. в этой связи [Фефелов, 2015 и 2016].

⁴ Список источников см. в конце статьи.

⁵ В соответствии с монгольской традицией Унгерн-хан. Этот титул русский генерал, непримиримый враг новой – советской – власти, заслужил тем, что освободил Монголию («Внешнюю» Монголию) из-под власти Китая.

в Новониколаевске, или Марк Шагал в *Chagall en Russie* и т. д.). Территория проживания (т. е. геокультурные признаки русскости) тоже не имеет решающего значения: персонаж может жить в России или в другой стране (как девочка Аня в *La vie hantée d'Anyà*), может даже получить национальную идентификацию через такое коллективное понятие, как «русская мафия», члены которой не обязательно все русские. Главным «доказательством» принадлежности к русским и их культуре для франкоязычного реципиента является то, что действие БД происходит где-то в дореволюционной или современной России либо в СССР (причем нужно иметь в виду, что для большинства западных читателей эти понятия были тождественны) или же что в БД фигурирует персонаж, предъявляемый адресату как «русский».

В нашем корпусе представлены следующие жанры.

- Небольшая группа книг относится к «комическому» жанру. Самым известным в данной категории является первый том приключений Тентена, *Tintin au pays des Soviets* (1929), с которым перекликается вышедшая в 2020 г. книга о приключениях другого журналиста, Спиру, *Spirou chez les Soviets*. В этой второй книге есть даже прямая цитата из *Тинтина*⁶ в *Стране советов*, поскольку БД давно стали прецедентными феноменами. Можно также упомянуть 17-томный сериал *Le Goulag*, в котором молодой парижанин волею судеб оказывается в Сибири. Данный сериал изобилует цитатами на более или менее правильном русском языке, написанными латиницей или кириллицей, о чем речь пойдет ниже.

- Исторические документальные повествования, например, о Транссибирской магистрали или о Ленине. В этой категории представлены также так называемые журналистские расследования (например, «Русские тетради» об убийстве А. Политковской).

- Исторические романы, в которых вымышленная интрига развивается на фоне реальных исторических событий. Излюбленными темами авторов таких БД являются Революция 1917 г. и Вторая мировая война, но большое место (не меньше 20 томов) занимает Наполеон, в особенности поход его Великой армии на Россию в 1812 г.

- Большая часть книг относится к приключенческому жанру. При этом внутри него можно выделить шпионскую тематику, представленную, например, тщательно прорисованной книгой с обширным текстом *La Machination Voronov* или 14-м томом приключений капитана английской разведки Блейка и ученого Мортимера. В последние годы появляется всё больше книг, действие которых проходит в современной России, а сюжеты носят разоблачительный или детективный характер и связаны с «русской мафией», олигархами, коррупцией и финансовыми махинациями.

- Можно также выделить в отдельную небольшую группу (научно-)фантастические приключения вроде *L'Amour hologramme* или *Siberia 56*. Примечательно, что трехтомная серия *Siberia 56* связана с Россией лишь символически, поскольку топоним «Siberia» используется в ней как аллегория невыносимых условий существования для создания образа полностью покрытой снегом инопланеты.

- Особняком стоят адаптации произведений художественной литературы, как русской (*Война и мир*, *Душка*, *Тарас Бульба*, *Конармия*), так и французской, но посвященной России. Известнейший во Франции (но не в России!) роман Ж. Верна о приключениях царского курьера Михаила Строгова получил два переложения в БД в 1979 и 2010 гг.

3. Визуальный аспект образа России во франкоязычных БД

В этом разделе мы рассмотрим наиболее значимые изобразительные элементы, присутствующие в большинстве БД-книг о России. Мы будем говорить преимущественно об обложке, поскольку, с одной стороны, для ее исследования нет необходимости приобретать книгу, и, с другой, потому что именно обложка формирует образ России или закрепляет имеющийся, мотивирует читателя приобрести ее.

⁶ Принятая российским издателем адаптация имени персонажа Tintin.

Снег

Наиболее популярным у авторов БД элементом является, безусловно, снег. Он представлен на 80 % обложек независимо от того, в каком географическом регионе разворачивается действие (Москва, средняя полоса России, Кавказ, Украина или Сибирь). Во всех книгах, действие которых проходит в России, снег изображается как минимум на нескольких панелях⁷. Нам встретилась лишь одна книга (первый том сериала *Vlad*), в которой снега нет ни на одной панели. В будущем предстоит детально проанализировать присутствие снега на страницах книг, соотношение панелей со снегом и без, а также связь снега со временем года, поскольку не исключено, что авторы рисуют снег даже летом.

Красный цвет

Несмотря на то что Россия более не является коммунистической страной, авторы, в особенности художники и колористы БД, устойчиво ассоциируют страну с красным цветом⁸. По нашим подсчетам, половина обложек содержит хотя бы один элемент красного цвета. Это как минимум цвет оформления названия, но часто это фон и/или небо. Обилие красного цвета объясняется также частотностью пятиконечных (красных) звезд и крови (см. ниже). Так, например, образуется сильный контраст между названием *Nuits Blanches* (Белые Ночи) и изображением под ним – изящная женщина в серой мужской шинели на фоне красного неба, на котором виднеются красные же силуэты церкви и военного отряда. Даже снег нередко может быть окрашен в красный или, в крайнем случае, розовый цвет (см. обложку первого тома сериала *Les Poux*).

На обложках и на страницах книг можно встретить другие рекуррентные элементы: пятиконечную звезду (часто вместо точки в каком-нибудь слове названия), поезда (не только на Транссибирской магистрали, хотя она безусловный лидер среди изображенных маршрутов), шапки-ушанки (в любое время года) и др. В целом книги о России, и в особенности их обложки как квинтэссенция их содержания, часто транслируют идею жестокости, агрессии: мы видим оружие, военную технику, солдат, кровь, смерть. Эта традиция прослеживается с самых ранних книг, поскольку на обложке первой иллюстрированной книги о России Г. Доре, вышедшей в 1854 г., буквы слова «Russie» зловеще кровоточат.

Перечисленные выше элементы могут сочетаться. Так, например, на обложке уже упомянутой недавно вышедшей книги приключений репортера Спиру *Spirou chez les Soviets* можно увидеть и снег, и паровоз, и пятиконечную звезду, ее персонажи носят ушанки и вооружены автоматами, о которых можно предположить, что это знаменитые во всем мире (и ассоциируемые с Россией) «калаши».

Можно также заметить несколько менее ожидаемых, но рекуррентных и потому стереотипных элементов – красивые девушки, некрасивые толстые дамы зрелого возраста и старые разбитые «в хлам» машины. Возможно, дальнейшее изучение содержания книг позволит выявить некоторые вторичные элементы образа. Так же, как Эйфелева башня символизирует Париж, редкий БД о Москве обходится без изображения собора Василия Блаженного, реже – Кремлевских стен.

Несмотря на то что в БД о России встречаются традиционные для образа России стереотипные элементы, следует всё же отметить отсутствие или крайнюю редкость следующих: (черная) икра, матрёшки, серп и молот, медведь. Единственная известная книга, в которой

⁷ Согласно принятой терминологии, «панелью» называют отдельную картинку на странице. URL: https://ru.wikiube.net/wiki/glossary_of_comics_terminology.

⁸ Впрочем, у этой ассоциации есть серьезные культурологические основания. Красный цвет связан не только с периодом послеоктябрьской революции 1917 г., когда он, так сказать, «вышел на улицы». По данным НКРЯ, он и ранее был третьим по частоте упоминаний, оставаясь в XX в. на этом же месте (см. [Масевич, Захаров, 2019, с. 25]). Иногда частота упоминаний красного цвета выходит на второе место, оттесняя прилагательное *черный* на третье [Там же, с. 28, 29]. Другими словами, чтобы отделить в комиксах «коммунистическую» семантику красного цвета от общекультурной, предстоит анализировать контекст.

упоминается икра, *Astérix chez Rahàzade*, не имеет отношения к России, поскольку ее действие происходит в Иране. Матрешки фигурируют только на одной обложке – четвертого тома сериала *Alpha premières armes*, но это оправдано тематически: эпизод так и называется, «Матрешки». В двух других случаях матрешки появляются в ходе развития сюжета, как в *La Machination Voronov*, в котором самая маленькая фигурка заменена контейнером с секретными образцами.

Медведь давно ассоциируется с Россией в западной культуре, в особенности англоязычной [Успенский и др., 2016]. Похоже, однако, что этот стереотип не прижился во франкоязычных БД о России – там медведи появляются всего на трех обложках и в качестве «действующего лица» еще в двух. Одна из этих книг – уже упомянутый БД *Тинтин в стране Советов*, очень известна, но при этом не очень популярна. Ее известность связана с тем, что это самая первая история со знаменитым персонажем. Но она более сорока лет не переиздавалась, потому что страдала, в числе прочего, «примитивным антикоммунизмом»⁹. В этой книге изображен белый (а не бурый, более привычный стереотип о России) медведь. В одной панели он даже пьет водку, сочетая таким образом несколько стереотипов. Сейчас, несмотря на переиздание и колоризацию, она больше изучается как литературно-исторический документ, нежели читается для удовольствия.

Отсутствие этих элементов, обильно представленных в СМИ и прочих видах произведений, во франкоязычных комиксах, наводит на мысль о том, что в БД образ России имеет свою специфику, которую еще предстоит уточнить.

4. Языковые средства выражения образа России во франкоязычных БД

Рассмотрим, какими языковыми средствами авторы – сценаристы и художники – пользуются для того, чтобы подчеркнуть для читателя тот факт, что действие происходит в России и/или что персонаж – русский.

Заемствования

Во французском языке есть некоторое количество русизмов [Иванова, 2003], самые известные из которых – *vodka*, *izba*, *soviet*, *samovar* – встречаются и на страницах БД о России. В тех случаях, когда эти слова называют реалии русского быта, возможно дублирование слова и картинки. Так, в БД о России очень часто пьют водку, соответственно она и изображена на панелях, а слово появляется в «шарах» (или «пузырях» от фр. *bulles*) – так называют пространство на панели, в котором записываются слова персонажей. Встречаются также *goulag*, *kopeck*, *rouble*, *samovar*, *tovaritch*, *tsar*, *taïga* и некоторые другие. Существительное *matriochka* занимает, видимо, промежуточную позицию: то оно используется в прямом – этнокультурном – значении и сопровождается сноской (*La Machination Voronov*), то в переносном¹⁰. Отметим, что в названии *Break point La matriochka* данное существительное обозначает многоступенчатую систему хранения денег и ценностей в банке, при этом ни действие книги, ни персонажи не имеют никакого отношения к России.

Помимо этих освоенных французским языком лексем встречаются и такие, которые еще нуждаются в переводе в силу своей «новорусскости»: *siloviki*, *oligarque*, *zatchistka* и т. п.¹¹ Применяемая в БД транслитерация, конечно же, произвольная, стремящаяся отразить рус-

⁹ Dupuis J. Tintin au pays des Soviets prend des couleurs, enfin! URL: https://www.lexpress.fr/culture/livre/tintin-au-pays-des-soviets-prend-des-couleurs-enfin_1859992.html/.

¹⁰ Этот стереотип можно уже анализировать в сопоставительном плане, т. е. с учетом сходств и различий в его адаптации чужой культурой на примере Германии, описанной достаточно подробно на материале немецких СМИ в [Филатова, 2015, с. 91, 93–94]. Там у него уже появились собственно немецкие производные смыслы.

¹¹ В дальнейшем планируется привести полный перечень заимствований из русского языка во франкоязычных БД.

ское звучание, а перевод может быть контекстуальным. Так, в *L'Etoile du matin* русская красавица – агент ФСБ, чокаясь с главным героем почему-то фужером с шампанским (!), а не стопкой или стаканом с водкой, произносит пожелание «*schastliva*», которое переведено в сноске развернутой фразой: «*au revoir et bonne chance pour la suite*»¹². Отдельно следует подчеркнуть немалое количество русских слов с ошибочной транслитерацией, таких, например, как *spassiva*, *nazdrovie*, *boljemoi*. Возможно, в некоторых случаях эти ошибки сделаны умышленно и представляют собой стилистический прием. Это особенно касается сатирического сериала *le Goulag*, в котором подобные примеры встречаются часто.

Топонимы

Классическим элементом, позволяющим переселять читателя в другую страну, являются имена собственные, в частности топонимы и антропонимы. В БД о России встречается множество топонимов, среди которых ведущее место занимает Москва. Однако особый интерес в контексте конструирования французами этнокультурного образа России представляют, на наш взгляд, не реальные, а вымышленные топонимы, иной раз лишь отдаленно напоминающие первые. К таковым, например, можно отнести *Novijanka* (Vlad, т. 1), детский дом в *Kochkoma* и пролив *Karelskaïa* (оба примера из *Lady S.*). Встречаются также небрежные транслитерации вроде *Yakutzk* (Vlad, т. 3) или *Agadamgorodok* (название книги).

Антропонимы

Аналогичные замечания можно сделать относительно антропонимов. Помимо имен известных исторических личностей (Ленин, Сталин, Берия, Распутин и др.) и обычных имен и фамилий, правильно звучащих на русском языке (многочисленные Сергеи, Владимиры и, конечно же, Наташи), можно с удивлением встретить и псевдорусские имена и фамилии, лишь отдаленно напоминающими аутентичные. Отдельно хочется отметить восьмитомный сериал *Sophaletta*, названный по имени главной героини, а также, среди прочих, *Shaniouchka* (*Lady S.*) *Vladen Nechkov* (*Black-op*, т. 1), *Anna Bonaskaïova* (*Stone*) и девушка *Youria* (*Destination Goulag*).

Создается впечатление, что авторы не стремятся к точности в передаче образа аутентичного имени, а лишь хотят создать что-то «а-ля-рюс», надеясь, что никто не станет проверять, поскольку носителей русского языка среди читателей БД о России во Франции крайне мало. Отдельно стоят вымышленные фамилии в комических БД, предлагающие игру слов на основе русскозвучающих фамилий, заканчивающихся на -ин, -ев, -ов или -ский. Таковыми являются *camarade Doktrine* (*Les 4 as et la navette spatiale*), малосимпатичный полковник *Vapatrovitch* (от «*Vas pas trop vite*», в переводе «не торопись!»), мнимый дореволюционный граф *Vlalarlev* (от «*Voilà la relève*», т. е. «вот и смена пришла») и малосимпатичный генерал КГБ *Lafidmerev* (от «*La fille de mes rêves*», что значит «девушка моей мечты») – все из *Spirou et Fantasio à Moscou*. В данном случае трансформация оказалась возможной из-за специфики беглого французского произношения, «сжимающего» длинные на письме фразы, а приблизительное русское звучание антропонима здесь вполне оправдано художественной задачей. В этот список попадает и *Ivan Ivanovich Sakharine*, русский коллекционер из другого эпизода приключений Тинтина – *Le secret de la licorne*.

Текст на русском языке

Отдельные слова или высказывания на русском языке могут встречаться как в «пузырях» в виде прямой речи персонажей или в качестве ономастических элементов (вывески, названия учреждений, плакаты, лозунги и пр.) в панелях. Возможны следующие варианты их представления:

¹² В обратном переводе: «до свидания и удачи в дальнейшем». В этой связи особый интерес представляет редчайшее выражение благодарности переводчице.

- кириллицей или в латинской транслитерации;
- с переводом или без него, при этом перевод может соответствовать тексту или нет;
- с ошибками или без.

Наибольший эффект присутствия «чужой действительности» возникает при вставках русских слов на кириллице без перевода. Так, в эпизоде приключений знаменитого ковбоя Лаки Люка из *Le grand Duc*, в ходе которого он должен сопровождать по «дикому Западу» некоего Великого князя, франкоязычный читатель натывается вместе с Люком на теплую русскую «компашку», сидящую у костра и поющую явно некстати и не по ситуации «не встречал бы Вас, не страдал бы я» (т. е. Очи черные). Согласно конвенциональному языку комиксов, присутствие отдельных нарисованных ноток дает понять, что персонажи поют, но ни читатель, ни сам Люк так и не узнают, о чем песня. Аналогичным образом, читатель догадывается из контекста, что такие слова, как *каналья*, *мерзавец*, *сволочь* (*Tintin au pays des Soviets*) или *холера* (*Vlad*, т. 1) – это инвективы. И уж совершенно загадочной выглядит обложка книги *Мамонтово*, в которой название дается кириллицей, без транскрипции или объяснения, в связи с чем в электронных каталогах книга указана в том виде, в котором она читается для человека, не знакомого с кириллицей: «Mamontovo».

В некоторых случаях авторы обыгрывают тот факт, что читатель, так же как и отельные персонажи, не владеющие русским языком, не понимает то, что было сказано. При этом в распоряжении читателя могут оказаться два перевода: один для персонажа, второй – для него. Рассмотрим в качестве примера диалог в вагоне-ресторане, из первого тома сериала *Lady S*:

- г. Шарианин (попутчику): «Zarazi vas tchouma!»
- помощник Шарианина (попутчику): «M. Charianine vous souhaite une bonne nuit et bon voyage» (господин Шарианин желает Вам спокойной ночи и приятного путешествия).
- Сноска под панелью: «Que la peste vous étouffe» (правильный перевод).
- г. Шарианин (помощнику): «Odin tchort, my zaplatim etim dourakam amerikantsam obestenivchimisya roubliami».

На этой странице читатель так и не узнает, что сказал г-н Шарианин в заключительной реплике. Ему придется дожидаться следующей недели, поскольку комикс публикуется «недельными порциями», или, если он читает опубликованный в 2004 г. том, перевернуть страницу, чтобы узнать, что было сказано на самом деле. Оказавшаяся за соседним столиком девушка со «вкусным» «русским именем» Шанюшка (*Shaniouchka*), главная героиня всего сериала, объяснит это своим попутчиками, а заодно и читателю.

Здесь, как и в случае с топонимами и антропонимами, русский текст нередко создает впечатление недоработки авторов, причем даже в серьезных БД. Надписи иногда невозможно декодировать: *добротольюбье*, *Беслаен* в *Carnets russes* или *хрунь*, *звиня*, *сукпи спи* в третьем томе *Vlad*.

Рассогласование русского текста и его «перевода» доведено, например, до абсурда в книге *Spirou et Fantasio à Moscou*, в которой «русский текст» представляет собой вырванные из контекста обрывки предложений из какого-то справочника, выдаваемые в сносках за перевод. Такая симуляция создает с помощью русских букв лишь зрительный образ русскости; издатель, очевидно, предполагает, что среди читателей этой книги, предназначенной, скорее всего, для детской аудитории, не будет тех, кто способен понять их и разоблачить их хитрость.

5. Сочетание изобразительных и языковых средств выражения образа России во франкоязычных БД

Наиболее интересным приемом при создании образа России является, на наш взгляд, контаминация, т. е. использование в виде вкраплений отдельных кириллических букв в словах, написанных латиницей. Контаминированные слова фигурируют на обложках в названиях

книг или в фамилиях авторов, но иногда также и в тексте книги. Гибридная графика привлекает внимание читателя и потому запоминается. Встречаются следующие буквенные замены:

- Я вместо R: *SPIROU* на обложке *Spirou chez les Soviets*, там же фамилия автора *ТАЯЯИН*;
- Л или Д вместо А: *LE VENT DES LIBERTIRES*;
- Ф вместо О: *LE GFULAG*;
- И вместо N и Э вместо Е: *TIGRЭ BLAHC*.

Однако при замене нескольких букв читателю может оказаться сложно прочесть название книги, в чем легко убедиться на следующих примерах: ЭДЭИ KILLЭR или КОРЯДЛОВSKI.

Еще одно использование этого графического приема встречается в речи персонажей. На наш взгляд, этим способом автор пытается передать сильный русский акцент, например в *Spirou et Fantasio à Moscou*: *HOUS AUTЯES ЯUSSÉS AIMЕЯ HUMOUЯ*; *J'AI HOМME SEЯEHИSSIME PЯИICE TИЯAZIOV*.

6. Фрейм для анализа образа России во франкоязычных БД

Мы предлагаем следующий фрейм для анализа образа России во франкоязычных БД, его эволюции, сопряженности с жанром, а также сопоставления с альтернативными образами, бытующими в СМИ, произведениях литературы и кино. В него также включены особенности сюжета, общая характеристика «русских» персонажей и их действий, о чем этой статье не упоминалось, но что также является частью образа России.

Справочная информация		
Название БД		
автор(ы) текста		
художник(и)		
колорист(ы)		
год издания		
издательство		
кол-во страниц		
вид издания	сингл том в сериале сериал	(номер тома) (сколько томов)
Жанр	Документальный / исторический/ Приключения / шпионский детектив / (научная) фантастика / комедия / адаптация худ. литературы / другое	
Изобразительные элементы		
Обложка в целом и ее культуроспецифичные элементы	краткое описание	
снег	на обложке	
	на панелях	количество панелей
	место действия	
	время года	
	взаимодействие персонажей со снегом	да – нет
	количество снега	
	другие замечания	
красный цвет	на обложке	

	что окрашено в красный цвет	
	на панелях	количество панелей
пятиконечная звезда	на обложке	
	на панелях	количество панелей
поезд	на обложке	
	на панелях	количество панелей
шапка-ушанка	на обложке	
	на панелях	количество панелей
	в том числе вопреки погоде	количество панелей
оружие, военная техника	на обложке	какая
	на панелях	количество панелей
кровь	на обложке	
	на панелях	количество панелей
медведь	на обложке	
	на панелях	количество панелей
матрешка	на обложке	
	на панелях	количество панелей
прочие элементы	старая толстая женщина, красивая девушка, старый автомобиль, другое...	где встречается, сколько раз
смесь латиницы и кириллицы	<текст>	стр.

Языковые аспекты (по строчке на каждый пример)

Заимствованные слова	<слово>	перевод (если приводится)	кириллица / латиница	правильно / с ошибкой	стр.
Антропоним	<слово>		кириллица / латиница	существующий / вымышленный	стр.
Топоним	<слово>	перевод (если приводится)	кириллица / латиница	существующий / вымышленный	стр.
Высказывание	<текст высказывания>	перевод (если приводится)	кириллица / латиница / смесью	правильно / с ошибкой	стр.

Сюжет

Сюжет (вкратце)				
«Русские» персонажи (по каждому персонажу)	имя	профессия, род занятия	характеристика (положительный, отрицательный герой) характер	действия (с указанием страницы)

Заключение

После того как будет проанализировано большое количество книг из без малого 400 опубликованных к настоящему времени, можно будет представить объективный образ России во франкоязычных комиксах, судить о его эволюции и сопоставить с образами России во французских СМИ и кинофильмах, равно как и в других лингвокультурах. Тот факт, что

большинство их авторов плохо знают Россию, не бывали в ней, приводит к тому, что они склонны тиражировать уже сложившийся в их сознании образ и транслировать его на многотысячную аудиторию комиксов.

Вместе с тем появление в последние годы большого количества книг, сюжет которых связан с русским капитализмом («русской мафией», олигархами, коррупцией и финансовыми махинациями) и действие которых проходит в постсоветской России, приводит к определенным изменениям и в образе России. Создатели новых БД пытаются отойти как от «традиционно-балалаечного» образа, так и от образа красной, коммунистической диктатуры. Наглядным примером таких новых подходов к созданию БД о России служат трехтомный рассказ «Влад» и двухтомник сериала о миллиардере Ларго Винч «Алые Паруса» и «Утренняя звезда», для создания которого авторы предприняли поездку в Россию¹³. По этим книгам можно будет проследить, какие элементы традиционного художественного образа сохраняются, какие отходят на второй план и какие являются новаторскими.

Список литературы

- Бажан М. П.** Образ России во французском медиадискурсе // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции / А. А. Малышев. Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» ФГБОУ ВШ «Санкт-Петербургский государственный университет». СПб., 2017. С. 27–35.
- Жеребцова Ю. А., Чижик А. В., Садохин А. П.** Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (на материале диалогов из Telegram) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72
- Иванова Е. А.** Русская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса XV–XX вв. (Системно-функциональный аспект): Дис. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 2003. 229 с.
- Кожевникова Т. А.** К вопросу о лингвистической имагологии // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 3. С. 56–62.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.** Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-21-48
- Ощепков А. Р.** Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251.
- Петерс Б.** Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Садохин А. П.** Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: КИОРУС, 2014.
- Сухих Д. А., Горшкова В. Е., Фефелов А. Ф.** Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного метражного фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77
- Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г.** Медведи, казаки и русский мороз: Россия в английской карикатуре первой трети XIX в. СПб.: Арка, 2016. 252 с.
- Филатова А. А.** Когнитивно-прагматические функции ксенонимов-русизмов в немецкоязычных текстах СМИ (на материале лексико-семантического поля «Русские народные промыслы») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 88–98.
- Lippman, W.** Public opinion. Harcourt, 1922.

¹³ Delcroix O. Reportage à Saint-Petersbourg dans les pas de Largo Winch. URL: <https://www.lefigaro.fr/bd/reportage-a-saint-petersbourg-dans-les-pas-de-largo-winch-20191107/>.

References

- Bazhan, M. P.** The image of Russia in the French media discourse. In: Modern media environment: traditions, actual practices and trends / A. A. Malyshev. Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2017, pp. 27–35. (in Russ.)
- Filatova, A. A.** Cognitive and pragmatic functions of xenonymic russisms in German mass media texts (a case study of the lexical-semantic field "Russian folk crafts"). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 88–98. (in Russ.)
- Ivanova, E. A.** Russian vocabulary as a source of replenishment of the French lexis and discourse of the 15th – 20th centuries (Systemic and functional aspect). PhD Thesis. Novosibirsk, 2003, 229 p. (in Russ.)
- Kozhevnikova, T. A.** About linguistic imagology. *Foreign languages in higher education*, 2016, no. 3, pp. 56–62. (in Russ.)
- Lippman, W.** Public opinion. Harcourt, 1922.
- Masevich Andrey Ts., Zakharov Victor P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 21–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-21-48
- Oshchepkov, A. R.** Imagology. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 251–253. (in Russ.)
- Peeters, Bert.** Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 84–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104
- Sadokhin, A. P.** Introduction to the theory of intercultural communication. Moscow, 2014.
- Sukhikh, Denis A., Gorshkova, Vera E., Fefelov, Anatoli F.** Comical as a Component of Argumentation in a Pop Sci Short-Short Film. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 59–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77
- Uspensky, V., Rossomalkhin, A., Khrustalev, D.** Bears, kazaks and Russian cold. Russia in English caricature in the first third of 19th century. St. Petersburg, Arka, 2016, 252 p. (in Russ.)
- Zherebtsova, Yulia A., Chizhik, Anna V., Sadokhin, Aleksandr P.** Automatic Methods for Detecting Cultural Bias in Social Media (Based on Telegram's Dialogs). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 54–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72

Список источников / List of Sources

- Arnoux, E., Hé, D.** Sphaletta, Glénat, 1994.
- Aymond, P., Van Hamme, J.** Lady S, t. 1: Na zdrowié, Shaniouchka ! Dupuis, 2004.
- Bartoll, J.-C., Garreta, R.** Insiders Saison 1 – t. 6 Destination Goulag, Dargaud 2007.
- Bec, C., Sentenac, A.** Sibéria 56, t.1 La 13e mission, Glénat, 2014.
- Brémaud, F., Calliuri, D.** Michel Strogoff, Glénat, 1979.
- Brosol, V.** La vie hantée d'Any, Rue de Sèvres, 2019.
- Crisse, D.** Ungern Khan, Vent d'Ouest, 1988.
- David, F., Delrivero, I.** Le Transsibérien, Soleil, 2015.
- Di Gorgio, J.-F., Mormille, C.** Eden Killer, Soleil, 2007.
- Dimitri.** Le Goulag, t. 1 Dargaud, 1978.
- Doré, G.** Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la sainte Russie, Paris, Bry Ainé, 1854.
- Duvivier, M., Bucquoy, J.** Stone t. 3 Anna, Glénat, 1987.
- Francq, C., Giacometti, E.** Largo winch t. 21 L'Étoile du matin, Dupuis, 2019.
- Francq, C., Giacometti, E.** Largo Winch t. 22 Les Voiles Ecarlates, Dupuis, 2020.
- Gaukler.** Korolovski t. 1 L'oligarque, 2015, Le Lombard

- Gibrat, J.-P., Glogowsky, P.** Mattéo t. 2 (deuxième époque, 1917–1918), Futuropolis, 2010.
- Goscinnny, R. Morris,** Les aventures de Lucky Luke, t. 9, Le Grand Duc, 1973, Dargaud.
- Goscinnny, R.** Astérix chez Rahàzade, Editions Albert René, 1987.
- Hergé.** Le secret de la licorne, Casterman, 1943.
- Hergé.** Tintin au pays des Soviets, Casterman, 1929.
- Herzet, E., Queireix, A.** Alpha premières armes, t.4, Matriochkas, Le Lombard 2017.
- Igort.** Les cahiers russes, Futuropolis, 2012.
- Labiano, H., Desberg, S.** Black-op t. 1, Dargaud, 2005.
- Lamquet, C.** L'amour hologramme, Casterman, 1993.
- Lapierre, D., Bailly, P.** Agadamgorodok, Dupuis, 2003.
- Legrain, T.** Benec, Sisco, t. 12, La roulette russe, Le Lombard, 2021.
- Mouauet, C., Stalner, E.** Les Poux t. 1, Glénat, 1989.
- Neidhard, F., Tarrin, F.** Spirou chez les Soviets, Casterman, 2020.
- Osanam, A.** Lénine, Glénat-Fayard, 2017.
- Pena, N., Schemoul, G.** Мамонтово, Gallimard, 2009.
- Pratt, H.** Corto Maltese t. 7, Corto Maltese en Sibérie, Casterman, 2011.
- Roudolph, Caprioli F.** Michel Strogoff, Sagédition, 2010
- Sente, Y., Julliard, A.** Les aventures de Black et Mortimer, t. 14, La Machination Voronov, Black et Mortimer, 2000.
- Saimbert, P., Mutti, A.** Breakpoint: La matriochka, Albin Michel, 2004.
- Sfar, J.** Chagall en Russie, Gallimard, 2010.
- Swolfs Y., Griffo.** Vlad, t. 1, Igor, mon frère, Le Lombard, 2000.
- Swolfs Y., Griffo.** Vlad, t. 3, Zone rouge, Le Lombard, 2004.
- Thirault, P.** Le vent des libertaires, Les Humanoïdes associés, 2002.
- Tome, Janry.** Spirou et Fantasio t. 42, Spirou et Fantasio à Moscou, Dupuis, 1990.
- Udino, G., Improda, S.** Tigre blanc, Physalis, 2012.
- Vernal, J.-L., Ferry.** Ian Kalédine t. 1, La nuit blanche, Le Lombard, 1983.
- Yann, Neuray O.** Nuit blanche, t. 2, Le rossignol de Koursk, Glénat, 1991.

Информация об авторе

Мишель Дебрени, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Michèle Debrenne, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 29.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.08.2021; принята к публикации 01.08.2021
The article was submitted 29.06.2021;
approved after reviewing 01.08.2021; accepted for publication 01.08.2021*

Информация для авторов

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

**Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация**

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей

Список источников

References

List of Dictionaries

List of Sources

Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru